

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГРОЗНЫЙ
2014

Л. ИЛЬЯСОВ

ПЕТРОГЛИФЫ ЧЕЧНИ

ГРОЗНЫЙ
2014

УДК ???
ББК ????
?????

Ильясов, Леча

Петроглифы Чечни / Л. Ильясов. - Москва: ??????, 2014. -
336 с. - ISBN ????????

УДК ?????
ББК ????

Монография Л. Ильясова, историка, этнолога, автора книг по чеченской истории и культуре, посвящена описанию и классификации петроглифов Чечни. В ней представлены фотографии и копии более двухсот петроглифов, обнаруженных на камнях средневековых архитектурных построек. История, функциональные особенности, семантика петроглифов рассматриваются автором во взаимосвязи с древними археологическими культурами и средневековой чеченской архитектурой. Книга представляет большой интерес для ученых, студентов, всех, кто интересуется древней историей Кавказа.

ISBN ??????????????

© Ильясов Л., 2014
© Мазаева Т., 2014
© Чеченский Государственный Университет, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Символы не изобретены человечеством в процессе развития цивилизации, а даны изначально, как язык и сознание. В результате духовной деградации в течение тысячелетий люди утратили их истинный смысл, но не безвозвратно...

Исследование восходящей к эпохе неолита и ранней бронзы символики, которая не только несет в себе информацию о религиозных и магических культах древности, но и может сыграть важную роль в определении этнической принадлежности различных археологических культур, является актуальной задачей чеченской историографии.

При этом необходимо учитывать, что петроглифы – часть не только духовной, но и материальной культуры, они рождались и функционировали в конкретной материальной среде, качество которой определялось множеством факторов, в том числе и этногенетического характера.

Материальная культура является важнейшим историческим источником для исследования и воссоздания прошлого любого народа, даже при наличии письменных хроник и летописей. Архитектура жилищ и храмов, фортификационные сооружения, орудия труда и вооружение, предметы быта и украшения при их объективном научном исследовании и адекватной трактовке дают обильный и незаменимый материал для исторической реконструкции любой эпохи. Особенно важно исследование материальной культуры для воссоздания отдаленного прошлого народов Северного Кавказа, так как проблема объективности по-прежнему остается наиболее актуальной проблемой для работ по истории и этногенезу отдельных народов Кавказа.

И.М. Дьяконов считал, что, «устанавливая происхождение народа, следует иметь в виду, что преемственность может быть тройкой: антропологической, языковой и культурной. Антропологическая преемственность означает прямое биологическое происхождение от тех или иных предков и выражается в передаче определенных внешних (расовых) признаков, которые обычно позволяют установить различные составляющие элементы в образовании данного народа. Границы распространения антропологических типов почти никогда не совпадают с границами этносов и ареалами языков. Языковая преемственность также указывает на историческую связь данного народа с этническими группами, которые были носителями этого же языка на более ранних этапах истории. Распространение языка вширь, на этнически, культурно и антропологически чужеродные группы, является в истории самым обычным явлением. Таким образом, современный этнос может во многих случаях преемственно продолжать культуру преимущественно одних предков, составляющих большинство, а в языковом отношении быть преемником этнической группы, составляющей меньшинство среди его предков»¹.

На территории Северного Кавказа, в междуречье Кубани и Сулака, в течение четырех тысячелетий сменилось несколько археологических культур, в развитии которых наблюдается определенная генетическая преемственность и в бытовой, и в погребальной культуре, и в религиозно-мифологических воззрениях. Несомненно,

¹ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 8.

это является подтверждением этнической преемственности, то есть подтверждением того, что на этой территории в это время жили близкородственные племена и народы, которые являются генетическими предками живущего здесь ныне этноса.

Эти культуры не развивались изолированно. В разные времена их создатели сталкивались и вступали в экономические связи с носителями соседних культур: ямной, катакомбной, кочевыми племенами Юго-Восточной Европы. Эти связи не могли не повлиять на образ жизни, материальную и духовную культуру, религиозные воззрения кавказских племен. Но, несмотря на внешнее влияние и миграцию отдельных групп населения, создатели археологических культур в междуречье Кубани и Сулака практически до раннего Средневековья сохраняли свою этническую и культурную самобытность.

В наше время этот регион является территорией расселения нескольких народов, языки которых относятся к разным языковым группам и семьям (чеченцев, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкес). История каждого из этих народов, в том числе и древняя история, исследуется отдельно, по национально-территориальным образованиям, что затрудняет объективное изучение не только древних археологических культур, но и их этногенетической картины.

История материальной культуры на этой территории, хронологическая и типологическая преемственность в развитии различных археологических культур и религиозно-мифологических воззрений, труды древних авторов дают возможность уверенно предположить, что создателями этих культур, имевших локальные варианты, были близкородственные племена, говорившие на разных диалектах одного языка, который в древности мог быть только языком кавказской семьи. И только лишь в раннем Средневековье в связи с гуннским нашествием начинается процесс проникновения в междуречье Кубани и Терека ираноязычных и тюркоязычных племен, который в тот период не влияет существенно на язык и этнический облик местного населения и принимает активные формы во времена монгольского нашествия и походов Тимура. Перемещение больших масс населения и этногенез большинства современных народов Северного Кавказа завершается только в XV–XVII вв.

Крайняя политизированность исторической науки на Северном Кавказе, изначальная установка сделать каждый из современных народов, проживающих на этой территории, аборигенным лишает исследования по древней истории этого региона не только объективности, но и элементарной научной достоверности. Эта проблема усугубляется существованием взаимных территориальных претензий в различных районах Северного Кавказа, что делает ее принципиально неразрешимой.

Не только в российской, но и в европейской гуманитарной науке существует еще одна методологическая проблема, оказывающая негативное влияние на объективность исторических исследований, – проблема «индоевропоцентризма», на которую указывал еще Н.Я. Марр, один из выдающихся кавказоведов начала XX века. По его мнению, «создавшийся издавна в ученом мире культ индоевропеизма, часто фиктивного, пережиточно дает основание самим кавказоведам подходить к разрешению этнологических и связанных с ними историко-географических вопросов по Кавказу с данными или материалами ариевропейской лингвистики... Обаяние мистического учения о влиянии иранских языков на кавказские, без всякого обратного воздействия, пора бы давно бросить. Но брошено не будет, не скоро будет, – не будет дотол, пока научное исследование этих мировых общественно-научных вопросов находится в руках одних европейцев»².

Определенное влияние на современное кавказоведение до сих пор оказывает и «инерция» информационной войны, начатой царским правительством против «непокорных» народов Северного Кавказа, прежде всего чеченцев и адыгов. Эта «инер-

ция» сыграла огромную роль в характере деятельности грозненской исторической школы во главе с В.Б. Виноградовым, в основе которой лежит крайне тенденциозное освещение древней истории чеченцев и откровенная фальсификация исторических и фольклорных источников.

Один из известнейших исследователей древней истории Кавказа Е.И. Крупнов на основе тщательного изучения археологических культур Северного Кавказа с эпохи ранней бронзы до периода раннего железа пришел к выводу о существовании на территории Кавказа, Закавказья и Малой Азии кавказской культурной и языковой общности. Она, по мнению ученого, характеризовалась рядом общих черт, присущих в V–III тыс. до н.э. всем ее районам: а) оседлостью и общими формами хозяйства (земледелие, скотоводство и развитое гончарство); б) небольшими однотипными поселениями на холмах, с округлыми или прямоугольными жилищами, с передвижными очагами, с использованием глиняных блоков; в) одинаковыми типами керамики с преобладанием спиральной орнаментации. Эта общность стала, по мнению исследователя, распадаться к началу III тыс. до н.э., что подтверждается появлением в это время локальных вариантов энеолитической культуры Кавказа: куро-араксской – в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе, майкопской – на Северо-Западном Кавказе³.

Однако распад кавказской языковой семьи произошел значительно раньше, не позднее конца V тыс. до н.э., как об этом свидетельствует уровень лексических и морфологических соответствий в хуррито-урартских и современных кавказских языках.

К тому же открытие погребений древнейшего этапа майкопской культуры в Чечне и находки «майкопских» предметов на территории Дагестана опровергают гипотезу о зарождении этой культуры раннебронзового века на Северо-Западном Кавказе и продвижении ее с запада на восток.

На сегодняшний день есть все основания предположить, что майкопская культура появляется на основе энеолитической культуры Северного Кавказа в междуречье Кубани и Сулака. Определенное влияние на ее развитие оказали тесные экономические контакты с представителями развитой малоазиатской цивилизации, которые должны были состоять в этническом родстве с «майкопцами».

Показателем этнической близости создателей майкопской археологической культуры к хурритам служит появление на Центральном Кавказе поселений с синкретической культурой, вобравшей в себя черты и куро-араксской, и майкопской культур. И что не менее важно, миграция куро-аракских племен на северные склоны Кавказа началась в период угасания этой культуры на юге.

Все эти факты никоим образом не противоречат гипотезе выдающегося ученого о существовании в древнейшее время на Кавказе кавказской культурно-исторической общности, но дают возможность предположить, что в нее входили близкородственные племена, говорящие на разных диалектах одного языка.

Чеченские петроглифы, которые имеют аналогии в символике археологических культур ранней и средней бронзы, поздней бронзы и раннего железа, аланской археологической культуры, подтверждают это предположение.

Чеченская петроглифика включает в себя практически всю систему символов, созданную человечеством в течение своей культурной истории и отражающую весь спектр его религиозных воззрений. Чеченские петроглифы являются достоянием мировой культуры и, несомненно, должны быть внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

² Марр Н.Я. Термин «скиф» // Марр Н.Я. Избранные работы. Т.5. М.-Л, 1935. С. 11.

³ Крупнов Е.И. Кавказская историческая общность

A photograph of a snow-capped mountain peak under a clear blue sky. The mountain is the central focus, with its sharp peak and ridges covered in snow. The lighting suggests a low sun, creating long shadows and highlighting the texture of the snow and rock. The sky is a deep, clear blue.

ГЛАВА I.

ДРЕВНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ЭТНОГЕНЕЗ ЧЕЧЕНЦЕВ

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ КАВКАЗА

Большинство неолитических памятников, открытых в этом регионе, находятся в Закавказье, в Азербайджане и Западной Грузии. На территории Северного Кавказа неолитические стоянки открыты на побережье Черного моря, в Прикубанье, Кабардино-Балкарии и Дагестане. Отдельные каменные неолитические орудия обнаружены в равнинных и горных районах Чечни, что также может свидетельствовать о возможном существовании здесь стоянок новокаменного века.

Наиболее ранние неолитические памятники находятся в Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе, в Нижне-Шиловской стоянке под Адлером и Каменноостской пещере в Прикубанье. На этих стоянках обнаружены разнообразные кремневые орудия: нуклеусы, скребки, резцы, пластины; геометрические орудия: сегменты, трапеции, вкладыши с прямо срезанными ретушью концами, то есть инвентарь, который появился в предыдущую мезолитическую эпоху. Но здесь найдены также керамика и каменные орудия, относящиеся к неолитической эпохе: шлифованные клиновидные топоры, двусторонне-обработанные рубящие орудия, заготовка наконечника стрелы. Кости домашних животных в неолитическом слое Каменноостской пещеры являются свидетельством перехода от присваивающего хозяйства к производящему⁴.

К позднему этапу неолита относится Агубековское поселение в центральной части Северного Кавказа. Оно располагалось на холмообразной возвышенности, окруженной оврагом. В культурном слое поселения обнаружен разнообразный инвентарь: керамика, обсидиановые, кремневые и каменные предметы, куски слабо обожженной глины. Кремневые орудия большей частью представлены скребками различных типов, проколками, заостренными пластинами, ножевидными пластинами, которые могли использоваться как серповые вкладыши. Здесь также найдены кремневый наконечник стрелы и половинки каменной булавы. Каменный инвентарь включает в себя полированные топоры округлого сечения, долотца, терочники, терки, песты, точильные камни. Керамика поселения изготовлена из глины низкого качества, отличается грубой ручной лепкой и слабым обжигом⁵. Сосуды не орнаментированы, только некоторые из них украшены вдоль верхнего края налепным валиком или рельефным горизонтальным выступом⁶. На поселении также найдена глиняная антропоморфная фигурка, связанная с каким-то древним земледельческим культом. Присутствие в культурном слое поселения земледельческих орудий (зернотерок, пестов, терочников) свидетельствует о зачатках земледелия в позднем неолите Северного Кавказа.

*Неолит. Каменные орудия.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики*

В эпоху позднего неолита равнинные, предгорные и горные районы Кавказа оказываются заселенными. Неолитические поселения представляли собой открытые стоянки по берегам рек или пещеры природного происхождения. В это время уже появляются зачатки скотоводства и земледелия, как об этом свидетельствует инвентарь древних памятников. Переход от присваивающего хозяйства к производящему приводит к быстрому росту численности населения и к освоению практически всех пригодных для жизни районов Северного Кавказа.

Совершенствуются каменные и кремневые орудия труда. В памятниках позднего неолита широко представлены топоры, долота, стамески, терочники, пиловидные орудия. Развитие земледелия способствует совершенствованию земледельческих орудий: каменных мотыг, зернотерок, ступок, пестов.

Возникают различные религиозные культы, отражающие прежде всего хозяйственную деятельность древних племен, земледелие и скотоводство. Сначала в Закавказье, а затем и на Северном Кавказе складывается определенный обряд погребения, который также отражает религиозные представления людей каменного века.

На территории современной Чечни отдельные находки эпохи камня обнаружены в окрестностях озера Кезеной-ам (Хой, Макажой, Орсой), у селений Балансу и Зандак. В основном это изделия из кремня: отщепы, осколки, сколы, ножевидные и ребристые пластины⁷.

Энеолит Северного Кавказа исследован достаточно слабо, даже по сравнению с неолитом. Открыты единичные стоянки и погребальные памятники, инвентарь которых может дать общее представление о характере хозяйственной деятельности энеолитических племен.

В эпоху энеолита, несмотря на появление медных изделий, камень продолжает оставаться основным сырьем для производства орудий труда и вооружения. Но все же, по сравнению с неолитом, в меднокаменном веке происходит значительный прогресс в экономике и общественной жизни древних племен. Более высокого уровня, чем в предыдущую эпоху, достигает развитие скотоводства и земледелия, активизируются межплеменные связи, появляются

⁴Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 56.

⁵Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 73.

⁶Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. М., 2003. С. 30.

⁷Кольцов Л.В., Марковин В.И. Новые местонахождения эпохи камня в горной Чечне // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. С. 11 – 15.

Неолит. Каменные орудия.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики

ся экономические и культурные предпосылки для рождения высокоразвитых культур ранней бронзы.

Одним из немногих хорошо исследованных памятников эпохи энеолита на территории Северного Кавказа является Нальчикский могильник⁸.

Погребения совершены в скорченном положении, по оси восток-запад, мужчины на правом боку, женщины – на левом⁹. Костяки густо посыпаны красной краской, которая, по всей видимости, олицетворяла очистительную силу огня¹⁰. Подобный обряд погребения сохранялся на Кавказе вплоть до начала нашей эры.

Инвентарь погребений включал в себя каменные скребковидные орудия, пластины, отщепы, фрагменты керамики, каменные браслеты, подвески из клыков оленя и резцов быка, бусы различной формы. В одном из погребений было обнаружено медное колечко – древнейшее металлическое изделие, обнаруженное на Северном Кавказе до последнего времени. Именно эта находка является основанием для датировки ранних комплексов Нальчикского могильника временем энеолита.

А.А. Формозов, исходя из наличия в ранних захоронениях Нальчикского могильника каменных браслетов, характерных для погребальных памятников майкопской культуры, сделал вывод, что могильник является памятником, синхронным комплексам майкопской культуры¹¹. Однако каменные браслеты появляются в эпоху неолита и характерны для многих неолитических и энеолитических памятников Ближнего Востока. И только их присутствие (при единичных находках изделий из металла) не может быть основанием для отнесения ранних комплексов этого памятника к эпохе ранней бронзы.

Погребения эпохи энеолита, инвентарь которых по ряду черт соотносится с материалами погребений Нальчикского могильника, открыты на территории Чечни.

⁸ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 138.

⁹ В представлениях чеченцев вплоть до нашего времени левая сторона олицетворяет женское начало, а правая – мужское.

¹⁰ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. С.31.

Курганное погребение у села Бамут до деталей повторяет черты захоронения в Нальчикском могильнике. Здесь также обнаружен мелкий пастовый бисер, разбросанный по всей могиле, и в области черепа – кремневая пластинка с ретушью по краям¹².

Разрушенное погребение у города Грозного также содержало инвентарь, близкий материалам Нальчикского могильника – кремневую ножевидную пластину с ретушью по краям и круглую мергелевую подвеску.

Аналогии в погребальном обряде и предметах быта не только предполагают определенные связи между племенами отдельных областей Предкавказья¹³, но и говорят об их этническом родстве.

Многие символы, которые мы встречаем на камнях средневековых построек, восходят ко времени палеолита, а в эпоху неолита, при переходе к воспроизводящему хозяйству, складывается почти вся система знаков, отражающая религиозные культы древних земледельцев и скотоводов.

Неолит. Каменный скребок.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики

Неолит. Каменный
скребок. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

¹¹ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, С. 146.

¹² История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2006. С.20.

¹³ Мунчаев Р. Кавказ на заре бронзового века. С. 148.

КУРО-АРАКССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Куро-араксская археологическая культура возникла в конце IV тыс. на территории Восточного Закавказья, в междуречье Куры и Аракса, а также на Армянском нагорье¹⁴. Отсюда она распространилась почти на все Закавказье, на отдельные районы Передней Азии, вплоть до Сирии и Палестины, а к северу – на Дагестан и южные районы Чечни и Осетии.

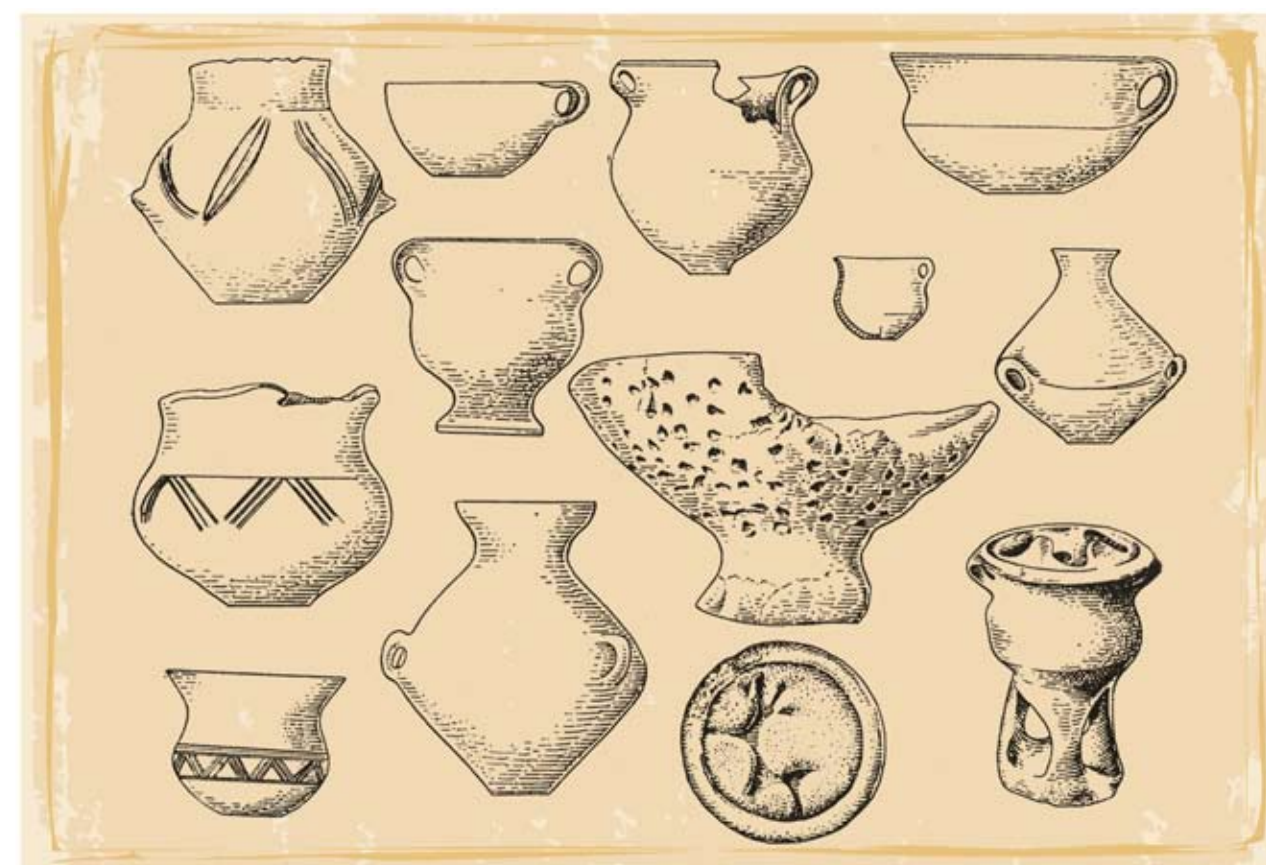
Куро-араксская культура представлена в основном бытовыми памятниками, хотя обнаружено немало и погребений, относящихся к ней.

Поселения куро-аракских племен располагались на холмах и возвышенных местах, а также по берегам рек и на горных склонах. Чаще всего куро-аракские племена устраивали свои поселения на естественно укрепленных холмах, как, например, Сержень-Юртовское поселение на территории Юго-Восточной Чечни. Некоторые поселения куро-аракской культуры обнесены искусственными рвами и каменными или сырцовыми стенами. В Шенгавите куро-аракское поселение было укреплено оборонительной стеной с башнями, сложенной из каменных блоков, и имело подземный ход к реке¹⁵.

Наиболее распространенным типом жилища были дома круглого или овального плана, которые строились из камня, сырцового кирпича или турлучной техникой, но на некоторых поселениях встречаются и прямоугольные постройки¹⁶. Дома перекрывались деревянными балочными конструкциями с глиняным наполнением. В некоторых из них сохранились следы от центрального опорного столба. Круглые глиняные очаги располагали в центре жилища. Большое распространение получили у куро-аракских племен глиняные очажные подставки различного типа, в том числе и в виде стилизованных фигурок быков¹⁷.

Основу хозяйства племен куро-аракской культуры составляли земледелие и скотоводство. Толщина культурных напластований, которая на некоторых поселениях достигает восьми метров, говорит об их оседлом, земледельческом характере.

Именно земледелие являлось основным занятием куро-аракских племен. Об этом свидетельствует многочисленный земледельческий инвентарь и даже зерна различных злаков, обнаруженные в культурных пластах куро-аракских поселений. Поля куро-аракские племена обрабатывали мотыгой, но уже в эпоху расцвета использовали простейший плуг и соху¹⁸. Они сеяли пшеницу различных пород, ячмень, а также выращивали лен для производства ткани.

Уборку урожая производили серпами, первоначально с обсидиановыми, затем с кремневыми вкладышами. На позднем этапе развития куро-аракской культуры для этого уже использовали бронзовые серпы, а также молотильные доски для молотбы и каменные зернотерки для помола. О высоком уровне производства зерна говорят зернохранилища, обнаруженные на многих поселениях куро-аракских племен.

Хозяйство куро-аракских племен было комплексным, поэтому и скотоводство было не менее развитым, чем земледелие. Большое место в нем занимало разведение крупного рогатого скота, который использовался в качестве тягловой силы и транспортного средства, как об этом свидетельствуют археологические находки на куро-аракских поселениях Северного Кавказа. Развитый характер отгонного скотоводства, в результате которого были освоены высокогорные районы Кавказа, может свидетельствовать о доместикации куро-аракскими племенами лошади¹⁹.

Высокого уровня достигает у куро-аракских племен металлургия. Они освоили весь цикл производства бронзы от добычи медной руды до литейного дела. Кавказ и Закавказье становятся одним из крупнейших очагов металлопроизводства Старого Света²⁰.

На поселениях куро-аракской культуры найдено множество печей для выплавки меди, разнообразные орудия труда, оружие и украшения из бронзы, в том числе топоры, плоские тесла, клинки ножей, шилья, наконечники копий.

*Куро-араксская культура.
Археологические материалы*

¹⁴ Именно этот ареал отмечен наибольшим скоплением археологических материалов куро-аракской культуры, в том числе и раннего этапа ее развития.

¹⁵ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 154.

¹⁶ Джавахидвили А.И. Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V–III тыс. до н.э. Тбилиси, 1970. С. 223-237.

¹⁷ Изображения быка характерны и для племен майкопской археологической культуры. Культ быка, существовавший в мифологии Передней Азии, Средиземноморья и Кавказа, отразился в средневековом чеченском сказании о происхождении озера Галанчож в Западной Чечне.

¹⁸ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 51

¹⁹ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 160.

²⁰ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 251.

Куро-араксская культура.
Керамика

с различными примесями. Вполне возможно, что при изготовлении некоторых сосудов использовался примитивный гончарный круг. Керамические изделия отличаются хорошей отделкой поверхности и высоким качеством обжига, который производился в специальных гончарных горнах²¹. Куро-араксская керамика имеет различные формы: крутые плоскодонные широкогорлые сосуды с округлым туловом, большие яйцевидные сосуды с непропорционально узким дном, округлые сосуды с цилиндрической шейкой, кувшины, горшки, чаши, миски, кубки²². Для нее совершенно не характерна роспись, орнамент же отличается простотой и строгостью линий. Основными орнаментальными мотивами являются двойные спирали, соединенные горизонтальной перемычкой, концентрические круги, ромбы, прямоугольники, свастики, а также изображения различных животных²³. Спиралевидный орнамент характерен и для бронзовых изделий майкопской археологической культуры, для керамики и металлических украшений северокавказской, кобанской и аланской археологических культур. Двойная спираль также является одним из самых распространенных петроглифов, характерных для средневековой чеченской петроглифики.

Погребальные сооружения племен куро-араксской культуры – это в основном грунтовые ямы, каменные ящики, склепы подковообразной формы. Они отражают сложную социальную организацию общества.

Религиозно-мифологические представления куро-аракских племен были довольно разнообразными и в основном отражали характер их хозяйственной деятельности. Это и различные земледельческие культы, прежде всего культ богини плодородия, культ солнца, связанный с ним культ огня и, по всей видимости, культ домашнего очага²⁴.

Во второй половине III тыс. до н.э. большинство поселений куро-араксской культуры были покинуты их жителями. Это, по мнению ученых, могло быть вызвано экологическими, климатическими причинами или продвижением с юга других племен. Одна часть куро-аракских племен продви-

Находки костяных и глиняных пряслиц, следы ткани на сосудах, а также обрывок ткани, обнаруженный на одном из поселений этой эпохи, свидетельствуют о существовании у носителей куро-араксской культуры текстильного производства.

Керамика куро-араксской культуры настолько своеобразна, что служит основным идентифицирующим ее атрибутом.

Керамические изделия характеризуются черной лощеной поверхностью и розовой подкладкой изнутри, некоторые из них имеют красно-охристую окраску и идентичны более поздней, майкопской керамике. Они изготовлялись вручную из хорошо промышленной глины

нулась на север и северо-восток, в высокогорные районы Кавказа, другая – на юг, в Переднюю Азию.

Этническая принадлежность куро-аракских племен до сих является предметом острых научных дискуссий²⁵.

Версия об индоевропейском происхождении создателей куро-араксской культуры не имеет достаточной аргументации.

Вероятнее всего, это были хурритские племена, которые в конце IV-го тысячелетия откололись от основного нахско-хурритского этнического массива и устремились на юг – в Закавказье и Переднюю Азию. Это подтверждается и археологическими материалами, и лингвистическими соответствиями. Прежде всего, «ни по технологическим признакам, ни по формам, ни по орнаментации куро-араксская керамика не связана с керамикой из Закавказья V-IV тыс. до н.э., то есть на всех известных многослойных поселениях, где куро-араксский слой подстилается более ранним слоем, четко устанавливается отсутствие генетической связи между основным материалом, представленным в этих слоях, – керамикой, являющейся важнейшим атрибутом культуры»²⁶. Следовательно, создателями куро-араксской культуры могут быть племена, пришедшие в Закавказье в конце IV тысячелетия с севера, из-за Главного Кавказского хребта, так как эта культура не обнаруживает даже на раннем этапе генетических связей с более развитыми в то время культурами Передней Азии. Но в то же время куро-араксская культура обладает рядом общих черт с майкопской археологической культурой Северного Кавказа, которые проявляются в погребальном обряде, керамике и предметах вооружения, что также может свидетельствовать об их общих истоках. Создателями куро-араксской и майкопской археологических культур являются близкородственные племена, жившие в эпоху энеолита на Северном Кавказе.

Это подтверждается и характером, и направлением миграции хурритских племен, которая отражается в исторических источниках III тыс. до н.э.²⁷

Хурритские племена являлись частью нахско-хурритского этнического массива, которая занимала территорию от Кубани до Дагестана, юго-восточную область этого ареала, включавшего юго-восточные и южные районы Чечни и западные районы Дагестана. Подтверждение этому – уровень и характер лингвистических соответствий между хурритским и другими кавказскими языками. Хурритский язык обнаруживает наибольшую близость именно к нахско-дагестанским языкам. Это говорит о том, что распад нахско-дагестанской языковой общности, если таковая существовала вообще²⁸, произошел уже к концу V тыс. до н.э.

Куро-араксская культура.
Керамические изделия

²¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С.51.

²² Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 163.

²³ Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С.47.

²⁴ Об этом свидетельствуют многочисленные находки глиняных моделей очагов на поселениях куро-араксской культуры, которые, по всей видимости, применялись в ритуальных целях.

²⁵ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. С.20.

²⁶ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 161, 198.

²⁷ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. С. 40.

²⁸ Нахские и дагестанские языки могли иметь диалектные различия еще внутри кавказской языковой общности и уже в ту эпоху обрести устойчивую тенденцию к распаду.

Иначе хурритский язык был бы одинаково близок и к нахским, и к дагестанским языкам. С другой стороны, характер лингвистических соответствий свидетельствует о том, что хурритские племена являлись восточной частью нахско-хурритского массива и были соседями носителей дагестанских языков. К концу IV тыс. до н.э. хурритские племена устремляются на юг, в Закавказье, а позднее и в Переднюю Азию, и создают там новую культуру. В период расцвета куро-араксской культуры хурритские племена расселяются по всему Закавказью, включая высокогорные районы, а позднее часть из них возвращается в районы прежнего проживания на территории Северного Кавказа Северного Кавказа и приходит в соприкосновение с нахскими племенами – носителями майкопской культуры. В районах, где встречаются их носители, появляются поселения, материальная культура которых обладает синкретическими чертами обеих. Это было возможно только при определенном этническом родстве их носителей²⁹.

В III тыс. до н.э. хурритские племена Закавказья по неизвестным для нас причинам покидают свои поселения и устремляются на юг. Их миграция и расселение по пути передвижения зафиксированы в исторических источниках III тыс. до н.э..

Потомками хурритов на Северном Кавказе являлись жители Ауха, Ичкерии и Чеберлоя³⁰. Но уже после XV в. они были ассимилированы чеченцами – потомками алан, мигрировавшими сюда из западных районов Кавказа, по преданию, через Нашх.

Хурриты играли в течение многих веков ведущую роль в Передней Азии. В XVI в. они создали государство Митанни со столицей Вапшуканни в Северной Месопотамии. Оно упоминается в хеттских документах и как «Хурри», и как «Митанни».

Митанни играло доминирующую роль в Передней Азии в течение нескольких столетий. Под его влиянием находились многие области, прилегающие к нему, в том числе Аррапха, Киццуватна, Ашшур, Алалах.

Социальная организация хурритов напоминала организацию чеченских средневековых тейповых общин. У них существовали большесемейные общины, именуемые в документах домами – биту или башнями – димту (ср. чеч. цIа – дом, группа близкородственных семей).

Несколько семейных общин образовывали село, которое являлось территориальной или территориально-родственной общиной.

Селения располагались вокруг укрепленного поселения, где находился главный храм, жилища правителя и должностных лиц города-государства. У хурритов существовали совет старейшин и народное собрание, которые активно участвовали в процессе управления.

Куро-араксская керамика

Митанни было достаточно рыхлым образованием, и его правители так и не сумели создать единого централизованного государства. В процессе длительных войн с хеттами, в которых принимала участие на стороне последних и Ассирия, а также междоусобной борьбы за власть и трон Митанни пришло в упадок. К концу XIV в. до н.э. оно попало в зависимость от Ассирии и к 1300 году до н.э. перестало существовать. Нельзя исключать и того, что часть хурритов под давлением семитских племен сместилась на север, в район Армянского нагорья.

По мнению некоторых исследователей, причиной исчезновения куро-араксской культуры и миграции части ее носителей на север и юг является вторжение в ареал ее распространения населения кочевых племен хурритского происхождения (племенной союз Уллив) в конце III тыс. до н.э. В результате синтеза культур автохтонного населения и пришельцев на этой территории складывается триалетская культура, которая характеризуется высоким уровнем развития хозяйства и социальной структуры. Выдающийся исследователь древних цивилизаций Передней Азии И.М. Дьяконов считал, что триалетская культура также была создана нахоязычными племенами.

Эта культура известна в основном по погребальным памятникам (курганам), открытым первоначально на территории Грузии (Цалкинское плоскогорье, Триалети). Курганы более позднего времени открыты в районах, примыкающих к Большому Кавказскому хребту, а также на территории Армении и Азербайджана. Исследователи предполагают, что триалетская культура на позднем этапе ее существования охватывала большую часть Закавказья.

Ранняя керамика сохраняет черты предшествующей куро-араксской культуры (лощение, двуслойность черепка, «ломаный» орнамент).

Погребальные памятники триалетской культуры представлены захоронениями знати, которые отличаются богатством и разнообразием похоронного инвентаря (оружие, высокохудожественные бронзовые и серебряные изделия), а также рядовых общинников - с преобладанием керамики.

На изделиях куро-араксской культуры встречаются символы, которые через несколько тысячелетий появляются на камнях средневековых сооружений в Чечне (свастика, елочный орнамент, двойные спирали).

Характерны эти знаки и для триалетской археологической культуры, особенно свастика, которая часто встречается на местной керамике.

Триалетская культура

²⁹ Виноградов В.Б. Вайнахо-западноазиатские историко-культурные параллели // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 64.

³⁰ В чеченских исторических преданиях говорится о том, что до прихода чеченцев в этих районах жил народ, язык которого отличался от чеченского, но был понятен для них.

МАЙКОПСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Древнейшей археологической культурой, создатели которой могут идентифицироваться непосредственно с предками нахов, является так называемая майкопская культура, названная по имени курганного погребения, найденного вблизи города Майкоп в конце XIX века.

Курган представлял собой насыпь высотой более десяти метров, под которой находились два погребения: одно, основное, непосредственно под насыпью, в яме, другое – в самой насыпи. Основная могила представляла собой четырехугольную яму, вырытую в грунте, ориентированную по оси северо-восток – юго-запад. Вокруг нее был сооружен кромлех из известковых плит. Стены могилы были укреплены деревянными конструкциями, а дно выложено мелкими речными булыжниками. Она была поделена деревянными перегородками на южную и северную половину, а последняя – разделена на две равные части. В южной половине могилы находилось одно погребение (погребенный лежал в скорченном положении на боку, засыпанный красной краской, головой на юго-восток), в северной половине в каждой части предполагалось одно погребение.

Могила (преимущественно южная ее половина) содержала большое количество золотых бляшек в форме львов, быков, золотые кольца и бусы, золотые и серебряные сосуды, кремневые наконечники стрел, каменный шлифованный топор, медные орудия труда, керамику различной формы и назначения³¹.

Еще ранее была открыта группа курганов у станицы Новосвободной (Царской), погребальный обряд (скорченные и окрашенные костяки) и инвентарь которых имел много общего с материалами Майкопского кургана, но погребения в новосвободненских курганах совершались не в ямах, а в каменных гробницах – дольменах. Они содержали богатый инвентарь в виде золотых и серебряных украшений, бронзовых орудий труда и оружия, бронзовые котлы³² и чаши, керамику в виде ангобированных и лощеных сосудов, украшенных орнаментом.

Но при множестве сходных черт, которые дают все основания относить Майкопский курган и курганные погребения у станицы Новосвободной к одной археологической культуре, у них есть определенные различия в способе захоронения (ямы и дольменообразные сооружения), а также в из-

³¹ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 212.

³² Идентичные им бронзовые котлы были позднее обнаружены в майкопских погребениях курганного могильника у селения Бамут в Чечне.

³³ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. С.74

³⁴ При этом Чечня является наименее разведанным в археологическом плане регионом.

³⁵ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 199

³⁶ Предположение о консервации куро-аракских черт в более поздней материальной культуре Северо-Восточного Кавказа недостаточно аргументировано.

готовлении оружия и керамики. По всей видимости, они носят хронологический характер³³, а открытие памятников майкопской культуры промежуточной стадии развития позволяет говорить о трех этапах ее существования (А.А. Формозов, Р.М. Мунчаев).

В XX в. в течение нескольких десятилетий погребальные и бытовые памятники майкопской культуры были открыты в Ставрополье, в Кабардино-Балкарии, в Чечне (у станицы Мекенской на Тереке, у селений Бамут на Фортанге, Бачи-юрт на реке Гонсол, Сержень-юрт)³⁴.

Таким образом, майкопская культура в период своего расцвета распространилась на всю предгорную и равнинную часть Северного Кавказа от Таманского полуострова на западе и до границы Дагестана на юго-востоке³⁵. На юге и юго-востоке Чечено-Ингушетии, в основном в приграничных с Грузией и Дагестаном районах, племена майкопской культуры приходят в соприкосновение с племенами более древней куро-аракской культуры. Инвентарь бытовых и погребальных памятников содержит в себе устойчивые черты и признаки обеих культур. Однако сочетание в археологических комплексах позднемайкопских черт с ранними куро-аракскими, учитывая границы существования этих культур (куро-аракская – от середины IV тыс. и до конца III тыс. до н.э., майкопская – от конца IV и до конца II тыс. до н.э.), не находит пока рационального, научного объяснения³⁶.

Первоначально считалось, что майкопская культура зародилась в северо-западных и центральных районах Северного Кавказа³⁷ и отсюда распространилась на восток. Также не подвергался сомнению тезис о том, что контакты с цивилизациями Передней и Малой Азии совершались по восточному побережью Черного моря. Открытие археологических памятников раннего периода майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе, в Прикубанье³⁸ и Пятигорье служило дополнительной аргументацией в пользу подобных предположений.

Но памятники раннего этапа развития майкопской культуры обнаружены и восточнее – на территории Чечни, у станицы Мекенской³⁹. При этом бытовые предметы и орудия труда из ранних памятников майкопской культуры отличаются крайней архаичностью⁴⁰. Здесь представлены кремневые и обсидиановые орудия труда в виде сегментов и трапеций, каменные зернотерки, скребки, сверла, долота, костяные пилы, рыболовные крючки, оружие в виде клиновидных каменных топоров, кремневые наконечники стрел, копий, дротиков, украшения в виде каменных браслетов.

Присутствие большого количества архаичных предметов в ранних бытовых и погребальных памятниках майкопской культуры, появление которых восходит к местному неолиту, может объясняться только ее местным про-

Майкопская культура.
Керамика. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

³⁷ Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С.213.

³⁸ Формозов А.А. Там же. С. 69.

³⁹ Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 9-48.

⁴⁰ Формозов А.А. Там же. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 133.

⁴² Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. // Советская археология, 1979, №2, С. 31-50.

Майкопская культура.
Голова леопарда. Из кн.
«Мастера бронзового века»

исхождением, культурно-исторической преемственностью⁴¹.

Проблема этнической принадлежности носителей майкопской культуры является очень важной для изучения древней и средневековой истории Северного Кавказа, так как речь идет об этнокультурной преемственности населения на протяжении нескольких тысячелетий, вплоть до монголо-татарского нашествия. Это обусловлено тем, что майкопская археологическая культура генетически связана с более поздней, северокавказской, которая, в свою очередь, трансформировалась в культуру эпохи поздней бронзы и раннего железа, так называемую кобанскую культуру. Есть все основания говорить о генетической преемственности между кобанцами и аланами, так как археологические мате-

риалы не выявляют следов каких-либо массовых вторжений на указанную территорию вплоть до эпохи гуннского нашествия⁴².

Именно поэтому проблема этнической принадлежности носителей майкопской культуры привлекает внимание исследователей уже более ста лет и является предметом острых научных дискуссий и в наше время.

В основе «миграционной» теории лежит идея о массовом переселении переднеазиатских племен на Северный Кавказ в III тыс. до н.э. с уже сложившимися культурными традициями производства керамики и обработки металла. Н.А. Николаева и В.А. Софронов, основываясь на аналогиях изобразительных мотивов двух серебряных кувшинов из Майкопского кургана в археологических памятниках III тыс. до н.э. Средней и Северной Месопотамии (особенно в комплексе Тель Хуэйра в Сирии) и используя как исторический источник текст Ветхого Завета, выдвинули гипотезу о перемещении на Северный Кавказ из района Харрана семитских племен, которые и являются создателями майкопской культуры⁴³. Археолог И.М. Мизиев на основе предполагаемых шумеро-майкопских культурных аналогий выдвинул гипотезу о тюркском происхождении шумеров и, соответственно, майкопских племен⁴⁴.

«Миграционная» теория была подвергнута справедливой и объективной критике в научной литературе⁴⁵. Материала двух кувшинов из Майкопского кургана, которые, вероятнее всего, имеют импортное происхождение, недостаточно для того, чтобы судить о характере майкопского искусства вообще⁴⁶. Хронологическая и функционально-видовая синхронность предметов керамики⁴⁷ также не может быть достаточным основанием для отнесения их к одному источнику и предположения этнического родства их создателей, так как подобные аналогии можно найти при сравнении любых синхронных археологических культур⁴⁸. Использование ветхозаветного текста как исто-

⁴³ Софронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам. // Хронология эпохи бронзы Северного Кавказа. Оржоникидзе, 1982. С. 63-104; Николаева Н.А., Софронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства. // Указ. изд. С. 28-62.

⁴⁴ Мизиев И.М. О создателях майкопской культуры. // Вестник древней истории, 1994, №1. С. 131-136.

⁴⁵ Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура). // Указ. изд. С. 106-121; Чеченов М.И. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа. // Указ. изд. С. 144-157.

⁴⁶ Кстати, об этом пишут и сами исследователи: «При выявлении центра майкопского искусства на Древнем Востоке нужно учитывать то обстоятельство, что основной источник наших сведений об изобразительном искусстве Майкопа — изображение на двух серебряных сосудах...». См. Николаева Н.А., Софронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства. // Хронология эпохи бронзы

рического источника, учитывая абсолютную условность его хронологии, для воссоздания объективной картины конкретных исторических событий также представляется довольно проблематичным. К тому же, и семиты, и тюрки появляются на территории Северного Кавказа не ранее VI – VIII в. н.э., и никаких следов их более древнего пребывания в этом регионе не сохранилось, ни в топонимике этих мест, ни в языках автохтонных народов, ни в исторических преданиях.

Выдающийся археолог и кавказовед Е.И. Крупнов⁴⁹ относил племена майкопской культуры к племенам абхазо-адыгского круга, но носители адыгских языков в древности занимали юго-западную часть Кавказа и вплоть до монголо-татарского нашествия не расселились восточнее левобережья Кубани. Кабардинцы начинают кочевать в центральных районах Кавказа уже после нашествия монголов и орд Тимура в то время, когда эти территории были совершенно опустошены, аланское население большей частью было уничтожено, а оставшиеся в живых жители равнин укрылись в горных ущельях. На этой территории не сохранилось никаких следов древнего адыгского субстрата, ни культурного, ни языкового. Поэтому у нас нет никаких оснований относить майкопские племена к народам абхазо-адыгского круга.

Начиная с эпохи расцвета майкопской культуры, когда уже, по всей видимости, завершается процесс сложения племен, на Северном Кавказе, на территории от Кубани до Аргуна формируется союз близкородственных

Майкопская культура.
Золотая бляшка. Из кн.
«Мастера бронзового века».

Северного Кавказа. - Оржоникидзе, 1982. - с.29

⁴⁷ Не совсем убедительно и сравнение технологий производства керамики двух культур, учитывая абсолютную гипотетичность восстановления технологического процесса. См. Софронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам. // Хронология эпохи бронзы Северного Кавказа. Указ. изд. С.

⁴⁸ В.И. Марковиным была отмечена и явная тенденциозность в подборе предметов керамики для сравнения. // Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа. Указ. изд. С. 106-121.

⁴⁹ Известный ученый писал об этом в то время, когда чеченцы, карачаевцы, балкарцы были депортированы и объявлены врагами. В научной литературе было запрещено употребление этнонима «чеченец», вместо него использовали слово «кистинец». В этих условиях и речи не могло быть о том, что чеченцы имеют непосредственное отношение к создателям великих культур эпохи бронзы.

племен, который, вбирая в себя и ассимилируя отдельные группы степного населения, сохраняется вплоть до монголо-татарского нашествия. В этих же границах в течение почти пяти тысячелетий сохраняется и культурная преемственность, от майкопской культуры до аланской⁵⁰, а позднее, уже в более узких пределах, и до позднесредневековой чеченской культуры.

К тому же ни у кого не вызывает сомнений местное происхождение материалов ранних этапов майкопской культуры, зафиксированных в бытовых и погребальных памятниках Северо-Западного и Центрального Кавказа. Местный характер основного компонента бытового и производственного инвентаря подтверждается археологическими материалами практически всех раскопанных поселений майкопской культуры, относящихся к разным этапам ее существования.

Майкопская культура была создана древним автохтонным населением – предками современного нахского населения Кавказа – и зародилась на местной основе. Но при этом надо учитывать достаточно сильное влияние древних переднеазиатских цивилизаций на культурное развитие Северного Кавказа, которое фиксируется исследователями уже по материалам местного неолита⁵¹.

Культурное влияние Месопотамии на регион усиливается по неясным причинам именно в эпоху ранней бронзы Северного Кавказа. Этот процесс

*Майкопская культура.
Золотая Майкопская
культура. Золотая фигурка
быка. Из кн. «Мастера
бронзового века»*

⁵⁰ Иногда эта преемственность прослеживается на территории одного поселения. См.: Нечаева Л.Г., Мизиев М.И. Поселение раннего бронзового века на р.Урух. // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 104 – 105.

⁵¹ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 61.

⁵² Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 376.

*Майкопская культура.
Золотые украшения. Из кн.
«Мастера бронзового века»*

может объясняться и активизацией торгово-экономических связей, и миграцией отдельных групп месопотамского населения на Северный Кавказ, и потребностью переднеазиатских ремесленных центров в сырье⁵², но наряду с этим основной причиной этих контактов, вероятнее всего, является этническое и языковое родство населения этих регионов⁵³.

Передвижения близкородственных нахских племен через хребет с юга на север и обратно вплоть до конца I тыс. н.э. фиксируются в исторических источниках и народных преданиях.

О родственных связях части племен Передней Азии и носителей майкопской культуры свидетельствуют и их религиозные представления. Судя по каменным кольцам – кромлехам, среди племен майкопской культуры были распространены культы неба и небесных светил, что было свойственно в то же время и населению Передней Азии, но у них еще сохранялись более примитивные культы священных гор, рек, лесов.

Майкопская культура датируется исследователями приблизительно концом IV – началом II тыс. до н.э. На западе она граничила с дольменной культурой, на юге и востоке – с куро-араксской (с ней она была связана генетически), на севере – с ямной, катакомбной, а позже и срубной археологическими культурами.

Племена майкопской культуры занимали в основном предгорные и равнинные районы Северного Кавказа, но, по всей видимости, поддерживали

⁵³ Культурное влияние Месопотамии в этот период почему-то не коснулось в такой же степени Закавказья, хотя оно географически не находилось ближе к ней и по запасам сырья золота и меди не уступало Северному Кавказу. В этом отношении трудно согласиться с гипотезой С.Н.Корневского о переселении на Северный Кавказ больших групп месопотамского населения с остановкой и адаптацией в Закавказье, так как археологические находки на пути предполагаемого продвижения переднеазиатских племен не дают достаточного материала для подобных предположений, а большей частью он вообще отсутствует. См. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. С. 90-92.

Майкопская культура.
Серебряный кувшин. Из кн.
«Мастера бронзового века»

тесные отношения с горными районами⁵⁴.

Они располагали свои поселения в труднодоступных местах: на речных мысах⁵⁵ или террасах, вдоль рек, имеющих высокие обрывистые берега, которые служили им естественным укреплением. С незащищенной стороны они окружали свои поселения оборонительными стенами, выложенными из камня, имевшими внушительные для того времени размеры. Например, поселение Мешоко, которое является наиболее исследованным бытовым памятником майкопской культуры, имело оборонительную стену длиной до 150 метров и шириной до четырех метров⁵⁶. Поселение располагалось на мысу, образованном при слиянии реки Белой и ручья Мешоко. Дома располагались по краю, примыкая к оборонительной стене, в центре поселка находился загон для скота. Культурный слой поселения насыщен обломками керамики, каменными и костяными орудиями, украшениями, костями животных, большим количеством клиновидных шлифованных каменных топоров, сходных с топором из Майкопского кургана.

Кремневые наконечники стрел напоминают ассиметричные наконечники с выемкой в основании и наконечники с пильчатой ретушью из погребений Новосвободненских курганов. В нижних слоях найдены фрагменты керамики, и по составу теста, и по обработке, и по профилировке сходные с сосудами Майкопского кургана. В верхних слоях найдено много керамики с «жемчужным» орнаментом, таким же, как на сосудах из Новосвободной⁵⁷ и на бронзовых котлах из майкопских курганов Бамута. На уровне горизонта в грунте поселения Мешоко обнаружены следы могильника северокавказской археологической культуры.

Материалы, обнаруженные на поселении Мешоко, дали возможность выделить два этапа в развитии майкопской культуры⁵⁸: 1) раннего, времени Майкопского кургана; 2) более позднего, времени курганов у станицы Новосвободной и Бамутских курганов.

По материалам стоянки Хаджох, культурный слой которой содержал большое количество лощеной до зеркального блеска керамики красного и черного цвета, а также сосудов высокотехнологичного производства, был выделен третий, позднейший этап существования майкопской археологической культуры⁵⁹. Однако выявление третьего этапа в ее развитии остается дискуссионным. Известный археолог и исследователь эпохи бронзы Кавказа и Передней Азии Р.М. Мунчаев выделяет два этапа существования майкопской археологической культуры: 1) ранний: эпоха Майкопского кургана и поселения Мешоко; 2) поздний, время Новосвободненского и Бамутского курганного могильников⁶⁰.

Наиболее интересным памятником майкопской культуры на территории современной Чечни является Бамутский курганный могильник. В его погре-

бениях обнаружен богатый и разнообразный инвентарь: красно-охристая керамика, бронзовые кинжалы и топоры, бронзовые наконечники копий, костяные и кремневые наконечники стрел, орудия труда из бронзы и кремня, бронзовые котлы, украшенные жемчужным орнаментом, аналогичные материалу из Новосвободненских курганов, украшения из бронзы и камня.

Погребения, относящиеся к древнейшему этапу майкопской культуры, были обнаружены в курганном могильнике у станицы Мекенской. Камеры погребений имеют прямую аналогию в майкопском кургане, что позволяет «говорить о несомненной близости погребального обряда древнейшего горизонта мекенских курганов с погребениями майкопской культуры»⁶¹. Это также подтверждается и аналогиями в погребальном инвентаре.

Материальная культура майкопских племен в эпоху расцвета достигла высокого уровня. Основу хозяйства составляли скотоводство и земледелие. Как свидетельствуют археологические материалы, скотоводство на раннем этапе развития было более развито, чем земледелие, с преобладанием разведения мелкого рогатого скота. Передвижения майкопских племен на большие расстояния, активный культурно-экономический обмен с цивилизациями Передней Азии дают основание предполагать активное использование лошади для верховой езды. Для эпохи расцвета майкопской культуры можно также предположить появление ранних форм отгонного скотоводства. Земледелие было мотыжным. В качестве мотыг могли использоваться также и каменные топоры, и рога животных. Памятники майкопской культуры не дают обильного земледельческого материала в отличие от куро-араксского энеолита. В археологических комплексах были найдены кремневые вкладыши для серпов, каменные зернотерки, а также фрагменты сосудов для хранения зерна, что в общем-то свидетельствует об определенном уровне развития земледелия у майкопских племен.

Племена майкопской культуры достигли высокого уровня в металлообработке. Об этом свидетельствуют металлические изделия местного производства, найденные в погребениях: бронзовое оружие, орудия труда, бронзовая посуда⁶². Майкопские воины обладали оружием, по эффективности не уступающим даже оружию воинов государственного периода древнего Египта и Шумера (копья с бронзовыми наконечниками, бронзовые топоры, кинжалы)⁶³. На протяжении более тысячи лет, примерно до середины II тыс. до н.э., Кавказ оставался единственным источником, откуда металл поступал в сопредельные области Восточной Европы к племенам ямной и катакомбной культур⁶⁴.

Несмотря на высокий уровень развития металлообработки, майкопцы изготавливали каменные орудия труда и оружие и продолжали пользоваться ими.

Майкопская культура.
Серебряный кувшин. Из кн.
«Мастера бронзового века»

⁵⁴ Подобного рода связи, вероятно, более характерны для периода расцвета майкопской культуры, когда у населения, занимавшего предгорные и плоскостные районы, появилась потребность в отгонном скотоводстве.

⁵⁵ Эта традиция сохраняется у нахских племен и в средневековье: многие средневековые чеченские поселения в горах (Цой-пхеда, Васеркел, Шарой, Шикарой и др.) располагаются на речных мысах.

⁵⁶ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 70; В.И.Марковин, Р.М. Мунчаев. Северный Кавказ. С. 52.

⁵⁷ Формозов А.А. Там же. С. 70.

⁵⁸ Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 78.

⁵⁹ Там же. С. 79-84.

⁶⁰ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 330-335.

⁶¹ Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 40

⁶² Высокая культура производства металлического оружия сохраняется у чеченцев вплоть до XIX века.

Археологические материалы свидетельствуют также о высоком уровне развития керамического производства. Майкопские мастера уже знали гончарный круг и производили предметы керамики различной формы и назначения: горшки, кувшины, миски, крупные шаровидные и яйцевидные сосуды.

Жилища носителей майкопской культуры были турлучного типа: деревянные каркасные постройки, обмазанные глиной. Опирались они на деревянные столбы, укрепленные прямо в земле или скалах⁶⁵. В качестве жилищ майкопцы могли использовать пещеры и скальные ниши, застраивая их стеной из камня⁶⁶. Очаги устраивали у стен (при наличии в жилище центрального опорного столба) или в центре, прямо на земле или в специально вырытой яме.

Племена майкопской культуры строили в основном жилища только прямоугольной формы. То есть традиция строительства прямоугольного жилища зародилась у древних нахских племен в эпоху ранней бронзы, в III тыс. до н.э., с той поры и до наших дней эта традиция осталась неизменной.

В религиозных представлениях майкопских племен наряду с культом солнца и неба, а также различных животных, заимствованном, по всей видимости, из Передней Азии, существовали более древние культы гор, рек, лесов. Фрагменты глиняных статуэток, найденные в различных археологических комплексах майкопской культуры и имеющие аналогии в древних культурах Передней Азии III тыс. до н.э., имеют, вероятно отношение к древним земледельческим культам. Богатый инвентарь погребений свидетельствует о существовании веры в загробную жизнь.

Майкопская археологическая культура просуществовала более тысячи лет. В эпоху своего расцвета она занимала обширную территорию от Прикубанья до Дагестана. Главной ее особенностью были активные культурно-экономические контакты с Передней Азией и Закавказьем, которые во многом определили специфику ее развития. Интенсивное развитие экономики, особенно скотоводства и металлообработки и керамического производства, привели к раннему социальному расслоению и сосредоточению в руках родоплеменной верхушки огромных богатств в виде скота, драгоценных металлов, бронзовых изделий, обособлению наиболее сильных в экономическом отношении патриархальных семей, выдвигавших из своей среды вождей всего племени⁶⁷. Появление новых технологий вооружения должно было способствовать

Майкопская культура.
Серебряный кувшин. Из кн.
«Мастера бронзового века».

появлению зачатков рабства.

К началу II тыс. наиболее яркие черты этой культуры постепенно угасают под влиянием различных факторов. К важнейшим из них относятся прекращение контактов с Передней Азией и активизация связей с населением степной полосы Причерноморья и Поволжья, более отсталым в социально-культурном плане, с последующей инфильтрацией отдельных групп степных племен в среду «майкопцев».

В это время прекращается приток импортных изделий с юга, исчезают захоронения с богатым погребальным инвентарем. Начинается определенная деградация материальной культуры майкопцев, хотя этот процесс был неравномерным для различных районов Северного Кавказа.

Майкопская культура постепенно трансформируется в северокавказскую археологическую культуру, сохраняя долгое время отдельные черты в предметах быта, вооружении и обряде погребения уже в недрах новой культуры.

Например, в Бамутских курганных захоронениях обнаружен погребальный инвентарь, который относится к культуре, занимавшей промежуточное положение между майкопской и северокавказской культурами, т.е. обладавшей признаками обеих, что является подтверждением их преемственности. Аналогичный инвентарь обнаружен в курганных захоронениях у города Владикавказ в Северной Осетии⁶⁸.

Майкопская археологическая культура была создана носителями нахских языков, которые вплоть до раннего средневековья занимали территорию от Кубани до Сулака. Постоянные контакты с родственными по языку и происхождению племенами Закавказья, Передней и Малой Азии, а также их миграции способствовали расцвету культуры ранней бронзы Северного Кавказа и созданию синкретических культур на границе их соприкосновения.

Погребальная культура майкопских племен свидетельствует о том, что преобладающим у них был культ огня и солнца. Этот культ сохраняется у нахских племен в течение нескольких тысячелетий, а его отголоски в различном виде – вплоть до укрепления среди чеченцев ислама.

⁶³ Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. С. 85.

⁶⁴ История народов Северного Кавказа. М., 1988. С. 48.

⁶⁵ Подобная техника строительства применяется у чеченцев и сегодня.

⁶⁶ Ср. Чеченские башни, встроенные в скальные ниши.

⁶⁷ История народов Северного Кавказа. С. 48.

⁶⁸ Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.34-35.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В начале II тыс. до н.э. майкопская археологическая культура постепенно сменяется новой, которую ученые назвали северокавказской⁶⁹. Она не была материальной культурой нового населения этого региона, а сложилась на основе майкопской культуры и генетически из нее вытекала. Об этом свидетельствует сходство похоронного ритуала, возведение надмогильных каменных кромехов и, соответственно, сходство религиозных представлений, образцов керамики, а также почти полное совпадение территорий распространения.

При этом существуют погребальные памятники переходного периода, которые сохранили какие-то черты майкопской культуры, но уже содержат признаки иного погребального обряда или инвентаря, представляющий новую культуру.

Наиболее интересным памятником переходного времени, который В.И. Марковин отнес к раннему этапу северокавказской археологической культуры, является курганный захоронение возле Ульского аула в Прикубанье⁷⁰. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к востоку. В погребении были обнаружены глиняные и алебастровые статуэтки, миниатюрный сосудик, изогнутые булавки с отверстиями, похожие на булавки из майкопских курганов у станицы Новосвободной, фрагменты керамики, миниатюрная глиняная модель повозки. Для Ульского кургана характерно сочетание инвентаря, близкого к майкопскому, и черт нового погребального обряда⁷¹, свойственного погребениям северокавказской культуры.

Памятники переходного периода или раннего этапа северокавказской археологической культуры обнаружены на территории от Прикубанья до Дагестана. Наиболее ранним погребальным памятником этой культуры на территории современной Чечни является курганный захоронение в дольменобразном ящике у селения Закан-юрт.

Для погребений раннего этапа северокавказской культуры, в зависимости от географического района, характерны два типа положения костяка: в Прикубанье в основном вытянутый, на спине, в центральных и горных районах — скорченный.

Из инвентаря, при всех локальных вариантах, наиболее типичными являются костяные изогнутые булавки, витые проволоочные подвески, каменные сверленные топоры простых форм, бронзовые топоры со слегка свисающим обухом, плоские тесловидные топоры, сосуды с «елочным» орнаментом и

Северокавказская культура.
Бронзовая булавка. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

вдавлениями⁷².

На основе майкопских черт в обряде погребения, архаичности инвентаря, а также аналогий в древних комплексах Закавказья и Передней Азии В.И. Марковин определил границы раннего этапа северокавказской археологической культуры началом II тыс. до н.э. и 1700 годом до н.э.⁷³. К концу его черты майкопской культуры уже окончательно исчезли, а особенности новой археологической культуры обрели определенную устойчивость.

К середине II тыс. до н.э. окончательно складываются черты нового погребального обряда⁷⁴, типы погребального инвентаря, характерные именно для северокавказской археологической культуры. Это время завершения ее второго этапа, границы которого определяются 1700 годом до н.э. и 1500 годом н.э.

По всей территории распространения северокавказской археологической культуры от Прикубанья до левобережья Сулака почти все погребения этого времени содержат бронзовые проушные топоры, бронзовые орудия и оружие, литые украшения, покрытые узором, каменные топоры и булавы, орнаментированные сосуды. При этом изделия из бронзы украшены ярким орнаментом в виде шнура, спирали, налешных кружочков, сосуды — оттисками шнура, спиральными вдавлениями.

В этот период можно говорить об определенном расцвете материальной культуры северокавказских племен, тогда как на ранней стадии существования северокавказской культуры ощущалась явная ее деградация по сравнению с предыдущей майкопской археологической культурой. Это проявляется и в разнообразии инвентаря погребений, и в более высокой технологии производства.

К примеру, курганный захоронение у станицы Андрюковской содержало медный кинжал с нервюрой, круглый медальон, орнаментированный узором в виде шнура и спирали, медные подвески, височное кольцо овальной формы, молоточковидную булавку⁷⁵.

На территории современной Чечни обнаружено большое количество памятников северокавказской культуры, в том числе погребений и поселений.

Например, в Бамутских курганных захоронениях представлены материалы майкопской и северокавказской культур, а также инвентарь археологической культуры, занимавшей промежуточное положение между ними⁷⁶.

В Старосунженском кургане выявлено семь погребений, в которых обнаружены сосуды различной формы, в том числе и ритуальный сосуд серо-

⁶⁹ Помимо этого существует термин «терско-кубанская культура»

⁷⁰ Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960. С. 30.

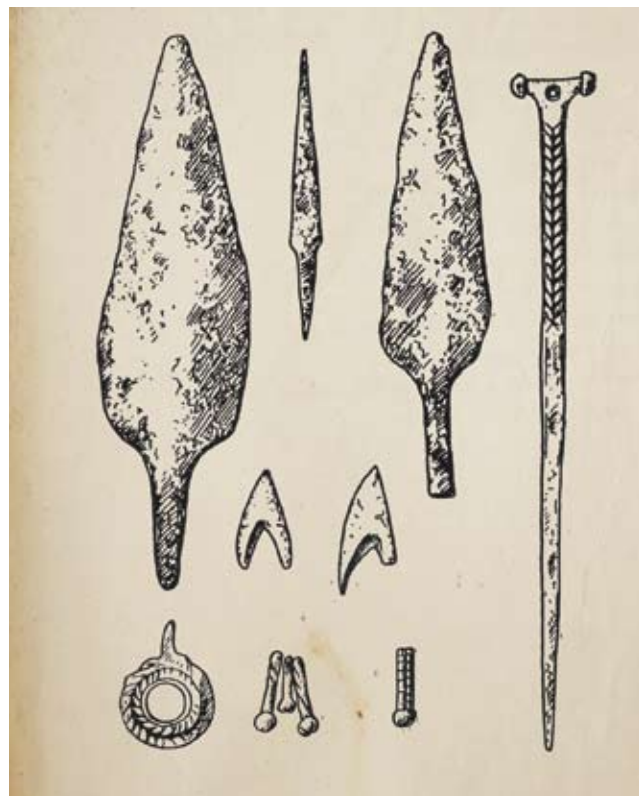
⁷¹ Для памятников майкопской культуры характерно скорченное положение погребенного, голову на юг.

⁷² Марковин В.И. Там же. С. 33.

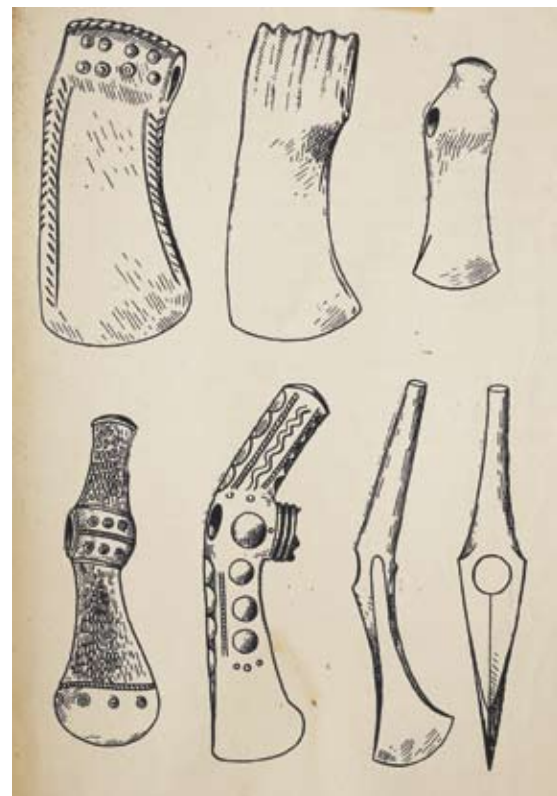
⁷³ Марковин В.И. Там же. С. 50.

⁷⁴ Для Прикубанья — вытянутый костяк с западно-восточной ориентацией, для центральных и горных районов — скорченный костяк. По всей территории северокавказской культуры уменьшается окрашенность костяка, столь характерная для погребений майкопской культуры.

⁷⁵ Марковин В.И. Там же. С. 51.

Северокавказская культура. Бронзовые и каменные предметы.

Северокавказская культура. Бронзовые топоры. II тыс. до н.э.

оранжевого цвета, украшенный орнаментом в виде треугольников, состоящий из тройных линий. Подобный сосуд, только большего размера, был найден в районе Пятигорья. Исследователи датируют эти захоронения XVIII – XV вв.⁷⁷

Большая часть погребений второго горизонта Мекенских курганов относится к различным этапам северокавказской культуры, что подтверждается характером погребального инвентаря (сосуды, медные украшения, в том числе в виде спиралей, дисковидные орнаментированные подвески, подвески в виде птичьих голов, височные привески в полтора оборота)⁷⁸.

В различных районах Чеченской Республики также найдено большое количество отдельных материалов, относящихся к северокавказской культуре: костяной наконечник гарпуна, обнаруженный на окраине города Гудермес, каменная булава из окрестностей Грозного, напоминающая по форме соответствующее орудие из могильника Фаскау в Северной Осетии, инвентарь погребения у селения Дай, который имеет аналогии в других районах Северного Кавказа (Агубековское, Фаскау, Мешоко, Гатын-Кале)⁷⁹.

Типичным памятником второго этапа развития северокавказской культуры является грунтовый могильник Гатын-кале в Аргунском ущелье. В погребениях обнаружены многовитковые бронзовые браслеты, булавки с волютообразными навершиями, бронзовые и пастовые бусы, подвески в виде ложечек и колец, височные кольца, глиняные сосуды.

К концу II тыс. до н.э. в различных районах Северного Кавказа носители

⁷⁶ Мунчаев Р. М. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году. // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 131 - 152.

⁷⁷ Петренко В.А. Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. // Археолого-этнографический сборник, Т. III. Грозный, 1969. С. 27 – 29.

⁷⁸ Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станции Мекенской. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 42.

северокавказской археологической культуры приходят в соприкосновение с представителями северных степных культур, прежде всего катакомбной и срубной. На западе, в Прикубанье, эти процессы приобретают более глубокий и системный характер. В погребениях этого региона появляются новые черты не только в инвентаре, но и в погребальном обряде. Постепенно меняется облик материальной культуры, приобретая смешанный характер. На Центральном Кавказе эти процессы протекают медленнее, влияние степных культур ощущается меньше и в погребальном обряде, и в предметах материальной культуры. На восточной границе ареала, в Дагестане, где усиливается влияние местных энеолитических культур, северокавказская культура также теряет свои специфические черты. Это время исследователи относят к третьему этапу ее существования. Границы его определяются приблизительно серединой II тыс. до н.э. – концом II тыс. до н.э. В этот период усиливаются локальные различия в материальной культуре и погребальном обряде у племен северокавказской культуры в различных районах Северного Кавказа. На их основе в недрах старой культуры зарождаются черты новых археологических культур, прежде всего прикубанской и кобанской. К примеру, бронзовый топор, найденный у селения Закан-юрт в Чечне, является прототипом кобанских топориков⁸⁰.

Материальная культура северокавказских племен эпохи расцвета была довольно развитой и разнообразной, как это показывает инвентарь погребений.

Северокавказская керамика отличается разнообразием форм и тщательной отделкой. Сосуды имеют красновато-коричневую или черную поверхность, украшаются орнаментом в виде оттисков шнура, вдавлениями треугольного штампа, «елочным» узором, двойными спиралями.

Погребальные памятники северокавказской культуры содержат также большое количество бронзовых изделий, что говорит о высоком уровне развития металлургии и металлообработки. К наиболее типичным металлическим предметам инвентаря погребений относятся тесловидные топоры, бронзовые топоры с проушиной, обоюдоострые листовидные ножи, бронзовые булавки различных форм, подвески, височные кольца, браслеты и бусы.

Добыча и обработка медной руды на Северном Кавказе имела свои специфические особенности в сравнении с Закавказьем и Передней Азией. Руда добывалась, в основном, вручную с поверхности залежей, но также использовались штольни и шахты. В верховьях реки большой Зеленчук была открыта горизонтальная шахта и отходящие от нее штольни, в которых были обнаружены орудия рудокопов – каменные желобчатые молоты и каменный терочник⁸¹. Для производства бронзы вместо олова использовался мышьяк. Такой сплав отличался твердостью и меньшей тугоплавкостью. Северокавказские мастера освоили технику литья металла.

Несмотря на высокий уровень металлообработки, северокавказцы широко использовали каменные орудия труда и оружие: мотыги, серпы, топорники, булавы.

Активное использование камня характерно для всех

Северокавказская культура. Бронзовый браслет. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

⁷⁹ Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века. // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976. С. 17-27.

⁸⁰ Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. С. 84.

⁸¹ История народов Северного Кавказа. С. 55.

погребальных памятников северокавказской культуры этого времени.

По всей видимости, камень играл особую роль и в похоронном ритуале, и в религиозных воззрениях северокавказцев. Во-первых, камень очень широко использовали при погребении, как и в эпоху майкопской культуры (каменные вымостки в курганах, кольца-кромлехи вокруг могил). Во-вторых, в погребениях северокавказцев находят камни-амулеты. Это говорит о том, что камень играл важную роль в их жизни и ему приписывалась чудодейственная сила. Интересные реликты этого культа остались в чеченском языке: т1о – камень, т1а – ладонь, т1ом – война. Слово «т1о – камень» образует целый семантический ряд со значением «камень + ладонь = война». Таким образом, в чеченском языке слово «война» восходит к древнейшему оружию человека – камню.

Основную роль в хозяйстве носителей северокавказской культуры играли скотоводство и земледелие. Земледелие было более развитым, чем в предыдущую эпоху: культивировались различные виды злаков (пшеница, ячмень). Земледелие было мотыжным, для обработки земли изготавливались мотыги из твердых пород камня. Если на раннем этапе северокавказской культуры

уборка урожая производилась серпами с кремневыми вкладышами, то позднее распространились бронзовые серпы. Для помола зерна использовались каменные зернотерки, которые очень часто встречаются в погребениях северокавказской культуры. Подобные зернотерки использовались чеченцами вплоть до конца XX века.

Основу скотоводства составляло разведение овец, коз и крупного рогатого скота. Овцеводство было отгонным, прослеживается по предметам северокавказской культуры, найденным в высокогорных районах, куда скот отгоняли на летние пастбища, и в прикаспийских степях, где его пасли зимой. Отгонное скотоводство в зачаточном состоянии, по всей видимости, было характерно и для майкопских племен. Этому способствовало и разведение лошадей, которые использовались только для верховой езды.

Найденная в Ульском кургане глиняная модель двухколесной повозки свидетельствует о том, что северокавказские племена уже были знакомы с колесной телегой.

О форме жилищ той эпохи можно судить по различным типам могил, так как в древности могилы очень часто повторяли земные дома. И даже строительный материал для земных и вечных жилищ использовался один и тот же, в зависимости от его доступности. В горных районах, где уже в предыдущую эпоху стали строить дома из камня, были распространены каменные склепы и каменные ящики, в лесных районах, где строились деревянные дома и камня было мало, использовались деревянные конструкции при возведении могил. Как и в предыдущую эпоху, жилища в этом ареале были прямоугольной формы, хотя нахским племенам не была чужда и культура строительства овальных зданий.

Несмотря на скудость материала, свидетельствующего о характере поселений и жилищ племен северокавказской культуры, разнообразные типы могил говорят о том, что они обладали довольно высокой техникой жилищного и,

Северокавказская культура.
Височное кольцо из курганного погребения. Бамут, Чечня.
Из кн. «Мастера бронзового века»

Северокавказская культура.
Каменный топор. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

возможно, фортификационного строительства. Именно к северокавказской культуре археологи относят жилую постройку у селения Гатын-Кале в горной Чечне. Она была прямоугольной в плане, стены сплетены из хвороста и обмазаны глиной. Жилище было разделено на две камеры внутренней стеной, выстроенной из камня. Пол в жилище выложен каменной плиткой.

Погребальная культура северокавказцев была очень разнообразной: курганы, каменные ящики, склепы, грунтовые ямы. В таком виде нахи Северного Кавказа сохраняют ее вплоть до Позднего Средневековья. По погребениям, в которых находят оружие, украшения, посуду, видно, что носители северокавказской культуры верили в загробную жизнь и считали ее продолжением земной жизни. Подобные воззрения были присущи нахам и в Средневековье.

Религиозные культы племен северокавказской культуры остались почти неизменными с эпохи майкопской культуры: культ огня и солнца, гор, культ предков.

На третьем этапе ее существования территория расселения «северокавказских племен» резко сокращается в результате перемещения в степную и предгорную часть Северного Кавказа носителей катакомбной культуры⁸², которые, судя по скифо-кобанским антропологическим параллелям, на начальном этапе принимают участие в этногенезе кобанских племен.

В эпоху поздней бронзы на территории Дагестана и на юго-востоке Чечни существовала так называемая каякентско-харачоевская археологическая культура, которая восходит к более древней местной культуре ранней и развитой бронзы.

В погребальном обряде каякентско-харачоевская культура характеризуется преобладанием погребений в каменных ящиках, наличием в основном скорченных и одиночных захоронений, закладкой в могилы мясной заупокойной пищи.

Основным археологическим материалом является керамика, изготовленная без применения гончарного круга, достаточно бедно орнаментированная. В каякентско-харачоевских захоронениях почти не встречаются предметы вооружения, но преобладают металлические украшения (браслеты,

Северокавказская культура.
Каменный топор.
II тыс. до н.э.

налобные ленты, различные подвески, кольца, височные подвески, бусы).

Древние племена – носители каякентско-харачоевской культуры занимались в основном земледелием и скотоводством. Это подтверждается находками кремневых вкладышей для серпов, ступок для дробления зерна. Основными посевными культурами были ячмень и мягкая пшеница. В скотоводстве преобладало разведение крупного рогатого скота, свиней, овец, о чем свидетельствуют остеологические материалы домашних животных каякентско-харачоевских поселений. Кроме того, эти племена занимались охотой и рыбной ловлей, а также различного рода ремеслами (изготовлением глиняной посуды, ткачеством, шитьем).

Обычно принято включать в ареал распространения каякентско-харачоевской культуры всю территорию Дагестана и Чечено-Ингушетии. В действительности же более или менее определенно к этой культуре можно отнести только Харачойский могильник, расположенный на самой границе Чечни и Дагестана. Могильники и поселения поздней бронзы у чеченских селений Хиндой, Курчалой, Бачи-Юрт В.А. Козенкова вводит в ареал кобанской культуры.

Также нет оснований относить к ареалу каякентско-харачоевской культуры и Зандак, материалы которого содержат узнаваемые кобанские черты. На позднем этапе существования памятники каякентско-харачоевской культуры стали соседствовать с кобанскими, что было связано с продвижением на восток кобанских племен.

Неаргументированное включение территории Чечни и Ингушетии в ареал каякентско-харачоевской культуры дает основание некоторым исследователям считать современных вайнахов потомками создателей этой культуры поздней бронзы Дагестана⁸³.

Однако древний нахский этнос формировался не на Северо-Восточном Кавказе, а на обширной территории в междуречье Кубани и Аргуна (периодически эта граница смещалась к востоку до Сулака).

Распад кавказской языковой общности произошел не позднее V тыс. до н.э., распад нахско-дагестанской языковой общности – не позднее IV тыс. до н.э., что подтверждается данными хуррито-урартских языков. Дело в том, что хуррито-урартские языки ближе всего в лексическом отношении к нахским языкам, затем к дагестанским, абхазо-адыгским и картвельским языкам. Это говорит о том, что разделение нахских и хуррито-урартских языков произошло после распада не только кавказской семьи языков, но и после распада нахско-дагестанской языковой общности. Поэтому ни о какой нахско-дагестанской языковой и культурной общности в период поздней бронзы и раннего железа не может быть и речи.

В конце II – начале I тыс. до н.э. черты северокавказской культуры в ареале расселения нахских племен постепенно растворяются в новой, зарождающейся на ее основе кобанской культуре.

В конце II – начале I тыс. до н.э. черты северокавказской культуры в ареале расселения нахских племен постепенно растворяются в новой, зарождающейся на ее основе кобанской культуре.

Северокавказская культура.
Парадное оружие и украшения.
Из кн. «Мастера бронзового века»

КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

К середине II – к началу I тыс. до н.э. северокавказская культура сменяется так называемой кобанской археологической культурой. Обе эти культуры были связаны генетически и принадлежали одному этносу. Основной ареал распространения кобанской культуры совпадает с зоной предыдущей, северокавказской, смещаясь при этом на юг, к Главному Кавказскому хребту, а в районе Центрального Кавказа и за границы хребта. На севере граница ее доходила до современной Ставропольской возвышенности. Это отражало характер расселения нахских племен, которые под натиском многочисленных диких орд ирано-, угро-, тюркоязычных кочевников были вынуждены сдвигаться на юг и восток, вытесняя и частично ассимилируя народы, создавшие куро-аракскую культуру и возникшие на ее основе культуры поздней бронзы, в том числе каякентско-харачоевскую. Наиболее древние памятники кобанской культуры найдены на территории древней Двалетии (современной Южной Осетии) – это XVI в. до н.э. На Северном Кавказе самые ранние памятники кобанской культуры датируются XII веком, самые поздние – IV веком до н.э.

Основой хозяйственной деятельности кобанцев было скотоводство и земледелие⁸⁴. При этом ведущей отраслью их хозяйства было скотоводство.

Кобанская культура. Бронзовая булавка. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

⁸³ Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1982. С. 112.

⁸⁴ Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С.277.

Кобанская культура.
Бронзовая пластина. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

Они разводили крупный и мелкий рогатый скот. Овцеводство было отгонным. Огромную роль в хозяйстве и в жизни кобанских племен играло разведение лошадей. Об этом свидетельствует большое число находок элементов конской сбруи на кобанских поселениях и в погребениях. По всей видимости, лошадь становится в этот период основным средством передвижения⁸⁵. Многочисленные глиняные фигурки лошадей, изображение лошади на бронзовых топорах, керамике говорят о ее культе у кобанцев⁸⁶.

О развитии земледелия у кобанцев можно судить по археологическим материалам из предгорных и равнинных районов.

«Кобанцы» культивировали пшеницу, ячмень, рожь, просо. При обработке папшен использовали деревянную соху, плуг, мотыгу с бронзовой насадкой, каменные серпы с кремневым вкладышем, бронзовые серпы, а к VII в. до н.э. деревянные плуги начинают оснащаться железными лемехами, появляются железные серпы. Зерно хранили в сосудах и специальных ямах. Для молотбы использовали молотильные доски, для помола — каменные зернотерки, песты и ступки.

Несмотря на высокий уровень развития скотоводства, немалое место в экономике «кобанцев» занимала охота. Об этом свидетельствуют находки костей различных диких животных в культурных пластах поселений, а также изображение сцены охоты на оленя на поясе из листовой бронзы⁸⁷. По всей видимости, древние охотники уже приручили собаку⁸⁸.

Высокого уровня кобанцы достигли в металлообработке. Они разработали довольно совершенные для своего времени технологии добычи и обработки медной руды и создания высококачественной бронзы⁸⁹. Кобанские племена перешли к ремесленному производству металла и металлических изделий. Например, на Серженьюртовском поселении (Восточная Чечня) кобанской эпохи обнаружены остатки трех мастерских по обработке металла. В одном из помещений находилась плавильная печь⁹⁰. Кроме того, в мастерских найдены обломки медеплавильных тиглей, литейные формы, бронзовые слитки, большое количество металлических изделий.

На Бамутском поселении (Западная Чечня) кобанской культуры найдены глиняные формы для отливки бронзовых украшений.

Кобанская бронза состояла из сплава меди с оловом, которое ввозилось на Северный Кавказ из Закавказья⁹¹. Из нее изготавливали орудия труда, оружие, посуду, конскую сбрую, предметы культа, украшения.

С X в. до н.э. носители кобанской культуры начинают осваивать железо, и уже к VII в. до н.э. они переходят к массовому его использованию.

Кобанские племена достигли высокого уровня в производстве оружия. В их памятниках в большом количестве представлены бронзовые и железные топоры, кинжалы, наконечники копий и стрел, кинжальные клинки, а так-

Кобанская культура.
Бронзовая подвеска в виде
головы барана. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовая птицевидная
подвеска. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

же биметаллические кинжалы с железным клинком и бронзовой рукоятью⁹². Особым изяществом отличаются бронзовые кобанские топоры, украшенные разнообразным орнаментом. В погребениях позднего этапа кобанской культуры встречаются мечи и кинжалы скифского типа, в том числе и мечикинаки, которые согласно самым последним исследованиям имеют северокавказские корни.

Кроме того, в кобанских погребениях обнаружено большое количество различных бронзовых украшений и предметов одежды: богато орнаментированные пояса из листовой бронзы, поясные пряжки различных форм, булавки, фибулы, браслеты, перстни, серьги.

Не менее развитым было у кобанцев гончарное производство. По материалам кобанских поселений можно предположить, что производство керамики было у них поставлено на ремесленную основу. Например, на Серженьюртовском поселении кобанской культуры (Восточная Чечня) обнаружены остатки гончарных мастерских с печами для обжига. Кобанская керамика отличается высоким качеством изготовления и обжига. Она представлена горшками, чашами, кружками, мисками и сосудами различных форм и размеров. Большинство изделий черного цвета, поверхность их часто залощена. Кобанские сосуды украшены разнообразным орнаментом, чаще всего геометрических форм.

Поселения кобанцев располагались на возвышенных местах, в долинах рек, на горных плато. Жилища и культово-хозяйственные комплексы строились поквартально, узкие улицы были вымощены булыжником. Дома в основном имели прямоугольную форму, но иногда и овальную, по всей видимости, вследствие внешнего влияния. В горной зоне жилища сложены из камня на глинистом растворе, на равнине — турлучные.

Типичным кобанским поселением раннего этапа (X-VII вв. до н.э.) было Серженьюртовское поселение в Восточной Чечне. Оно располагалось в предгорье, но имело два холма-убежища с круглыми склонами, один из ко-

Кобанская культура.
Бронзовое кольцо в виде
двойной спирали. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

⁸⁴ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 301-316.

⁸⁵ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. С. 167.

⁸⁶ У чеченцев отношение к коню как к священному животному сохраняется до сих пор. Даже после принятия ислама у чеченцев вплоть до депортации в 1944 году сохранялся запрет на употребление в пищу конины.

⁸⁷ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Указ. изд. С. 177.

⁸⁸ Древнейший петроглиф, изображающий человека с собакой, был обнаружен автором на стене раннесредневековой постройки в селении Шарой. При этом сам камень значительно древней самой постройки и, по всей видимости, может относиться к кобанской эпохе.

⁸⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII века. С. 62.

⁹⁰ Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Серженьюрт. М., 1982. С.

⁹¹ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. С. 171.

⁹² Там же. С.175.

Кобанская культура.
Бронзовая птицевидная
поясная бляха. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовый амулет. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

торых был укреплен искусственным рвом. Улицы поселения были вымощены бульжником, дома выстроены в турлучной технике. Основания стен сложены из камней или глиняных блоков, стены возведены из плетня, обмазанного глиной⁹³. Постройки были разделены на жилую и производственную часть. В жилом помещении устраивались очаги различных форм и конструкций. Производственные помещения представляли собой керамические и бронзолитейные мастерские. На поселении открыто большое количество ям хозяйственного назначения.

Кроме того, археологические материалы Сержень-юртовского

поселения дают представление о религиозной жизни кобанских племен. На одном из холмов-убежищ открыто святилище и предметы ритуального характера (жертвенники, глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки, амулеты-обереги, пинтадеры с магическими изображениями креста, свастики и спирали)⁹⁴. В основе религиозных представлений кобанцев, видимо, был культ солнца и неба⁹⁵, о чем свидетельствуют изображения свастики, спирали, а также глиняные модели колес среди ритуальных предметов святилища. Антропоморфные и зооморфные статуэтки могут свидетельствовать о культе плодородия у кобанских племен. Со времен майкопской культуры могли существовать и более древние культы: священных гор, рек, рощ, которые сохранялись в экологической культуре чеченцев вплоть до середины XX века.

Новое представление о развитии кобанской культуры на востоке Чечни дало открытие кобанского могильника VI – V вв. до н.э. у поселка Новогрозненский. В погребениях было обнаружено большое количество керамики, оружия, украшений. Керамика представлена лепными сосудами, мисками, горшками и чапами, а также пряслищем усеченно-конической формы. В захоронениях могильника обнаружена обширная коллекция оружия: богато орнаментированная бронзовая секира с обухом в виде оскалившегося хищника, железные мечи-акинаки, железные кинжалы, железные наконечники копий, бронзовые и костяные наконечники стрел.

В могильнике найдено большое количество бронзовых украшений, которые имеют чисто кобанский облик и зафиксированы во многих кобанских памятниках VII – IV вв. до н.э. Северного Кавказа. В основном это тонкопроволочные гривны с расплюснутыми орнаментированными концами, булавки с треугольным навершием, разнообразные колокольчики, спиралевидные и трубчатые наконечники, очковидные подвески, витые кольца и перстни с волотообразными загнутыми концами, массивные орнаментированные браслеты, часто украшенные зооморфными сюжетами, бронзовые подвески в виде фигурок оленей.

Здесь также представлены украшения, указывающие на связи кобанского

населения Чечни с южнорусскими кочевниками и таврами Крыма⁹⁶.

Формы погребений у кобанских племен были разнообразными: грунтовые ямы, прямоугольные каменные ящики, подкурганые захоронения, каменные склепы. Для раннего этапа кобанской культуры характерным является положение погребенного в скорченном положении на правом боку или левом боку. В более поздних захоронениях ощущается влияние степных культур. Погребения сопровождались напутственной пищей и богатым инвентарем в виде оружия, орудий труда и украшений. Нередко в кобанских погребениях встречается захоронения с конем и конской сбруей. У кобанских племен существовал обычай сооружения кенотафов⁹⁷ – поминальных могил, которые воздвигались в честь погибших на чужбине⁹⁸.

Исследователи выделяют три локальных варианта кобанской культуры: западный – район Пятигорья и Кабардино-Балкарии, центральный – Северная и Южная Осетия, восточный – Чечня и Ингушетия, а также три хронологических пласта в ее развитии: первый – XII – XI вв. до н.э., второй – IX – VII вв. до н.э., третий – VII – IV вв. до н.э. Локальные варианты отражают лишь диалектные различия в этнической среде кобанских племен, которая, несомненно, была однородной и генетически связана с более древней северо-кавказской культурной общностью. Так, например, по мнению В.И. Козенковой, при сопоставлении ряда памятников восточного варианта кобанской культуры с памятниками ее метрополии, с определенной долей вероятности можно предполагать, что, например, население, оставившее комплекс предметов из Шароя, скорее всего, было близкородственно населению, оставившему Кобанский могильник (полуовальные пряжки, ножные кольца, лопатообразные булавки)⁹⁹. Об этническом единстве кобанских племен свидетельствует и существование отлаженных форм коммуникационных сообщений между кобанскими племенами, живущими в различных районах Кавказа. Это подтверждается наличием близкородственной связи в материалах по ущельям сверху вниз (Сунжа, Аргун, Терек, Кубань); наличием близкой связи в материалах памятников в междуречье двух ущелий (Терек и Асса, Зеленчук и Уруп, Хулхулау и Аксай); наличием близкой связи в материалах памятников, зеркально расположенных по обе стороны Главного Кавказского хребта; наличием близости в наборе артефактов в памятниках, широтно расположенных по отношению друг к другу на довольно значи-

Кобанская культура.
Бронзовый браслет. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура. Поясная
бляха. Бронза. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовый кинжал. Из
собрания Национального
музея Чеченской Республики
Кобанская культура.
Бронзовый кинжал. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

⁹³ Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1978. С.12.

⁹⁴ Петроглифы в виде свастики, спирали и креста наиболее часто встречаются на чеченских средневековых постройках.

⁹⁵ Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996. С.40.

⁹⁶ Виноградов В.Б. Новогрозненский кобанский могильник VI – V вв. до н.э.

⁹⁷ У чеченцев обычай возведения надмогильных памятников-чуртов в честь умерших и похороненных вдали от родины сохраняется до сих пор.

⁹⁸ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 83.

⁹⁹ Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 53.

Кобанская культура. Головная булавка с цепочкой. Бронза. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

Кобанская культура. Бронзовый топор. Из кн. Я.В. Доманский. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984

тельном расстоянии (Гли и Терезе, Кобанский, Шароевский, Сержень-юртовский могильники)¹⁰⁰.

Формирование в эпоху поздней бронзы и раннего железа в западном ареале древнего распространения северокавказской археологической культуры и, соответственно, древних нахских племен самостоятельной прикубанской культуры свидетельствует о продвижении в этот район из Закавказья и Причерноморья абхазо-адыгских племен.

Очень мало древних источников, которые бы могли дополнительно пролить свет на историю нахских племен этого периода, населявших зону распространения кобанской культуры. Страбон упоминает гаргареев, живших на этой территории в I веке до н.э., которые, по всей видимости, были одним из нахских племен (ср.: чеч. гаьргар – родственный, близкий)¹⁰¹.

Кобанцы в древнегрузинских хрониках именуется кавкасионами. Они были одним из самых влиятельных этнических массивов на Кавказе. Но это была эпоха, когда оседлое население Северного Кавказа сталкивается с военной угрозой с севера, со степной зоны, со стороны многочисленных диких орд кочевников. В это время на

обозначенной территории начинается строительство укрепленных поселений, обнесенных валом и рвом или каменной стеной.

По всей видимости, к еще более ранней эпохе относятся развалины древних строений, которые были возведены из огромных каменных глыб. Эти строения называются циклопическими. Согласно старинным преданиям, их строили огромные одноглазые великаны (в древнегреческой мифологии они назывались циклопами). По другим преданиям – легендарные предки вайнахов – нарты, обладавшие огромным ростом и силой. Действительно, кажется, что простым смертным было бы не под силу передвигать в условиях гор огромные монолиты весом до нескольких тонн.

На самом деле циклопические постройки в Чечне и Ингушетии являются одним из звеньев развития местных архитектурных традиций в русле позднейшей северокавказской, а затем ранней кобанской культуры. Каменные башенные постройки циклопического типа, развалины которых сохранились на территории Чечни у селений Орсой, Баулой, Никарой, Цеча-Ахк, Харкарой, существовали у нахских племен, по крайней мере с I тыс. до н.э.

Циклопические постройки сохранились и на территории Закавказья. В Армении они строились на вершинах холмов. В центре на вершине холма находились жилые помещения, которые были окружены огромными необработанными валунами, выложенными концентрическими кругами. При вторжении врагов жители поселений защищались, укрываясь за валунами. Интерес-

Кобанская культура. Керамика. Бронза. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

но, что строительство этих поселений народные предания, так же как и в Чечено-Ингушетии, приписывают ачкатарам, одноглазым великанам, то есть циклопам.

Большое количество руин циклопических поселений и крепостей находится на территории Грузии. По времени строительства, месту расположения, размерам и формам построек, характеру поселений исследователи делят их на несколько групп. Самые древние датируются временем энеолита, самые поздние – ранним средневековьем.

Циклопические постройки в других регионах Кавказа исследователи относят к I тыс. до н.э.

К этому времени можно отнести и циклопические постройки поселения Цеча-Ахк, если исходить из их архитектурных особенностей. Место для поселения выбрано таким же образом, как это делали носители майкопской и северокавказской культур – на гребне высокого мыса, который с трех сторон омывается водой и имеет обрывистые склоны с востока, севера и запада.

¹⁰⁰ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. С. 133.

¹⁰¹ Страбон. География // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990. С.190.

Кобанская культура.
Бронзовые булавки. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовый змеевидный
браслет. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

Древнее поселение Цеча-Ахк состоит из двух групп огромных построек, которые цепью вытянулись вдоль террасы. Эти постройки представляют собой сооружения гигантских размеров и имеют прямоугольный план.

Несмотря на то, что все эти сооружения сильно разрушены, по их руинам можно судить об определенной технике строительства, что дает возможность их относительной датировки.

Во-первых, от них остались стены высотой от одного до двух метров, сложенные из огромных необработанных каменных глыб. Эти строения были многокамерными, о чем можно судить по остаткам стен. По руинам некоторых построек можно предположить, что они были двухэтажными, но невозможно судить об их фортификационных особенностях. По характеру кладки (камни выложены беспорядочно, без связи между собой, угловые камни также между собой не связаны) и по уровню обработки камня (камни совершенно не обработаны) эти постройки можно отнести к концу II – к середине I тыс. до н.э., но никак не к раннему Средневековью.

Гигантские планы этих жилищ могут говорить об определенной социальной структуре общества того времени. По всей видимости, население здесь проживало большими семейными общинами, которые постепенно дробились

Кобанская культура.
Глиняная миска. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовый амулет в виде
свастики. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

лись в процессе эволюции. К циклопическим сооружениям пристраивались дополнительные помещения небольших размеров.

Это было время, когда на огромной территории от Кубани до Андийского хребта существовало крупное политическое объединение древних нахских племен. Контролируя главный кавказский проход – Дарьяльское ущелье и держа под постоянной угрозой вооруженного вторжения закавказские страны, в первую очередь Картли и Армению, нахское политическое образование представляло грозную военно-политическую силу на Кавказе. Оно оказывало большое политическое влияние на соседние страны.

С этим, вероятно, связано и то, что в этот период не строили специальных фортификационных сооружений, а лишь использовали для оборонительных целей рельеф местности и гигантские размеры жилищ.

К III – II вв. до н.э. из-за ряда крупных военных неудач военно-политический союз нахов распался на более мелкие образования. Кроме того, усилилась угроза постоянных вторжений кочевников с севера. Именно в такие периоды преобладающей становится оборона отдельных поселений,

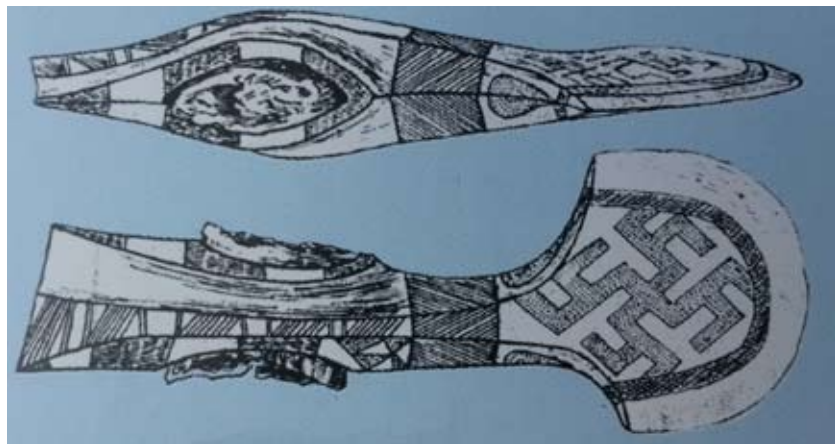
Кобанская культура.
Наконечник копья. Бронза. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

Кобанская культура.
Бронзовый кинжал. Из кн.
«Мастера бронзового века»

Кобанская культура.
Бронзовый топор. Из кн.
«Мастера бронзового века»

Кобанская культура.
Бронзовый топор со
свастичным узором

Кобанская культура.
Бронзовые фигурки лучников.
Из кн. Я.В. Доманский.
Древняя художественная
бронза Кавказа. М., 1984

Кобанская культура. Бронзовый топор.
Из кн. Мастера бронзового века. М., 2005

что отражается на характере архитектуры.

На последнем этапе развития кобанской культуры происходит сужение ареала ее распространения, а также усиливаются различия в материальной культуре горных и равнинных районов. На равнине происходит сращивание кобанской и степной культуры скифо-кобанского облика, которое приводит к появлению новой, синкретической культуры смешанного типа.

Как свидетельствуют археологические материалы, уже с VII века до н.э. усиливается влияние степных племен на культуру жителей предгорий и равнин, что приводит, в конечном счете, к формированию здесь новой археологической культуры. Но реликты кобанской культуры в различном виде нахские племена сохраняют до позднего средневековья. При этом, по мнению В.И. Козенковой, «характер синхронных памятников собственно кобанской культуры горно-предгорной полосы не отражает грубой и прямой зависимости коренного населения от чужеземцев. Большой военный потенциал, сеть неукрепленных поселений в VI – V вв. до н.э., развитие бронзолитейного и железоделательного производства высокого уровня, скорее, может

свидетельствовать о многообразии связей, основанных на вооруженном нейтралитете¹⁰². На наш взгляд, если не брать во внимание теорию В.И. Абаева об исключительной праоязычности скифов и сарматов¹⁰³, все это свидетельствует об этническом родстве населения горно-предгорной и равнинной зоны, что, главным образом, и определяет характер взаимоотношений горцев и жителей равнины.

АЛАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Примерно с VII века до н.э. на территории расселения древних нахских племен появляются скифские племена¹⁰⁴. До сих пор остается дискуссионным вопрос о происхождении скифов, их языковой принадлежности, этнической идентичности. Так называемая скифская археологическая культура в определенный период времени простирается от Причерноморья и равнин Северного Кавказа на западе и до Алтая и Восточной Сибири на востоке. Но остается неясным, был ли это единый этнос или группа родственных племен или же под этим названием существовали не связанные общностью происхождения народы, которых объединяла единая материальная культура, имевшая локальные варианты.

Несмотря на предположение некоторых лингвистов, что скифский язык (если вообще можно говорить о существовании единого языка на таком огромном пространстве в древнейшее время) относится к иранским языкам¹⁰⁵, до сих пор нет ни одной работы, которая бы аргументированно это доказывала.

На наш взгляд, ни скифы, ни сарматы никогда не были единым этносом с единым языком. Можно с большой долей достоверности предположить, что среди скифов были ираноязычные племена (об этом свидетельствует ряд иранских имен в античных источниках). Но также нет никаких оснований отрицать возможность существования среди них кавказских, славянских или тюркских племен. Существование материальной культуры на обширной территории, обладающей определенным стилевым единообразием, можно объяснить широким культурным обменом между различными народами, населявшими ее, а также активными миграционными процессами, свойственными той эпохе.

На Северном Кавказе в ареале распространения кобанской археологической культуры археологи обнаруживают следы ее взаимодействия со скифской материальной культурой примерно с VII в. до н.э., что проявляется в характере погребального ритуала, оружия и конского снаряжения, керамики и предметов быта. Кобанская материальная культура того периода, по мнению исследователей, испытывает определенное влияние так называемого скифского «звериного» стиля, хотя зооморфность присуща изделиям кобанцев и более древнего времени¹⁰⁶.

Даже последовательные сторонники ираноязычности скифов вынуждены признать сложность и неоднозначность этой проблемы¹⁰⁷. При этом сходство типичных скифских форм оружия (стрелы, акинаки) с более древними северокавказскими образцами объясняется участием «кобанцев» в переднеа-

¹⁰² Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. С. 144.

¹⁰³ По нашему мнению, эта теория недостаточно аргументирована и не исключает присутствия в этой среде нахов, а большой пласт нахской субстратной лексики в осетинском языке значительно осложняет ее аргументацию.

¹⁰⁴ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. С. 187.

¹⁰⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

¹⁰⁶ Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 124.

Аланская культура. Бронзовая фибула в виде двойной спирали. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

зиатских походах скифов в качестве ремесленников, так как занятие ремеслом было у скифов непрестижным¹⁰⁸. Такое отношение к ремеслу было свойственно всем народам, которые вели военный образ жизни, в том числе и чеченцам вплоть до начала XX века. Во многих чеченских селениях были кварталы, где жили ремесленники из других регионов Кавказа, в основном из Дагестана, — гончары, жестянщики¹⁰⁹. Но мастера-оружейники всегда пользовались особым почетом и уважением и практически всегда входили в состав элиты этноса. Секреты изготовления оружия считались духовным и материальным достоянием, особенно у народов, исповедовавших культ войны.

О генетическом родстве говорит и антропологический материал, который, по мнению А.Г.Тихонова, свидетельствует о существовании единого антропологического пласта, присущего как кочевому населению степи, так и оседлому населению Северного Кавказа¹¹⁰.

По мнению В.И. Козенковой, культурная и антропологическая близость кобанцев и скифов определяется тем, что этнические смешения привели к полному растворению оторванного от основного ядра собственно скифского компонента в местной, кобанской среде¹¹¹.

Пока невозможно с высокой долей вероятности утверждать, были ли так называемые скифские племена Северного Кавказа автохтонами, испытавшими определенное культурное влияние степных племен, или же это кочевые племена, пришедшие сюда с востока и вступившие в тесные культурные и антропологические контакты с местным населением. Но тесное сосуществование кобанцев и скифов, единый антропологический облик, определенный симбиоз их культур, а также совместные походы в Закавказье и Переднюю Азию, дают больше оснований предполагать первое.

Н.Я. Марр в своей статье «Гермин «скиф», не отрицая возможного участия ираноязычных племен в генезисе скифов, писал о том, что именно материалы кавказских языков разъясняют племенное название скифов, с которыми народы Кавказа имеют более существенные связи, в том числе и генетического порядка¹¹².

Что же касается происхождения кавказских сарматов, то более определенно можно говорить об их автохтонном происхождении. Это подтверждается и свидетельствами античных авторов, ономастикой, археологическим и антропологическим материалом.

Античный географ Страбон считал родственными не только население горной и равнинной зон Северного Кавказа, но и относил к нему племена Северной Грузии. Описывая население древней Иберии, он указывает, что «горную часть занимает большинство иберов, живущее по обычаю скифов и сарматов и будто бы родственное им». Кроме того, говоря о народах, которые приходили в причерноморские города для торговли, он пишет, что «боль-

¹⁰⁷ Ковалевская В.Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы. М., 2005.

¹⁰⁸ Там же. С.62.

¹⁰⁹ Согласно древним хроникам — тептарам — в верховьях реки Ассы в раннем средневековье была расселена община горских евреев-каменщиков, которая существенным образом повлияла на этническую идентичность и особенности языка ингушей.

¹¹⁰ Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. Вып. I. 1996. С.81

шая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они называются кавказцами»¹¹³.

В «Армянской географии VII века» Анании Ширакаци, которая, по сути дела, является компиляцией сочинения Птолея, в тех местах, где античный автор пишет о яксматах, армянский историк заменяет этот этноним нахчаматами и располагает их у устья Дона. Нет сомнения в том, что Ширакаци прекрасно знал географию расселения кавказских народов, как это видно по его сочинению, и сделал эту замену осознанно¹¹⁴.

К.Патканов в комментариях к труду Анании Ширакаци выделил ряд этнонимов, упоминаемых в «Географии» (сармат, савромат, яксамат, хечмат-ак), заканчивающихся суффиксом «мат», в том числе и «нахчмат», или «нахчиматеанк» в армянском варианте. По его мнению, данный этноним состоит из двух чеченских слов: «нахче» — самоназвание чеченцев, и «мат» — страна, язык и армянского окончания множественного числа — «санк». Таким образом, этнонимы с корневой частью «мат», по его мнению, являются нахоязычными¹¹⁵.

Известный грузинский историк И.А.Джавахишвили не только поддержал идею К.Патканова, но и обосновал ее новыми аргументами.

По его мнению, племена равнинной зоны Северного Кавказа обозначались этнонимом «шармат», а не «сармат». Так как ни в греческом, ни в латинском языке не было звука «ш», в написании и произношении античных авторов он стал звучать как «сармат». Этноним «шармат» И.А.Джавахишвили делал на два элемента: «шар» — «мат». При этом первый элемент он считал этническим обозначением, которое встречалось в более древние времена в различных районах Кавказа и упоминается в исторических сочинениях средневековых грузинских авторов. К примеру, у Георгия Мерчули, грузинского историка X века, есть упоминание о владениях в северной части Абхазии Шаройского государя, то есть Шаро. Оно сохранилось, по его мнению, в топонимике горной Чечни: в названии реки Шаро-Аргун и исторической области Шарой, а также в виде Шарван, Шаро в Восточном Закавказье. Таким образом, скифы и сарматы принадлежали лишь к северокавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям. Наличие иранской ономастики и лексики у скифов и сарматов ученый объясняет длительным соседством, результатом взаимных сношений. Уже одно то обстоятельство, что к иранскому названию либо слову приставлены адыгейско-чеченские окончания, указывает на действительную языковую принадлежность носителей таких собственных имен. Как считает исследователь, «раз сарматы оказываются не иранскими и тем более не «туранскими», а лишь племенами северокавказского населения, с которыми, как указано, у грузин было несомненное генетическое родство, устанавливаемое и при помощи детального лингвистического анализа, то сообщение Страбона

Аланская культура. Бронзовая фибула. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

¹¹¹ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. С. 144.

¹¹² Марр Н.Я. Термин «скиф» // Марр Н.Я. Избранные работы. Т.5. М.-Л., 1935. С. 1.

¹¹³ Страбон. География // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 185.

¹¹⁴ Ширакаци Анания. Армянская география VII века до р. х. СПб., 1877. С. 35.

¹¹⁵ Там же. С. 38.

Аланская культура.
Бронзовый амулет

о родстве грузин с сарматами получает убедительное подтверждение»¹¹⁶.

При этом нельзя не отметить и работу чеченского ученого Я. Вагапова «Сарматы и вайнахи». В ней автор убедительно обосновал нахожычность большинства сарматских и аланских этнонимов и личных имен, которые упоминаются в различных исторических источниках. Исследователь считал, что в древнейшем из рассматриваемого ряда этнониме «савромат» его первая часть соответствует вайнахскому «совра» – мягкая кожа с характерным естественным рисунком на поверхности (мерея). То есть «савромат» означало кожаное племя. Это объясняется тем, что у савроматов в одежде много было кожи: кожаный плащ, кожаные шлем, обувь... Название сарматов в форме «шарма» отмечено у адыгов, с ним же связывают ученые и

фамилию Шеремет, Шереметев. Вайнахское «шера меттип» (с суффиксом «ип») и его более древняя форма «шара мат» – гладкое, ровное место – подсказывают, что «сармат» не что иное, как «шармат». То есть вначале «сармат – шармат» должно было быть названием равнины, а от этого названия местности жители равнины, степи должны были получить название «шарматай», «шарматой», что значит «равнинные».

Название «харимат» также может быть разложено на две части: уже известное нам «мат» и слово «хари» – сторожевой, от слова «ха» – «стража», с суффиксом имен прилагательных «ри». Очевидно, в силу каких-то специфических функций это племя получило подобное название. По смыслу такой же характер носит название горного чеченского села Хой, буквально «стражи, охранники». Также по-вайнахски объясняются и остальные сарматские племенные названия с корнем «мат» в их составе. Сложные слова с тем же «мат» в роли обозначения местности и общности людей представлены и в вайнахских языках¹¹⁷.

С I века н.э. на территории распространения кобанской культуры античными авторами упоминаются аланы.

Наиболее ранние упоминания об аланах сохранились в произведениях Луция Аннея Сенеки, римского философа I в. Чуть позднее о них писали римские авторы второй половины I в. Гай Плиний Секунд, Марк Анней Лукан. Но сведения эти отрывочны и никакой конкретной информации ни о точной локализации алан, ни об их этнических особенностях не дают. И только Иосиф Флавий в своем сочинении «О войне иудейской», в котором он пишет также и о походе алан на Мидию и Армению, располагает их вокруг Азовского моря и реки Дон. Из сообщения римского историка можно сделать вывод о том, что аланы в то время жили на Северном Кавказе.

Античные авторы более позднего времени (IV – VI вв.) упоминают этноним «аланы» в связи с различными событиями в Северном Причерноморье.

Римский историк IV в. Аммиан Марцеллин в своем сочинении «История» пишет: «Истр со множеством (abundans Hister) притоков течет мимо [земли] савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами,

получившими свое название от гор» («Книга XXXI». 2, 13)¹¹⁸.

Сообщения античных авторов дают нам возможность предположить, что под аланами в ту эпоху подразумевались племена, жившие в равнинной части Северного Кавказа, а также что часть из них мигрировала в Северное Причерноморье. При этом в этих источниках нет никакой информации о том, что аланы являются в этом регионе пришлыми. Утверждения некоторых авторов, в том числе и Марцеллина, о генетических связях алан с кавказскими албанами также указывают на автохтонность первых на Северном Кавказе.

Византийские источники VI – IX вв. (Прокопий Кесарийский, Менандр Византиец, Феофилакт Симокатта, Феофан Византиец, Генесий) уже более определенно локализуют алан на Северном Кавказе, размещая их к востоку от адыгских народов.

Об этническом происхождении алан пишет в VI в. анонимный византийский автор, который утверждает, что «страна аланов простирается до Кавказского хребта. Они тоже Иберы»¹¹⁹.

То же самое пишет об аланах в «Аланском послании» аланский епископ Феодор (XIII в.): «Племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверии, древний предел их родины; они возлюбили посылать некоторые многолюдные выселки, так что наполнили Скифию и Сарматию»¹²⁰.

Пишут об аланах и западноевропейские авторы XIII в., посетившие Северный Кавказ в период его завоевания монголами – Плато Карпини и Гильом де Рубрук, которые локализуют их на территории между черкесами и Дагестаном. При этом они не упоминают в этом районе никаких других народов, кроме алан. Это должно свидетельствовать о том, что под ними подразумевались, прежде всего, нахские племена.

«Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами, отстоящими отсюда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркака. Между морем и горами живут некие Саррацины, по имени Лестги, горцы, которые также не покорены, так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим. И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами»¹²¹. Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус в «Книге познания мира» (1404 г.), перечисляя народы, населяющие Кавказ, пишет: «Здесь живут различные народы, такие, как грузины, армяне, сарацины и евреи, которые имеют дело с торговлей. На границах, в горах, живут двали, аланы, осетины (Assi) и другие»¹²².

То есть все сообщения византийских и западноевропейских авторов уверенно располагают алан

Аланская культура.
Бронзовый браслет. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики

¹¹⁶ Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // Вестник древней истории, 1939, №4. С. 42.

¹¹⁷ Вагапов Я. Сарматы и вайнахи. Грозный, 1990. С. 110.

¹¹⁸ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1949, №3. С. 303.

¹¹⁹ Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис. 1890. С.56.

¹²⁰ Кулаковский Ю. Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского общества Истории и Древностей. Одесса, 1898, т. XXI, отд. II. С.11-27.

¹²¹ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодсти 1253 // Путешествие в восточные страны. Алматы, 1993. С. 165.

между адыгами и Дагестаном. Безусловно, под этим этнонимом подразумевались нахские племена, наличие которых не могло не быть замечено, так как они относятся к одному из самых многочисленных этнических массивов на Северном Кавказе.

Некоторые русские исследователи XIX в. предполагали, что этноним «филян» арабских писателей VIII – X вв. относится именно к вайнахам. Но Масуди пишет о том, что цари Серира (Западный Дагестан) носят титул «Филаншах», соответственно «филян» может обозначать только одну из областей Дагестана.

В сочинениях арабских и персидских авторов той эпохи нет никаких сведений для этнического противопоставления алан вайнахам¹²³. Об этом, кстати, писал В.Ф. Миллер: «У арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа, может быть, предки некоторых нынешних народов Дагестана и Чечни»¹²⁴.

Ал-Масуди пишет об Алании как о сильном государстве, царь которого «могуществен, мужествен, очень силен, ведет твердую политику среди царей». Территория Алании согласно его информации простирается от Серира (Западный Дагестан – Л.Ильясов) до кашаков (адыгов – Л.Ильясов). Аланский царь располагает крупным войском в 30 тысяч воинов. От него находится в вассальной зависимости царь абхазов и некоторые адыгские племена¹²⁵.

Согласно Ибн Рустэ, аланы делятся на четыре племени. Наиболее сильным и знатным является племя дахсас¹²⁶, что может быть арабской версией чеченского «нахчаш/нахчас» – одной из форм самоназвания чеченцев¹²⁷.

Вплоть до последнего времени считалось, что аланы были частью огромного массива сарматских племен, продвинувшихся в равнинные и предгорные районы Северного Кавказа из Нижнего Поволжья и Приуралья. Одним из аргументов в пользу этой версии считалось упоминание в одном из китайских источников II–III вв. местности «Аланья» в Приуралье. Однако единственное упоминание не может быть основанием для подобного предположения, тем более для обоснования ираноязычности алан¹²⁸.

Основным и, по сути дела, единственным этническим определителем алан как кочевого ираноязычного племени, мигрировавшего в Предкавказье в начале нашей эры с Поволжья из Южного Приуралья, считались погребальные сооружения в виде катакомб.

Но катакомбные захоронения у сарматских племен, живших в междуречье Волги и Дона и Южном Приуралье, составляют незначительный процент по отношению к другим видам погребальных сооружений. И они не только не предшествуют хронологически северокавказским катакомбам, но появляются позже, что видно по погребальному инвентарю. Камерные погребальные сооружения появляются на Кавказе с III тыс. до н.э. Очевидно, катакомбы у сарматов междуречья Волги и Дона появляются во II–III в. под влиянием северокавказской традиции. Все археологические материалы с территории первоначального расселения ираноязычных савроматов-сарматов говорят о том, что невозможно увязать между собой два господствующих в науке положения: с одной стороны, отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен; с другой – привнесение сарматскими племен-

Аланская культура. Детали сабель.

нами на рубеже нашей эры катакомбного способа погребения на Северный Кавказ¹²⁹.

Археологические материалы не дают никаких оснований для гипотезы о принадлежности катакомбных захоронений Северного Кавказа пришлым ираноязычным племенам, так как с IV в. на его территории «распространяется единая, довольно своеобразная материальная культура, характеризующаяся специфическим набором керамики, главным образом сероглиняной лощеной, особыми типами пряжек, туалетных принадлежностей, поясных наборов»¹³⁰. Инвентарь этой культуры представлен в самых различных погребальных сооружениях: грунтовых ямах, каменных ящиках, склепах, катакомбах. Поэтому катакомбный способ захоронения не может быть объективным критерием для определения этнической принадлежности аланской культуры, тем более отнесения ее к культуре ираноязычных сарматов.

Например, «материалы Нижне-Джуглатского могильника, расположенного в северных, пограничных с сарматами районах Центрального Предкавказья, не позволяют говорить о каких-либо массовых вторжениях сарматских племен на рубеже и в первых веках н.э.. Данные погребального обряда и материальной культуры говорят о непрерывном развитии этой культуры и, следовательно, о единой в целом этнической основе населения этого района с последних веков до н.э. вплоть до эпохи гуннского нашествия»¹³¹.

Ранее Е.И.Крупнов пришел к выводу о том, что аланы, «занимавшие территории почти от Дагестана до Прикубанья, являлись родоначальниками не только осетин, но и других народов Северного Кавказа, в частности чечен-

¹²² Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404). Баку, 1980. С. 16-17.

¹²³ Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Баку, 2002. С. 105.

¹²⁴ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887. С. 45.

¹²⁵ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. – Л., 1979. С. 163.

¹²⁶ Там же. С. 167.

¹²⁷ Есть все основания предполагать, что окончание Nom. Pl. в чеченском языке —аш восходит к более древней форме

-as, тогда становится прозрачным древний нахский этноним sa-s.

¹²⁸ Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. С. 105.

¹²⁹ Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 28-29.

¹³⁰ Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология, 1978, №1. С. 72.

¹³¹ Там же. С. 50.

цев, ингушей»¹³². При этом он опирался на антропологические исследования, согласно которым, население равнинных районов Северного Кавказа и горной зоны в начале нашей эры относилось к одному и тому же антропологическому типу. В указанный период на этой территории не произошло смены местного населения, и аланы могли быть только нахским племенем.

В работах многих исследователей истории Кавказа последовательно проводилась мысль о том, что вайнахские племена, населявшие территорию от Андийского хребта до Дарьяльского ущелья в начале нашей эры и в Раннем Средневековье, обозначались этнонимом «дурзуки». На самом же деле это было грузинское название небольшой части вайнахов, населявших высокогорные районы в верховьях рек Аргун, Асса, Армхи. Особенно ясно это просматривается в «Географии Грузии» Вахушти Багратиони. Дурзукети, Кистети были областями, гораздо более близкими в географическом плане к Грузии, чем к основной территории расселения нахов, и всегда находились в орбите ее внешней и даже внутренней политики.

Овсы средневековых грузинских источников также не имеют прямого отношения к современному этнониму «осетины». Это всего лишь грузинское название алан, которое позже волею случая (что нередко происходило в истории многих народов) закрепилось за этнической общностью, образовавшейся в результате смешения исконного, аланского (нахского) элемента с пришлым, иранским (и, возможно, семитским). При этом вытеснение иранским языком, так же как и тюркским, нахского языка в центральных районах Кавказа происходило в течение длительного времени. По преданиям осетин, в Даргавском и Санибском ущелье еще в XVII веке жили вайнахи. Последним периодом, определившим язык новой этнической общности, была эпоха нашествия Тимура, когда в ущельях Центрального Кавказа были размещены ираноязычные гарнизоны для охраны горных проходов. В более древние времена основные горные дороги охранялись отрядами вначале персидских, а затем арабских правителей. Их воины, несшие здесь караульную службу, также были в основном выходцами из Ирана.

Выводы об ираноязычности алан делались не на основе данных археологии, лингвистики, исторических источников, а исходя из того, что язык осетин, которые без достаточной научной аргументации считались единствен-

*Аланская культура.
Железный топор. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики*

*Аланская культура.
Керамика. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики*

ными потомками алан, был иранским.

Но границы расселения алан, данные топонимики, археологии и антропологии говорят о том, что аланы были потомками носителей кобанской культуры, то есть нахами.

Те различия в материальной культуре, которые появляются у племен равнинной и горной зон, объясняются, прежде всего, определенной консервативностью хозяйственно-экономического уклада горцев малочисленностью внешних контактов.

На рубеже нашей эры на территории расселения нахских племен кобанская культура начинает распадаться на горную и равнинную. При этом культура горных кобанцев долгое время сохраняет архаичные черты и самобытность, а в равнинной части Северного Кавказа на основе симбиоза кобанской и скифской культур начинает развиваться аланская культура, которая испытывает определенное влияние кочевого населения степной зоны.

В горные ущелья Северо-Западного Кавказа под давлением монголов, а затем отрядов Тимура из Предкавказья переместились и половцы. Здесь они смешались с аланским населением, в среде которого уже могли присутствовать тюркоязычные савиры, вытесненные с равнины гуннами. В результате появились карачаевцы и балкарцы – этносы, которые сохранили единство материальной и духовной культуры с нахами-аланами и кавказский антропологический облик, но стали тюркоязычными.

Согласно древним источникам культ солнца и огня был главным в религиозной идеологии алан. Этноним «алан» можно возвести к чеченскому

¹³² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 311.

слову «алуо» – пламя, жар, солнечный жар. Аланы – дети огня или солнечного пламени, что может также характеризовать их воинственный характер, о котором писали многие древние авторы.

Возможно объяснение на основе чеченского языка и этнонима «аланы», если учесть, что в древние времена этнические образования нередко получали наименования в соответствии с их основным религиозным культом, по имени главного божества или тотема. В течение тысячелетий основным культом древних нахских племен был культ солнца, культ дневного светила, который позже воплотился в идею Единого и Великого Дела.

В чеченском языке сохранились удивительные ключи к разгадке древнейших глубинных связей между религиозными культурами и духовными категориями. Человеческая душа обозначается понятием «са», имеющим также значение «свет», в том числе и «дневной свет».

Среди древних нахских племен многие имели названия, связанные с различными ипостасями солнца, например, мялхи (Малх – обращение к солнцу

Аланская культура.
Керамика. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики

во время молитвы), садой (Са – свет), цлов-бацой (Цлу – божество огня).

Самым удивительным является тот факт, что, обнаруживая полную несостоятельность теории иранского происхождения алан с точки зрения археологии и антропологии, большинство исследователей даже не пытались поставить под сомнение их ираноязычность, ссылаясь при этом как на бесспорный аргумент на статью В.И. Абаева «Alanica» в монографии «Осетинский язык и фольклор»¹³³.

В.И. Абаев приходит к выводу об иранском происхождении аланского языка всего лишь на основе двух коротких фраз: аланской (предположительно) вставки в тексте «Теогонии» византийского писателя XII в. Цеца и зеленчукской надписи на могильной стеле.

Аланская фраза в прочтении И. Моравчика воспроизводится В.И. Абаевым следующим образом:

ταλαχχας μεσ□ ιλι χοι□ να κορ□ ιν [----]
το □ αρνετζυ κιντζι μεσ□ ιλι καιτερ□ ουα [-]
ουγγε, -

и должна переводиться согласно греческому подстрочнику Цеца как

«Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты?»

«Тебе не стыдно, госпожа моя?»

Все слова в греческом предложении писались слитно, и разделить их, не зная языка, очень сложно. В аланской фразе, написанной греческим письмом, это практически невозможно, даже если рядом дается параллельный перевод на греческом языке, так как порядок слов в предложении в этих двух языках, вероятнее всего, не совпадал.

В.И. Абаев разбивает аланскую фразу на отдельные слова произвольно. Но даже это не помогает ему найти соответствующие параллели в современном осетинском языке. Например, в качестве соответствия сочетанию **μεσ□ ιλι**, которое византийский писатель переводит как **αυ□ εντα μου** – мой господин, исследователь предлагает осетинское **ma afsin** – моя хозяйка. Но здесь более подошло бы грузинское **me shvili** – сын мой, которое в греческом варианте могло быть написано именно как **μεσ□ ιλι**. Создается впечатление, что византийский писатель имел смутное представление об аланском языке и его «аланская» фраза представляла собой набор слов из различных кавказских языков.

Чтобы прочитать аланское приветствие, приведенное у Цеца как осетинское, исследователю приходится совершать абсолютно неубедительные экскурсы в историческую фонетику осетинского языка. Для того чтобы как-то обосновать свои выводы, В.И. Абаев предлагает иное чтение некоторых слов,

Аланская культура.
Инвентарь погребения.
Могильник Мартан-чу

¹³³ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С.

Аланская культура. Кувшины с изображением солнечного диска

например $\chi\sigma\text{I} \square \nu\alpha$ вместо $\chi\sigma\text{I} \nu\alpha$. Но двоеточие (знак разделения) над I в слове $\chi\sigma\text{I} \square \nu\alpha$ в рукописи предполагает, что перед I должен находиться гласный. Подобное написание указывает на то, что оба гласных должны читаться раздельно, а не как дифтонг. «Аланская» фраза Цца вряд ли может быть достоверно прочитана. И, соответственно, невозможно определить ее языковую принадлежность.

При дешифровке средневековых надписей нужно учитывать, что осетинский язык имеет довольно большой и древний пласт лексических заимствований из нахских языков. Об этом, кстати, пишет и сам В.И. Абаев в той же монографии: «Среди всех неиндоевропейских элементов, которые мы находим в осетинском языке, кавказский (нахский – Л. Ильясов) элемент занимает особое место не столько по количеству, сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: фонетику, морфологию, синтаксис, семантику, идиоматику. В формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский»¹³⁴.

Не совсем корректно и убедительно исследователь восстанавливает и другие части фрагмента из книги Цца. Вызывает большие сомнения идентичность цитаты византийского писателя именно аланской речи. Поэтому вряд ли произвольная трактовка «аланской» фразы является достаточным доказательством иранского происхождения аланского языка.

Вызывает сомнение иранское происхождение двусложных топонимов со второй частью $-\text{dan}$ (вода, река) и $-\text{dor}$, так как эти слова являются заимствованными из нахского субстрата. То, что осетинское $-\text{dor} // \text{dur}$ – камень восходит к древнечеченскому tlo – камень, откуда древнее tlu-ra – воин, не вызывает сомнения ни у кого. Однако древнее danu- , к которому восходят названия ряда рек в Европе (Danapris – Днепр, Danaster – Днестр, Danubios –

¹³⁴ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С.

Дунай), сторонники иранского происхождения скифского языка (если вообще существовал единый язык для всех скифских племен) возводят к авестийскому danu- река, которому нет соответствия в других индо-иранских языках. Однако существование формы tana- в названии реки Дон у Геродота и Страбона – Tanais дает больше оснований возвести $\text{dan} // \text{don}$ к чеченскому tlan – вода, влага, с чередованием гласной в корне: tla-dam – капля, tle-da – мокрый, tlu – влажный. Тот факт, что в чеченском языке есть слово dur – соленый, связанное с древним названием каменной соли, то есть камня, дает возможность предположить, что в древних чеченских диалектах существовали варианты на tl- и d- , а осетинский язык сохранил субстратную форму на d- . В современном чеченском языке также tl- в одних диалектах может соответствовать d- в других. Например, послелог – tle , близкому по значению русскому предлогу – на (например, Махк- tle) в литературном языке соответствует $-\text{da}$ в шаройском диалекте (например, Жогал- da).

Не более достоверной является трактовка В.И. Абаевым и зелечунской надписи¹³⁵. Аланские заимствования в венгерском языке, которые приводит исследователь в ряде работ, также в большинстве случаев относятся к коренной лексике чеченского языка, как, например «комал» – хмельной напиток.

Миф об иранском происхождении аланского языка основывается на мистификации известного ученого, и, к сожалению, такие случаи в исторической науке нередки.

На основе антропологических, языковых и археологических данных мы можем говорить об аланах как об одном из нахских племен, занимавшем равнины и предгорья Центрального Кавказа. Как известно, катакомбные захоронения алан нашли свое продолжение в подземных, полуподземных, а затем и наземных склепах жителей гор.

Склеповые погребальные сооружения повторяют форму аланских жилых построек, которые, как и склепы, могли быть наземными и полуподземными. Наземные жилища строились в турлучной технике, перекрытия их опирались на столбовые конструкции. Полуподземные жилища были квадратными в плане и имели двускатную кровлю. В условиях гор аланы строили такие же сооружения, но только из камня. По всей вероятности, жилые строения алан позднее во многом определили облик погребальной и, возможно, башенной архитектуры нахского Средневековья.

В.А. Кузнецов считает нижним пределом бытования аланской культуры Северного Кавказа IV в.¹³⁶, так как археологические материалы не дают информации о глобальных военных действиях в тот период и насильственном вытеснении или уничтожении коренного населения. И, соответственно, весьма сомни-

Аланская культура.
Материалы из погребений

¹³⁵ Ильясов Л. Материальная культура чеченцев. М., 2008. С. 77.

¹³⁶ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 7.

тельно предположение о внезапном появлении на огромной территории единого народа, который сразу же начинает доминировать в этом регионе, так же как и быстром его переходе от кочевого образа жизни и скотоводства к оседлости и земледелию.

Однако первые упоминания об аланах на Северном Кавказе в античных источниках относятся к I в. Иосиф Флавий в своем сочинении «О войне иудейской» пишет о походе алан на Мидию и Армению и располагает их племена вокруг Азовского моря и реки Дон.

Уже во II в. Алания воспринимается как единая территория, а аланы как одно из могущественнейших племен Северного Кавказа, в руках которого сосредоточены стратегические пути из Европы в Закавказье.

В III – VIII вв. Алания находится в зоне передвижения многочисленных диких кочевых племен, прежде всего гуннов, которые превращают в руины и пепелища городища и поселения алан, чье влияние в регионе заметно ослабевает. К этому времени относится первая волна миграции алан, или равнинных нахов, в горные районы Кавказа, а также в Северное Причерноморье.

Однако, несмотря на нашествие гуннов, долины и предгорья Северного Кавказа по-прежнему населены нахскими племенами, которые ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием и отгонным скотоводством. В данный период на этой территории возникает большое количество земляных городищ, окруженных глубокими рвами, насыпными валами, башнями и цитаделями.

и цитаделями.

В V–VII вв. аланы находятся уже в более мирных отношениях с гуннами и участвуют в военных походах последних на Восточную Европу и Закавказье.

В этот период аланы продолжают играть значительную роль в политической жизни Кавказского региона. Они постоянно расширяют свои территории, оказывают военное давление на адыгские племена в целях выхода к Черному морю.

О ведущей роли алан на Кавказе говорит и то, что первым дипломатическим шагом нового, Хазарского государства было заключение союза с аланским царем, «так как царство алан сильнее и крепче всех народов, которые вокруг»¹³⁷.

Анания Ширакаци в «Географии...» пишет о том, что территория расселения алан простирается в равнинной части до впадения Сунжи в Терек. К югу от алан живут родственные им племена двалов, цанаров и дурдзуков¹³⁸.

В начале VIII в. начинается новый период активности арабского халифата на Кавказе. Арабы захватывают За-

Аланская культура.
Материалы из погребений

кавказье и часть Дагестана. Мужественное сопротивление цанаров и других горных нахских племен, прикрывавших проходы на Северный Кавказ, явилось непреодолимым препятствием для арабских полководцев в их продвижении и закреплении на территории Алании. Цанары неоднократно поднимались против арабов и обращали в бегство считавшееся непобедимым арабское войско. Мощное восстание цанаров, по сообщению арабского автора ал-Якуби, произошло в начале IX в., когда к восставшим присоединились соседние племена. Они обратили в бегство наместника халифа, тюрка Бугу, который отличался особой жесткостью по отношению к населению завоеванных областей Закавказья.

Арабы совершили несколько походов на Аланию, огнем и мечом пройдя по ее городам и селам. Но в конце концов они были вынуждены отказаться от продвижения на север и защищаться от воинственных нахов, выстраивая вдоль Главного Кавказского хребта крепости и заставы. Возможно, в этот период начинается усиление нахами системы сигнальных и сторожевых башен на самом юге своей страны.

В X–XI вв. политическое значение Алании вновь возрастает. Алания становится мощным государством, имеющим сильное и многочисленное войско и играющим важную роль на юго-востоке Европы.

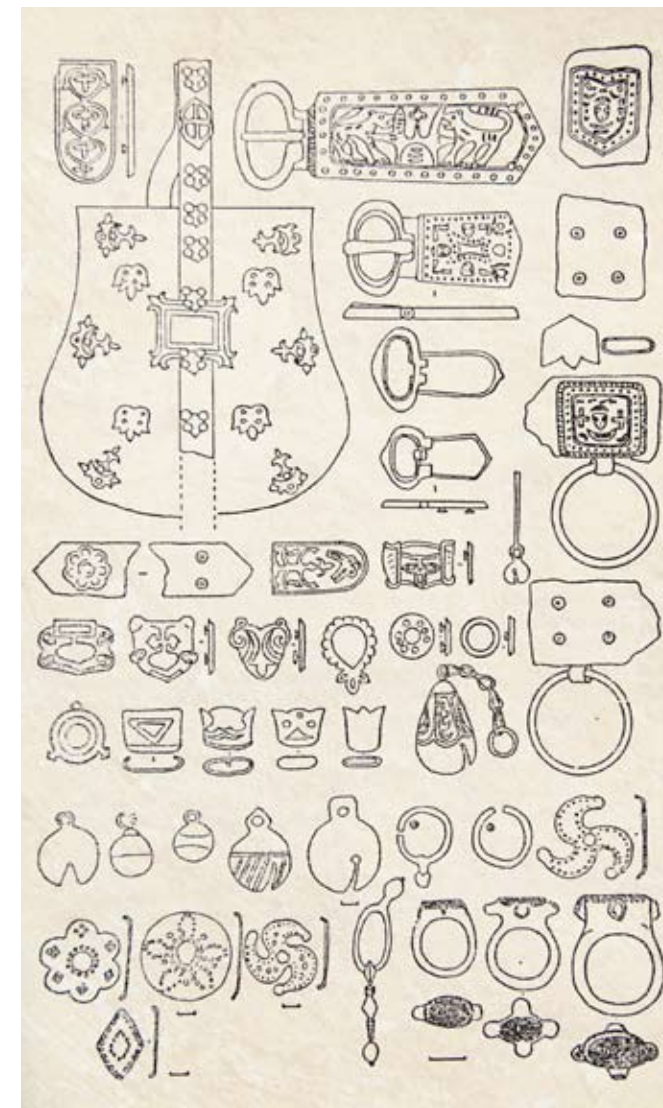
Арабские источники того времени сообщают о стране алан как о богатой многочисленными крепостями и укреплениями.

Но междоусобные войны и борьба за власть между отдельными правителями приводят к ослаблению могущества Алании. Перед нашествием монголов Алания, согласно источникам того времени, была уже фактически раздробленной страной.

После опустошительного нашествия Тимура на Кавказ Алания фактически перестала существовать, а оставшиеся в живых аланы ушли в горные ущелья, где проживали родственные им нахские племена.

Таким образом, есть все основания полагать, что аланы – всего лишь один из этнонимов, обозначавших нахские племена предгорий и равнин в определенный период времени. Различия в материальной культуре (о них чаще всего судят по погребениям) не могут быть достаточным основанием для этнической идентификации. К примеру, материальная и погребальная культура равнинной и горной Чечни почти всегда имела существенные различия. И если по ним судить об этнической принадлежности ее носителей, то можно было бы отнести их к разным этносам даже в 40-х гг. XX столетия.

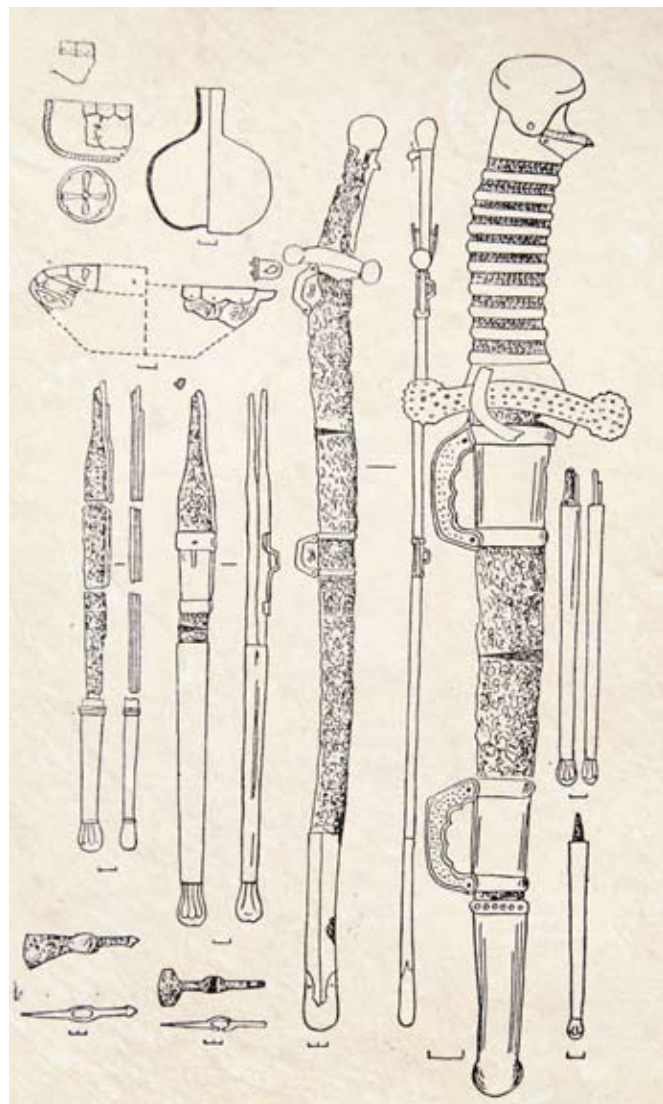
Анонимный автор сочинения «Границы мира», живший в 10 веке, пишет о том, что «среди алан есть горцы и степняки»¹³⁸.

Аланская культура.
Могильник Мартан-чу

¹³⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. С. 177.

¹³⁸ Ширакаци Анания. Армянская география VII века до р. х. С. 35.

Аланская культура.
Могильник Мартан-чу.
Детали вооружения

Именно в аланскую эпоху, а возможно, и ранее была создана Великая сигнальная система нахов, которая состояла из сигнальных (боевых) башен и хорошо укрепленных сторожевых поселений на равнине. Она объединяла разбросанные на огромной территории нахские общества в минуту военной опасности.

Материальная культура алан была достаточно развитой для своего времени. Основу экономики алан составляли земледелие и скотоводство. О большой роли земледелия свидетельствуют многочисленные находки на поселениях и городищах фрагментов зернотерок и жерновов, хозяйственных ям для хранения зерна, а также зерен пшеницы и проса. Животноводство у алан было отгонным, что также является подтверждением этнического родства жителей равнины и высокогорных районов. Многочисленные кости животных на аланских бытовых памятниках говорят о важной роли в их хозяйстве овцеводства. Кроме того, аланы разводили свиней, крупный рогатый скот, лошадей, а также занимались охотой и рыболовством.

Высокого развития достигло у них гончарное производство. Почти вся керамика, найденная на бытовых поселениях и в погребальных памятниках, изготовлена на гончарном круге. Она имеет разнообразную форму и цвет: горшки с отогнутым венчиком, кувшины с высоким вытянутым горлом, миски, кружки, пифособразные сосуды для хранения сыпучих и жидких продуктов. Керамические изделия черного или серого лощения, орнаментированы врезными

линиями, валиком, различными налестями, зооморфными ручками. Почти все они имеют прототипы в кобанской керамике. Сероглиняные миски, которые принято считать сарматским элементом в бытовой керамике, имеют аналогии в культуре ранней бронзы Северного Кавказа, позднекобанских и сарматских погребениях III в. до н.э. – IV в. н.э.¹³⁹

Инвентарь погребальных памятников довольно однообразен и беден, за исключением захоронений представителей знати. Он представлен пластинчатыми браслетами с точечным узором, металлическими зеркалами, серьгами, бусами, конской сбруей. В одной из катакомб у станицы Змейской найдена богато украшенная серебром с позолотой и драгоценными камнями сабля, принадлежавшая, по всей видимости, местному князю.

Кроме предметов местного производства в аланских погребениях много привозных вещей из различных районов мира: с арабского Востока, из Киевской Руси, Европы¹⁴¹. Это свидетельствует о широких торговых контактах алан со всеми окружающими народами.

Высокого уровня достигло в Алании каменное зодчество. Вся ее территория, как свидетельствуют средневековые источники, была покрыта множе-

ство крепостей и замков.

С V – VI вв. на территории Алании появляются городища с мощным культурным слоем и оборонительными сооружениями. Аланы занимались земледелием и скотоводством, рыболовством и охотой. Значительных успехов они достигли в металлообработке, гончарном деле, вели широкий торговый обмен со всеми окружающими народами.

В VII–IX вв. на территории Алании появляются городища, укрепленные глубокими рвами, а также мощными цитаделями.

В отличие от кочевников, жилища которых были круглыми, аланы, так же как и их древние предки, строили прямоугольные жилища двух типов: наземные и углубленные в землю.

Наземные жилища строились в турлучной технике с глиняной обмазкой, перекрытия опирались на опорные столбы.

Полуподземные жилища были почти квадратными в плане и углублялись в землю почти на метр. Предположительно, они имели двускатную кровлю. Улицы аланских поселений были вымощены булыжником. Дома окружали хозяйственные постройки. В горной зоне были распространены жилища из камня, а также различные виды каменных погребальных сооружений.

На территории Чечни обнаружено более ста аланских бытовых памятников I – XIII вв. При этом аланские городища и поселения открыты не только в западных и центральных районах, но и на самом востоке региона (Ахкинчу-Барзойское, Галайтинское городища, Ахкинчу-Барзойское, Исти-Суйское, Бельтинское, Балан-Суйское, Ножай-Юртовское поселения). Большинство памятников сосредоточено к югу от Сунженского хребта. Подобное расположение поселений и городищ может быть объяснено явным тяготением местного населения предгорной зоны исследуемого периода к лесистым предгорьям, ближе к горам, которые являлись для них тылом¹⁴², то есть об этническом единстве населения гор и равнины. Подтверждается это и тем, что выявлена строгая закономерность в их расположении, свидетельствующая о преднамеренном укреплении Чеченской равнины с севера, обусловленного существованием для местного населения явной угрозы со стороны предкавказских степей, а не с юга.

Надо учитывать и то, что большинство аланских бытовых памятников многослойны и содержат материалы скифской, сарматской и раннесредневековой эпох, что также является веским аргументом в пользу этнической преемственности местного населения.

Одним из крупнейших аланских городищ I тыс. является Алханкалинское городище. Оно занимает территорию более одного километра в длину и обнесено глубокими рвами. Длина южной стороны, которая тянется вдоль берега реки Сунжи, – 1000 м, длина восточного рва – 316 м, длина северного рва – 355 м, длина западного рва – 300 м.

Наружную ограду городища составлял ров глубиной 9 м с довольно крутыми склонами. Вдоль внутреннего края рва идет вал, на котором еще в прошлом веке были заметны остатки мощной каменной стены. Внутри площади городища на расстоянии 135 м от первого идет второй ров глубиной до 2,5 м. Оба рва с двух сторон доходят до обрыва над поймой Сунжи. Внутри второго рва, на самом берегу Сунжи, находится незначительный участок центральной части городища – цитадель, отделенная от основной его площади рвом круглой в плане формы. Участок этот значительно возвышается над остальной площадью городища и издали выглядит мысом, высоко поднявшимся над

¹³⁹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. С. 177.

¹⁴⁰ Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. С. 166.

¹⁴¹ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. С. 202.

¹⁴² Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. С. 160.

поймой реки. На нем имеется небольшая площадка в несколько квадратных метров.

Таким образом, в плане городище состояло из трех частей: первая, центральная, значительно возвышающаяся над остальной площадью, отделялась полукруглым рвом, вторая, примыкавшая к первой и как бы окружавшая ее, тоже была обнесена рвом, и, наконец, третья часть, кольцом обходившая вторую, ограждалась самым глубоким рвом и валом.

Наиболее хорошо выражены третий ров и вал, составляющие наружную ограду города. Ров глубиной в несколько метров имеет довольно крутые склоны, а по высокому валу, идущему вдоль внутреннего края рва, расположен ряд всхолмлений, являющихся, возможно, остатками оборонительных сооружений типа башен. В нескольких местах заметны перерывы в валу и соответствующие им повышения дна рва. Места эти являются проходами в город.

Площадь городища, густо поросшая травой, покрыта всхолмлениями и западинами, находящимися, очевидно, на местах построек. На поверхности в большом количестве встречаются культурные остатки – керамика и кости животных. Культурный слой прослеживается в обрывах берега на всем протяжении участка, занятого городищем.

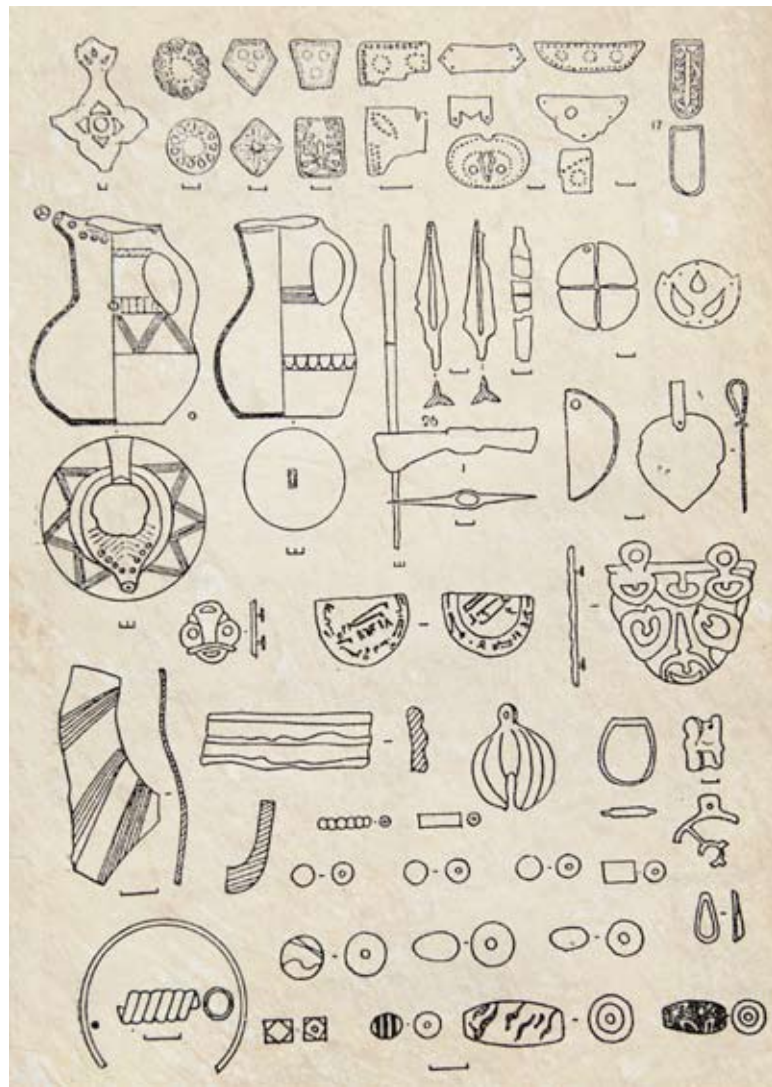
Его мощность до 2 м, он сильно насыщен фрагментами керамики и костями животных.

Стратиграфия культурного слоя Алханкалинского городища дает очень сложную картину. В первом пласте культурного слоя преобладает позднейшая (красноглиняная) керамика над раннесредневековой, а во втором уже начинает возрастать число фрагментов сероглиняной, раннесредневековой керамики. Третий же пласт содержит предметы сарматской эпохи (фибулы, миски).

Городище, по всей видимости, было разрушено и сожжено во время монголо-татарского нашествия в XIII в. Обилие культовых мест и курильниц, связанных с почитанием огня и солнца, и вся общая панорама истории и гибели этого крупного центра Алании убедительно свидетельствуют в пользу отождествления Алхан-Калинского городища с ранней столицей и религиозным центром алан – городом Магасом¹⁴³.

Крупным было и аланское городище, расположенное к западу от Серноводска на высоком холме на берегу реки Сунжи, которое датируется III в. до н.э. – XIII в. н.э. С западной и

Аланская культура.
Погребальный инвентарь из
могильника Мартан-чу

восточной стороны городище окружают глубокие овраги. К северу овраги соединены дугообразным рвом. Городище имеет форму трапеции. Культурный слой мощностью около метра обнажается в разрезе берега. Здесь видны полосы прожженной докрасна глины, крупные камни и темный золистый слой. По обрыву и в местах промоин и оползней валяются черепки посуды, изредка кости животных. На территории городища большое количество подъемного материала в виде фрагментов сероглиняной и красноглиняной керамики.

Большими и хорошо укрепленными были аланские городища, расположенные в нижнем течении Сунжи, у станиц Петропавловская и Ильинская. Ильинское 1-е городище (VII в. до н.э. – XIII в. н.э.) расположено в полутора километрах к востоку от станицы Ильинской, над широкой поймой реки Сунжи, на ее левом берегу. Оно представляет собой треугольник с закругленными углами, южная сторона которого выходит на крутой обрыв, который спускается к пойме и тянется с востока на запад почти на двести метров. Городище окружено мощным валом и рвом. В северном валу основной части городища сохранился проем, где, по всей видимости, были ворота. В юго-восточной части находится цитадель, которая отделяется от основной части валом и рвом. Цитадель также имеет форму треугольника и возвышается над основной частью городища. На срезе склона с южной стороны виден культурный пласт, глубина которого доходит до одного метра. На основной части городища к западу сохранились небольшие всхолмления, на месте которых в древности были башни.

Петропавловское 1-е городище (VII в. до н.э. – XIII в. н.э.) расположено в трех километрах к востоку от станицы Петропавловской на левом, высоком берегу реки Сунжи. Оно с трех сторон окружено глубоким рвом и высоким валом. В центре северного вала большое, круглое в плане возвышение, которое, видимо, было башней. Справа от него – проем в валу и перемычка во рву. Это предполагает, что здесь был проход в городище. С юго-восточной стороны ров соединяется с глубоким оврагом, который доходит до самого берега. Мощность культурного слоя, который виден в обрыве берега, более одного метра. Подъемный материал встречается в основном в виде фрагментов сероглиняной керамики.

Кроме того, на территории Чечни сохранилось множество небольших сторожевых аланских укреплений, при строительстве которых использовался естественный рельеф местности, как, например, Гойт-кортское, Самашкинское I и Ханкальское I городища.

Городище Гойтен-Корт (V – XIII вв.) расположено на правом берегу реки Аргун, в 3 км к северо-востоку от селения Белгатовой, на вершине горы Гойт-Корт. Оно имеет форму трапеции. С юго-западной и северо-восточной стороны оно окружено валом и рвом, с юго-восточной и северо-западной стороны защищено крутыми склонами горы Гойт-Корт.

Самашкинское 1-е городище (V – XIII вв.) расположено в километре к востоку от станицы Самашкинской на высоком, крутом берегу над поймой реки Сунжи. Площадь городища с восточной и западной стороны окружена оврагами, которые на севере соединяются искусственным рвом. По внутренней стороне рва тянется невысокий вал. Культурный слой укрепленной части, который просматривается в обрыве берега над поймой – 0,7 м. На территории городища собран подъемный материал в виде фрагментов сероглиняной керамики, а также фрагмент ручки сосуда. Городище датируется

Аланская культура. Перстень.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики

Аланская культура. Перстень.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики

¹⁴³ Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища.

ранним средневековьем.

Ханкальское 1-е городище (VII – IV вв. до н.э., V – XIII вв. н.э.) расположено в километре к югу от 35-го участка города Грозного на вершине отрога с довольно крутыми склонами. Оно тянется с севера на юг более чем на 100 м. С северной стороны городище укреплено двойным рвом и валом между ними. С западной и восточной стороны естественным укреплением для него являются крутые склоны отрога. Ров, по всей видимости, был и с западной стороны, но в настоящее время он запылен, вероятно, был скрыт во время прокладки грунтовой дороги вдоль западной стороны городища. К югу от основной части городища находится цитадель, отделенная от нее глубоким рвом. Цитадель имеет форму равностороннего треугольника с закругленными углами и отделена от основной части городища широким и глубоким рвом. На территории городища множество подъемного материала в виде фрагментов сероглиняной керамики.

На территории Чечни находится более сотни аланских городищ и поселений, которые выстроены по линии «запад-восток» и наиболее укрепленной стороной обращены на север. Это еще раз подтверждает этническое родство алан и населения гор и равнины, которые имели общую систему оборонительных сооружений.

Массовое строительство цитаделей, боевых башен и комплексов на территории Чечни и вообще в ареале расселения нахов относится к XII–XIII вв., то есть к позднеаланской эпохе, хотя расцвет нахской архитектуры приходится уже на XV–XVI вв., а в западных районах на XVII–XVIII вв. Раннее угасание башенного строительства в горной Чечне связано с возвращением чеченцев на равнину в XVI–XVII вв.

Именно в аланскую эпоху была создана Великая сигнальная система нахов, которая состояла из сигнальных (боевых) башен и объединяла разбросанные на огромной территории общества в минуту военной опасности. При этом горная система была соединена с равнинной через башни, стоявшие при выходе из ущелий. Сигнальные башни стояли в Ханкальском ущелье, название которого переводится как «сторожевая башня», а также по Терскому и Сунженскому хребтам. Городища и сторожевые поселения аланов располагались так, что имели визуальную связь не только между собой, но и с сигнальными башнями в предгорьях.

Из сохранившихся на территории Чечни и Ингушетии каменных сооружений к аланской эпохе можно отнести некоторые постройки поселения Цеча-Ахк, расположенного на западе Чечни в ущелье реки Фортанга. По характеру обработки камня и использованию известкового раствора, а

*Аланская культура.
Элементы украшения
пояса. Золото. Из собрания
Национального музея
Чеченской Республики*

также по преобладающей горизонтальной планировке их можно датировать I–VII вв. Эти архитектурные сооружения уже можно разделить на боевые и жилые. Боевые башни почти полностью разрушились, от них остались только нижние этажи, по которым из-за завала камней невозможно определить их план.

Жилые башни сохранились лучше. Одна из них сохранилась на высоту от двух до трех метров и имеет форму вытянутого прямоугольника: 14 метров x 7,5 метров. Толщина стен – до одного метра. Башня выложена из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора.

Почти не отличаются от нее и башни, расположенные на других участках этой части поселения: они имеют вытянутый план, состоят из двух-трех камер, имеют два или три этажа. Толщина стен – около метра, техника кладки тоже очень примитивная, хотя используется известковый раствор. Эти башни отличаются от классических жилых башен Чечни горизонтальной планировкой, низкой техникой кладки и обработки камня, но уже в них появляются элементы конструкций, свойственные более поздним сооружениям. Это, прежде всего, наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

К позднеаланской эпохе (XI–XII вв.) также можно отнести еще одну группу башен поселения Цеча-Ахк. Подтверждением этому могут служить обнаруженные вблизи поселения при раскопках археологические материалы, которые имеют прямые аналогии в материальной культуре алан равнинной зоны.

Башни этой группы (примерно XI–XIII вв.) отличаются от более древних сооружений вертикальной планировкой, планами, близкими к квадрату, большей высотой и количеством этажей (три-четыре), стены сложены гораздо аккуратней, кроме того, башни заметно суживаются кверху и имеют значительно больше оконных проемов и бойниц. К той эпохе относятся боевые башни в селениях Хаскали, Хелды, Харкарой, Сахана, на горе Бекхайла.

В 70-х гг. XX в. у селения Мартан-чу в Чечне был обнаружен аланский могильник, состоящий из 18 погребений, большинство из которых были катакомбами. находка обрезанного арабского дирхема VIII в. дала возможность точно датировать памятник. Самые поздние захоронения могильника датируются X – XI вв. При разрушении части погребений и при проведении раскопок был обнаружен богатый и разнообразный инвентарь: сероглиняные кувшины, спиралевидные пронизки, фрагменты стеклянных сосудов, наконечники стрел, двулезвийные секиры, палаши со следами деревянных ножен, железные ножи, круглые серебряные бляхи, фрагменты различных украшений из серебра, бронзы, янтаря и сердолика, серебряные браслеты, металлические зеркала, бронзовые бубенчики¹⁴⁴. Орнамент на изделиях из бронзы и серебра, формы серебряных поясных накладок имеют прямые аналогии в материалах кобанской археологической культуры.

По свидетельству В.Б. Ковалевской, обилие и разнообразие металлических амулетов является специфической особенностью аланской культуры. При этом аланские амулеты имеют небольшое количество аналогий в одновременных им памятниках Евразии, которые можно рассматривать как

*Аланская культура.
Элементы украшения
пояса с волнообразным
орнаментом. Золото. Из
собрания Национального музея
Чеченской Республики*

результат связей с Кавказом. На территории Кавказа, по мнению исследователя, амулеты имеют тысячелетние традиции (с эпохи поздней бронзы и раннего железа до раннего средневековья) и можно проследить единую линию их развития вплоть до нашего времени¹⁴⁵.

Таким образом, материальная культура аланских племен имеет местные кавказские корни и сохраняет традиционную символику в орнаментах керамических изделий, в декоре оружия и одежды и, самое главное, в амулетах, что говорит о преемственности религиозных культов.

В.А. Кузнецов в работе «Аланские племена Северного Кавказа», вышедшей в 1962 году, приходит к заключению, «что в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе, по-видимому, существовали два больших племенных союза, составлявших историческую Аланию. Западный племенной союз был связан с этническим наименованием асы, восточный – с наименованием аланы. Основой западного племенного союза были автохтонные племена Северо-Западного Кавказа – предки современных адыгов, абазин и отчасти осетин; основой восточного племенного союза – автохтонные племена Центрального Кавказа – предки современных осетин, ингушей и чеченцев»¹⁴⁶.

На наш взгляд, аланы вплоть до монголо-татарского нашествия сохраняли этническое единство на территории от Кубани до Каспийского моря. В чеченском языке сохранилась идиоматическое выражение «ГТиба валалц етта» - «бить врага до тех пор, пока он не перейдет на другой берег Кубани». Чеченское название Кубани «ГТиба» созвучно названию этой реки в античных источниках – «Гипанис». Кабардинцы появляются на правом берегу Кубани и в восточных районах Кавказа после монголо-татарского нашествия, когда эти территории были покинуты жившим здесь прежде населением. Историческое сознание чеченцев определяло древние границы чеченской земли на западе до Кубани, на севере почти до устья реки Волги, на востоке до Каспийского моря. В фольклоре чеченцев сохранилось предание о том, что предок чеченцев пришел на современную территорию с приволжских степей. Выражение «Идал деха вакха – переправить на другой берег Волги» означает в чеченском языке «отправить человека за пределы родной земли». Таким образом, в исторической памяти народа и в языке сохранились следы древних миграций чеченцев на территории Северо-Западного Кавказа и Предкавказья.

После нашествия орд Тимура аланские поселения в равнинной части Северного Кавказа полностью исчезают, но в недрах аланской культуры, которая вместе с ее носителями окончательно перемещается в горные районы, формируются черты позднесредневековой вайнахской культуры.

Материальная культура этого периода, за исключением архитектуры, слабо изучена. Археологический инвентарь свидетельствует об ее определенном единстве на всей территории бывшей Алании – от Чечни и до Карачаево-Черкессии.

Население горных ущелий Чечни в позднем средневековье сформировалось в результате двух переселений жителей равнины в горы: во время нашествия монголов и в период нападения на Кавказ Тимура. При этом второе переселение было массовым. Оказав жесточайшее сопротивление войскам Тимура, оставшиеся в живых аланы вынуждены были отступить в горы, где жили близкородственные им горные племена. Кроме того, нашествие Тимура вызвало значительную миграцию нахов из западных районов Алании на восток. По свидетельству современников, равнинные и предгорные районы

Северного Кавказа полностью обезлюдели после монгольского нашествия. Путешественники в течение нескольких дней пути не встречали в этих местах ни одного селения, ни одной живой души¹⁴⁷.

Средневековая вайнахская культура является симбиозом двух этнически родственных культур: горной и аланской. Она органично впитала в себя элементы обеих культур и в материальной, и духовной сфере. Высшим ее проявлением в материальной культуре стало средневековое каменное народное зодчество.

¹⁴⁴ Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у селения Мартан-чу в Чечне // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 62- 86.

¹⁴⁵ Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. С.62.

¹⁴⁶ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 131.

¹⁴⁷ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 // Путешествие в восточные страны. С.165

ГЛАВА II.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ
ЧЕЧЕНСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ
И ИХ АНАЛОГИИ
В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ЧЕЧЕНСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

Проблема датировки чеченских петроглифов является достаточно сложной задачей, учитывая то, что камни с символической использовались многократно. Сами символы намного древнее каменных строений. Большинство из них зафиксировано в археологических материалах палеолита, неолита и эпохи ранней бронзы. Одним из факторов, который нужно учитывать при установлении нижней даты создания петроглифов, является появление металлических орудий, с помощью которых может быть нанесен рисунок на камень. В свою очередь, техника прорисовки символа на камне зависит от вида металла. Если бронзовым орудием можно только процарапать рисунок глубиной до 1 мм (ср. некоторые петроглифы селения Макажой), то железным зубилом можно выгравировать его глубиной до 4-5 мм (петроглифы селения Васеркел).

Определенную роль при датировке петроглифов может сыграть уточнение времени распространения в регионе различных религиозных культов, особенно мировых религий (христианство, ислам).

Главным образом датировка чеченских петроглифов связана с проблемой датировки архитектурных сооружений. Как мы уже писали выше, многократное использование камней с петроглифами исключает возможность установления более или менее точной даты их создания. Но, исходя из датировки строительства каменных построек, есть возможность определить нижнюю и верхнюю даты появления чеченских петроглифов.

Немаловажно при этом учитывать истоки символов, так как их появление в тех или иных регионах мира связано или с распространением определенных религиозных культов, или с миграцией населения, использующего символику в культовых целях.

Вопрос об автохтонности нахского (чеченского) населения Северного Кавказа является предметом длительных научных дискуссий.

Одни ученые считают чеченское население аборигенным и живущим, по крайней мере, последние пять тысяч лет в пределах занимаемой ими территории. Одним из вариантов этой теории является предположение о том, что нахские племена вплоть до первых веков нашей эры заселяли территорию от правобережья Аргуна на востоке и до устья Дона на западе. Это подтверждается и топонимикой, и историческими источниками, например «Армянской географией VII века»¹⁴⁸, и археологическими материалами, так как на территории древнейшего расселения нахских племен не было резкой смены

археологических культур, а произошла их постепенная эволюция¹⁴⁹.

По другой гипотезе, которая основывается на близком родстве хуррито-урартских и нахских языков, чеченское население является пришлым, мигрировавшим из Передней и Малой Азии. При этом ученые, поддерживающие эту идею, также ссылаются на предания некоторых чеченских тейпов о происхождении их родоначальников из стран Передней Азии. Вполне обоснованной является гипотеза о миграции нахских племен в Переднюю Азию из Европы через Северный Кавказ в V–IV тыс. до н.э., которая также подтверждается и археологическими, и топонимическими, и даже антропологическими материалами.

Однако вполне возможно, что все эти версии верны, но только в совокупности. В древности территория расселения нахских племен, как, впрочем, и других народов, относящихся к кавказской семье языков, была очень обширной и простиралась от плоскогорий Передней Азии на юге до степей Поволжья на севере, на западе – до Крымского полуострова включительно. К тому же и исторические источники, и чеченские предания говорят о миграции большой группы урартских племен после гибели Урартского царства на Северный Кавказ, на территорию расселения родственных им нахских племен.

Кавказские племена населяли еще в III–II тыс. до н.э. часть Европы и Средиземноморья. Нахским был догреческий языковой субстрат на островах Крит и Кипр, доиталийский – на Сицилии и Сардинии. А версия о северокавказском (нахском) происхождении этрусков – народа, создавшего великую цивилизацию и оказавшего огромное влияние на римскую, следовательно, и европейскую культуру, стала преобладающей в исторической науке в последнее время.

*Крепость Кезеной.
XIV–XVI в. н.э.*

¹⁴⁸ Ширакци А. Армянская география VII века до р. х.

¹⁴⁹ Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. С. 40.

Подземные постройки в селении Хой

ные, строились еще в средневековье.

В некоторых районах Передней Азии сохранились гробницы в виде башен, которые свидетельствуют о том, что в более древние времена здесь строились подобные жилища.

В башнях еще в II–I тыс. до н.э. жили древние хурриты и урарты, которые были близкородственными по языку и происхождению нахам. Старинные предания и данные археологических раскопок говорят о постоянных миграциях хуррито-нахоязычных племен с юга на север и с севера на юг, по крайней мере с V тыс. до н.э. вплоть до второй половины I тыс. до н.э. Хурриты жили большесемейными домовыми общинами, которые назывались димту – башня. Подобное название, вероятно, связано с тем, что каждая община жила в отдельной башне¹⁵⁰.

В башнях, подобных хурритским, жили и родственные им урарты. Известны были в урартских городах и многоэтажные городские дома-башни, в которых, по-видимому, жили большесемейными общинами. В сельской местности были распространены большесемейные поселки типа хурритских башен. Большого искусства достигли урарты в фортификационном строительстве, в возведении каменных крепостей.

По сообщениям античных авторов, башенное строительство было развито и в Юго-Восточном Причерноморье, то есть в древней Колхиде, население которой также имело этноязыковое родство с предками нахов, так же как и родственную по многим параметрам материальную (колхо-кобанскую) культуру.

Древнегреческий историк Ксенофонт пишет о деревянных башнях у моссиников: «А их царь, который пребывал в деревянной башне, построенной на самом высоком месте города, не захотел покинуть ее, так же как и тот, который находился в прежде взятом укреплении, и оба сгорели там вместе с деревянными башнями. А большая часть укрепленных мест была именно такова. Они отстояли друг от друга стадий на 80, одни больше, другие меньше. Жители их перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого, – до такой степени эта страна изобилует возвышенностями и глубокими ущельями»¹⁵¹.

Интересная параллель явлению, описанному Ксенофонтом, обнаружива-

Интересным является тот факт, что почти во всех этих регионах в разной степени развивалось башенное строительство.

Жилая башня – широко распространенная форма жилища в Средиземноморье и Передней Азии с древнейших времен.

Например, в Сардинии дома башенного типа являлись наиболее распространенным видом жилища. Древнейшие из них относятся ко II тыс. до н.э., наиболее поздние к III в. до н.э.

То же самое можно сказать и о горных районах Греции, где башни, и круглые в плане, и квадрат-

ется в раннесредневековых календарных культах чеченцев. Так, по информации С.-М. Хасиева, с 33-годовалым земледельческим календарным циклом было связано ритуальное действо «отправки посла на небо» в начале года, который назывался «наб». По-чеченски этот ритуал назывался «Турнене вахйта» – Отправить в космос». Для этого ко дню начала года должна была быть построена высокая башня из дубовых бревен, в которой поселяли молодого человека – па1а. Ему в этот день должно было исполниться тридцать два года, а ко дню «отправки на небо» – тридцать три. Сама башня должна была быть такой высокой, чтобы стоящие внизу люди не ослепли, увидев руки ангелов – святых, опустившихся к ней на туче. После того как молодой человек, проведя в башне год в веселье и развлечениях, якобы отправлялся послом на небо, чтобы просить у Бога благодати, башню сжигали. Угли ее обладали магической силой и защищали от всяких зол и напастей¹⁵². Однако источники ничего не говорят о судьбе «посла на небо» – то ли его выводили из башни, то ли он оставался в ней, хотя последнее вряд ли возможно.

Деревянные башни назывались у колхидских племен моссинами, а одно из колхидских племен – моссиниками. Древнегреческий поэт и ученый Аполоний Родосский писал о моссиниках¹⁵³:

Возле же них моссиники, соседи, богатый лесами
Материк населяют, а также и рядом предгорья,
В башнях себе деревянных обитель устроив,
(В крепко сколоченных башнях, моссинами их называя,
Да и они от моссин свое получили прозвание).

По описанию римского архитектора Витрувия Полиона, жившего в I в. до н.э., колхидские башни были квадратными в основании, сужались кверху, покрывались пирамидальными крышами: «У народа колхов в Понте вследствие изобилия лесов кладут прямо на землю по правую и левую стороны целые бревна, оставив между этими двумя рядами расстояние, равное длине бревен; затем на обоих концах этих рядов кладут поверх два других ряда поперек; таким образом окружается пространство жилищ, лежащее посреди. Затем колхи на четырех сторонах – попеременно на двух противоположащих – накладывают бревна, соединяя углы и образуя стены, и кверху отвесно от основания возводят башни, а промежутки, которые остаются между бревнами вследствие толщины материала, они заделывают щепками и глиной. Точно так же, укорачивая концы поперечных балок и суживая их постоянно в виде уступов, они возводят крышу с четырех сторон кверху и образуют в середине пирамидообразную верхушку, которую они покрывают листвой и глиной, и таким грубым способом строят сводчатые крыши своих башен»¹⁵⁴.

Несомненно, покрытие деревянных башен древней Колхиды напоминает пирамидальную кровлю нахских башен и склепов, то есть имеет ту же конструкцию, хотя оно из другого материала. Деревянные башни из-за отсутствия камня строились в самой восточной области Чечни – Ичкерии в XIV–XVI вв., вероятно, по той же технологии, что и у колхов.

На Северном Кавказе, так же как и в прилегающих районах, человек появился в эпоху палеолита. До нас дошли следы обитания древних людей ашельской эпохи (нижний палеолит, 150–80 тысяч лет назад). Население этого времени на Северном Кавказе было очень немногочисленным и использовало в качестве жилищ естественные пещеры. Археологические материалы мустьерской эпохи свидетельствуют о том, что древние жители Кавказа начинают строить многообразные искусственные жилища: хижины и пала-

¹⁵⁰ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. С. 62.

¹⁵¹ Ксенофонт. Анабасис // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 85.

¹⁵² Хасиев С.-М. Календарный год у вайнахов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974. С. 72.

¹⁵³ Аполоний Родосский. Аргонавтика // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 114.

¹⁵⁴ Витрувий. Об архитектуре // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 196-197.

Селение Никарой. Боевая башня. XIV - XVI вв.

ши из тонких стволов деревьев и ветвей, костей и шкур крупных животных. Кроме того, уже в это время древний человек начинает облагораживать пещеры, гrotты и скальные навесы, застраивая их завалами из камней. К этому периоду относятся находки археологов в районе высокогорных чеченских селений Хой, Макажой, Кезеной.

В эпоху неолита территория Северного Кавказа, впрочем, как и другие области Европы, была мало населена. Об этом свидетельствует низкая плотность археологических материалов, а также характер и расположение поселений того времени, большинство из которых строилось на берегах рек и озер и не было укреплено. Уже в то время появляется техника строительства жилищ из плетеного каркаса, обмазанного глиной (так называемые турлучные постройки), которая используется на Кавказе до сих пор.

В эпоху неолита в горных районах Кавказа начинается строительство из камня. Пещеры же используются как жилища в массовом порядке вплоть до эпохи бронзы, а по свидетельству Страбона, и в I в. до нашей эры¹⁵⁵. Неолитические поселения обнаружены археологами возле озера Кезеной-Ам, на Терском хребте, в окрестностях Нальчика.

С глубокой древности на территории Кавказа остались следы различных культурных напластований: палеолита, неолита, эпохи бронзы. И, несмотря на небольшое количество исследованных поселений древнего периода, они позволяют судить о характере архитектурных и материальных традиций древнейшего аборигенного населения Северного Кавказа.

Кобанский период (XII–V вв. до н.э.) – это время циклопических сооружений, построенных из гигантских необработанных камней, которые

имеют горизонтальную планировку, то есть являются многокамерными, возводятся без использования раствора, характеризуются примитивной строительной техникой.

Раннеаланский период (I – VII вв.). Архитектурные сооружения этого периода уже можно разделить на боевые и жилые. О характере боевых башен сложно судить, так как от них остались только нижние этажи.

Жилые башни имеют продолговатый план и являются двух- или трехэтажными. Стены сложены из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора, техника строительства по-прежнему остается очень низкой. Но уже появляются элементы конструкций, свойственные средневековым чеченским башням. Это, прежде всего, наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

Позднеаланский период (XI–XIII вв.). Башенные постройки этого перио-

да отличаются вертикальной планировкой и более высоким уровнем строительной техники. По своим формам они приближаются к классическим вайнахским сооружениям. Подобные сооружения встречаются на всей территории древнего расселения нахов, от Аргуна до Кубани.

Вайнахский, или классический, период (XV–XVII вв.) – период расцвета чеченской башенной архитектуры, который характеризуется высокой культурой строительства. Боевые и жилые башни приобретают классические, законченные формы. Подобные сооружения встречаются лишь на территории Чечни и Ингушетии.

Исследователи памятников нахской архитектуры в большинстве случаев очень сильно занижают их возраст, исходя, прежде всего, из фактора их позднейшего использования. Эту тенденцию отмечают и авторы монографии «Архитектура Грузии от истоков до наших дней». По их мнению, «нельзя не учитывать, что циклопические (постройки) крепости показывают лишь конец их жизни, и подходить к ним статически, рассматривая без учета всей сложности их длительного исторического процесса. Научный подход к таким памятникам должен учитывать в них отражение различных сторон жизни общества: выбор места под крепость или поселение, ...могильники, строительную технику, археологические данные»¹⁵⁶.

К тому же почти все исследователи датируют памятники архитектуры средневековой Чечено-Ингушетии XV–XVII вв., хотя на самом деле является общеизвестным фактом то, что со второй половины XVI в. начинается активное возвращение чеченцев на равнину. К этому времени можно отнести спад активного строительства башен в горной Чечне, тогда как в соседних регионах строительство башен продолжалось вплоть до конца XIX в. И если в западных районах в некоторых случаях помнят даже имена мастеров, строивших те или иные башни, то в Аргунском ущелье в середине XIX в. даже старики не знали, кому принадлежала та или иная башня, не говоря уже о том, кто ее строил.

Чеченские башни отличаются большим разнообразием форм, отдельных деталей. Это, прежде всего, может быть подтверждением того, что их строили в разные периоды времени. Наиболее ранние по времени постройки башни имеют сходные черты с башенными сооружениями Карачая, Балкарии, Северной Осетии. Это говорит о том, что в определенный период времени эти районы относились к единому ареалу материальной культуры.

В свое время известный чеченский этнограф Саид-Магомед Хасиев записал в одном из районов Чечни очень интересную притчу, касающуюся, кроме всего прочего, возможного возраста башен:

«На самой вершине утеса стояла боевая башня, которая защищала вход в ущелье, а также с нее передавали сигналы о приближающейся опасности в другие районы гор. Кровлю ее завершал остроугольный камень – цурку. Однажды сокол, пролетая над утесом, сел на этот камень и очень довольный собой, стал оглядывать окрестные горы.

– Чем же ты так доволен? – спросил у него камень.

– Как же мне не быть довольным, если у меня так все хорошо, – ответил сокол. – Всевышний дает нам три года жизни на этой земле. Я уже два года прожил, но чувствую себя словно мне один год, и прилетел я сюда, поклевывая живой печени. И подвластны мне крылья и небо.

– Я же стою на вершине этой башни уже девятьсот лет для того, чтобы она не разрушилась, – сказал камень. – За это время я увидел столько, что,

¹⁵⁶ Страбон. География // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 193.

¹⁵⁷ Джандиери Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии от истоков до наших дней. М., 1976. С. 15.

Селение Харкаррой. I тыс. до н.э. - XIX в. н.э.

начни я рассказывать об этом даже со времени твоего сотого предка, не хватило бы твоей жизни. Разница между мной и тобой в том, что ты создан для того, чтобы насыщать свой желудок и любоваться своей силой и удалью, я же здесь для того, чтобы не разрушилась эта башня и чтобы она спасала жизни многих людей».

Помимо основного философского смысла эта притча указывает на возможные границы существования одной башни, хотя в реальной жизни этот срок мог быть или больше, или меньше.

Циклопические же постройки могли сохраняться и использоваться еще дольше, если учитывать размеры камней и технику строительства. Постройки того же поселения Цеча-Ахк, возможно, были разобраны позже для использования при строительстве новых жилищ.

Несмотря на небольшое количество жилых и боевых башен, оставшихся на территории расселения нахов с древнейших времен (II—I тыс. до н.э.), все же отдельные, сохранившиеся в различном виде сооружения позволяют в какой-то мере восстановить картину эволюции нахских жилищ и фортификационных сооружений.

1) С III тыс. до н.э. на территории расселения нахских племен появляются

первые укрепленные поселения. Для их строительства выбирались естественно защищенные места: на возвышенных, скалистых мысах, на крутых берегах рек. Уязвимые с точки зрения обороны места укреплялись каменными стенами. Но, кроме стен, специальных фортификационных сооружений на поселениях носителей майкопской культуры еще не было. Жилища были небольшими, и оборона каждого из них в отдельности не предусматривалась.

2) Со II тыс. до н.э., когда на территории расселения нахов на основе майкопской культуры зарождается так называемая северокавказская археологическая культура, их жилища и фортификационные сооружения становятся более разнообразными. В горах строятся каменные дома, в предгорьях и на равнине – жилища турлучного типа с использованием камня, как об этом свидетельствует жилище той эпохи, найденное у селения Гатын-Кале в предгорьях Чечни. Высокого развития достигает строительство погребальных сооружений, которые в эту эпоху становятся очень разнообразными (каменные ящики, склепы).

Камень становится одним из наиболее распространенных строительных материалов и при сооружении жилищ, и при сооружении погребальных комплексов. Можно даже говорить о культе камня среди нахских племен Северного Кавказа, который оставил очень яркие следы в современном чеченском языке. Уже в это время нахи достаточно рационально используют естественные фортификационные особенности местности, размещая свои поселения на высоких утесах, мысах, на обрывистых берегах рек. Вместе с тем на основе дошедших до нас археологических материалов можно говорить об определенном развитии фортификационного искусства у нахов того времени, что выражалось в окружении поселений каменными стенами, в определенном расположении жилищ по отношению друг к другу.

3) С развитием на территории расселения нахских племен кобанской археологической культуры начинается строительство так называемых циклопических построек, жилищ и прочих строений из громадных каменных глыб. Развалины циклопических построек сохранились в разных районах Чечни: в селениях Никарой, Баулой, Цеча-Ахк, Хаскали, Орсой. Но наряду с ними продолжается возведение жилищ из плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. Вполне вероятно, что огромные каменные валуны использовались и ранее при строительстве стен и специальных заграждений, как об этом свидетельствуют материалы Закавказья. Поселения племен кобанской культуры располагались также на естественно укрепленных возвышенностях (Сержень-Юрт, Змейское, Цеча-Ахк).

4) На рубеже нашей эры нахи, живущие на равнине, в различных исторических источниках уже на-

Селение Харкаррой. Руины циклопических построек. I тыс. до н.э.

зываются аланами. Со II в. Алания упоминается как единое образование, оказывающее значительное влияние на соседние страны и народы.

К VII–IX вв. границы Аланского государства простирались от Дагестана до Кубани. Фортификационное строительство на его территории достигает в это время наивысшего развития. Арабские источники IX–X вв. пишут о многочисленных городах и крепостях алан.

К этому и более позднему периоду (к XII–XIII вв.) относится бурное строительство жилых и боевых башен на Северном Кавказе.

По всей вероятности, это было связано с тем, что в этот период начинается создание Великой сигнальной системы, которая объединяла все селения и города нах-алан.

5) Классической формы жилых и боевых башен в Чечне достигли в XIV–XVI вв.. К концу XVI – середине XVII вв. в связи с массовым переселением чеченцев на равнину строительство башен, за редким исключением, в горной Чечне практически прекратилось. В это же время перестали строить башни на равнине.

Таким образом, мы можем определить нижнюю дату появления петроглифов – II тыс. до н.э., то есть эпохой средней бронзы или северокавказской археологической культуры. Эпоха поздней бронзы и раннего железа (I тыс. до н.э. – IV в. до н.э.) отличается массовым использованием культовой символики. В этот период культовые символы активно наносятся и на камни жилых построек, отражая различные религиозные воззрения кобанских племен. К этому времени можно отнести петроглиф с двумя свастиками в селении Харкарой, а также сюжет на арочном камне входного проема в селении Ошни.

Камни с символами, имеющими аналогию в сарматских тамгах и аланских амулетах, можно отнести к аланской эпохе или близкой к ней.

Петроглифы с христианской символикой появляются в VIII – XIV вв., в период распространения христианства среди населения Чечни.

Верхней датой создания петроглифов можно считать XVI в., хотя некоторые символы (например, человеческая ладонь) наносятся на стены каменных построек вплоть до XIX в.

Символы, которые встречаются на более поздних строениях, связаны со вторичным использованием камней с петроглифами.

Таким образом, даты создания чеченских петроглифов можно определить II тыс. до н.э. – XVI в. н.э. Более точная датировка зависит от технологии нанесения рисунка и его отношения к тем или иным религиозным культам.

ЧЕЧЕНСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ И ИХ АНАЛОГИИ В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ

В глубокой древности, на заре человечества Кавказ был местом пересечения культурных влияний различных цивилизаций. Через Кавказ проходили кратчайшие пути сообщения между земледельческими государствами Ближнего Востока и кочевниками Восточной Европы. Его территорию пересекал Великий шелковый путь, связывавший крупнейшие торговые центры мира. В материальной культуре, мифологии, фольклоре кавказских народов сохранились черты, указывающие на их культурные и генетические связи с древнейшими цивилизациями Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Исследователи обнаруживают близкие родственные отношения между чеченским языком и языками древнейших народов Передней и Малой Азии и Средиземноморья. Кроме того, следы пребывания нахских народов обнаруживаются далеко за пределами той территории, которую сегодня насе-

Селение Кокадой. Петроглиф в виде двойной спирали

Золотая булавка с двойными спиральями. Малая Азия. Половина III тыс. до н.э.

Золотой браслет в виде двойных спиралей. Малая Азия. Половина III тыс. до н.э. Из кн. «Мастера бронзового века»

раёнах, где не было каменного зодчества из-за отсутствия камня, та же символика присутствует на надмогильных стелах, в орнаменте металлических и деревянных изделий, ковров. Поэтому постулат В.И. Марковина и А. Голана о том, что количество петроглифов на территории горной Чечни уменьшается по мере удаления от границы Дагестана и Северо-Восточной Грузии, является ошибочным. Количество петроглифов в том или ином районе Чечни зависит не от географического положения, а от количества и степени сохранности средневековых архитектурных памятников.

ляют чеченцы: и в Закавказье, и на Северо-Западном Кавказе, и в Предкавказье.

Естественно, все эти связи, прежде всего генетического характера, не могли не отразиться на религиозных воззрениях средневековых чеченцев, на характере и специфике чеченских петроглифов, являющихся символическим воплощением их мировосприятия.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что видовое разнообразие и стилистика чеченских петроглифов имеют общий характер на всей территории горной Чечни – от селения Хой на востоке до селения Цеча-ахк на западе. В тех

В эпоху неолита и энеолита территория Северного Кавказа была малонаселенной, поэтому стоянок и поселений того периода открыто немного. Соответственно, знаки и символы, связанные с религиозными воззрениями людей каменного века, пока не обнаружены.

Однако начиная с эпохи ранней бронзы в декоре и орнаменте керамики и бронзовых изделий обнаруживаются аналогии чеченским петроглифам.

Наиболее ранние аналогии средневековым петроглифам горной Чечни на территории Кавказа обнаруживаются в материалах так называемой куро-араксской археологической культуры, создателями которой являются близкородственные чеченцам племена хурритов, которые в начале IV тыс. до н.э. мигрировали в Закавказье. В конце III тыс. до н.э. часть куро-араксских племен мигрирует обратно на Северный Кавказ, где приходит в соприкосновение с родственными им майкопскими племенами, создавая материальную основу для образования в последующем северокавказской археологической культуры.

На керамике куро-араксской культуры мы встречаем свастики, двойные спирали, зигзагообразный и елочный орнамент, который имеет широкие аналогии среди чеченских петроглифов. Так, например, на фрагменте глиняного сосуда из Восточной Анатолии обнаружена свастика с четырьмя точками между ветвями, а на изображении сосуда из Шенгавита – свастика с закругленными концами.

Двойные спирали, зигзагообразный и елочный орнамент являются обычными декоративными и культовыми элементами для изделий майкопской культуры, создателями которой являются далекие предки чеченцев.

Свастика, двойные спирали, зигзагообразный орнамент встречается также в материалах северокавказской археологической культуры.

Свастики, кресты, двойные спирали были свойственны и для символики триалетской археологической культуры, создателями которой считаются также нахские племена, и для культовой символики Кавказской Албании, одним из основных этносов которой были нахоязычные гаргары.

Но особенно много аналогий чеченским петроглифам среди материалов кобанской археологической культуры поздней бронзы и раннего железа. Можно сказать, что почти вся чеченская средневековая символика имеет параллели в системе символов кобанской культуры. Среди кобанских знаков встречаются лабиринт, двойные спирали и солярные знаки различного вида, в том числе свастика с закругленными и прямоугольными концами, человеческая ладонь, змеевидные изображения, фигуры людей и животных, которые имеют прямые аналогии в чеченской средневековой петроглифике.

Культовая символика алан, так же как и сарматские тамги, имеет прямые аналогии как в кобанской археологической культуре, так и в культуре средневековых чеченцев, подтверждая, таким образом, духовную и генетическую

Кобанская культура. Бронзовая бляха с двойными спиральями. Из кн. «Мастера бронзового века»

Аланская культура. Элементы украшения пояса с волнообразным орнаментом. Золото. Из собрания Национального музея Чеченской Республики

Селение Никарой. Петроглиф в виде двухволнового символа

связь этих народов. Это, прежде всего, различного рода солярные знаки: кресты, свастики, различные геометрические фигуры. Особенно четко эта преемственность проявляется в амулетах, которые можно отнести к наиболее объективным этническим определителям в археологии.

Чеченские петроглифы имеют также аналогии в шумерском пиктографическом письме – в знаках, обозначающих «божество», «женщина», «вода», «злак».

Конечно же, символика чеченских петроглифов является общечеловеческой и встречается в различных вариациях практически во всех регионах мира. Но их повторяемость в течение нескольких тысячелетий в границах одной территории, которая может расширяться или сужаться в различные периоды времени, является свидетельством материальной, духовной и, следовательно, этнической преемственности. Чеченские петроглифы являются

Шундийская боевая башня. Петроглиф в виде двойной спирали

Селение Ошни. Петроглиф в виде двойной спирали

материальным свидетельством генетических связей нахской культуры с древнейшими цивилизациями Передней Азии и Средиземноморья.

Соответствия между чеченскими петроглифами и изображениями на кобанских изделиях. Из работы Г.Р. Смирновой. Кобанские аналогии некоторых чеченских петроглифов

ГЛАВА III.

ДРЕВНИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ
КУЛЬТЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

ДРЕВНИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Древние религиозные культы, о которых можно судить по погребальному инвентарю археологических культур, появляются в неолитическую эпоху. Именно в это время на Северном Кавказе складывается определенный обряд погребения, который отражает религиозные представления людей каменного века.

Религиозно-мифологические представления племен кавказского энеолита (IV – III тыс. до н.э.) были довольно разнообразными и в основном отражали характер их хозяйственной деятельности. Это и различные земледельческие культы, прежде всего культ богини плодородия, культ солнца и связанный с ним культ огня.

В религиозных представлениях племен ранней бронзы (майкопская археологическая культура IV – III тыс. до н.э.) наряду с культом солнца и неба, а также различных животных, заимствованных, по всей видимости, из Передней Азии, существовали более древние культы гор, рек, лесов. Фрагменты глиняных статуэток, найденные в различных археологических комплексах майкопской культуры и имеющие аналогии в древних культурах Передней Азии III тыс. до н.э., относятся, по всей видимости, к древним земледельческим культам. Богатый инвентарь погребений свидетельствует о существовании веры в загробную жизнь. Обряд обсыпания погребенного охрой может быть связан с верой в загробную жизнь и культом огня у племен майкопской культуры, который считали красным цветом – цветом огня и крови источником жизни, а также верили, что он, так же как и огонь, обладает очистительной силой. В чеченском языке сохранился целый пласт слов и понятий, связанных с культом огня: цӀе – огонь, цӀена – чистый, цӀу – жрец.

У чеченцев сохранилось предание о двух братьях, которые поклонялись огню и приносили ему в жертву часть своей пищи. Когда один из братьев обжегся, он усомнился в божественности огня.

Название дома в чеченском языке – цӀа также связано с культом огня. По всей видимости, «цӀа» первоначально был храмом огня. В чеченском языке сохранилось слово «цӀаӀрмат» – огнепоклонник, которое в наше время приобрело значение «грубый, невежественный человек». Оно не имеет никакого отношения к этнониму «сармат/шармат», как об этом пишет В.Б. Виноградов, а вслед за ним и В.Б. Ковалевская, подчеркивая тем самым враждебность населения гор и предгорий к жителям предкавказских степей – сарматам¹⁵⁷.

Камень играл особую роль и в похоронном ритуале, и, по всей видимости, в религиозных воззрениях северокавказских племен поздней бронзы (северокавказская археологическая культура II тыс. до н.э.). Во-первых, камень очень

широко использовали при погребении, как и в эпоху майкопской культуры (каменные вымостки в курганах, кольца-кромлехи вокруг могил). Во-вторых, в погребениях северокавказцев находят камни-амулеты, что говорит о том, что камень играл важную роль в их жизни, и ему приписывалась чудодейственная сила. Камень же всегда связывался древними людьми с культом солнца и огня.

По погребениям, в которых находят оружие, украшения, посуду, видно, что носители северокавказской культуры верили в загробную жизнь и считали ее простым продолжением земной жизни. Подобные воззрения были присущи нахам и в средневековье.

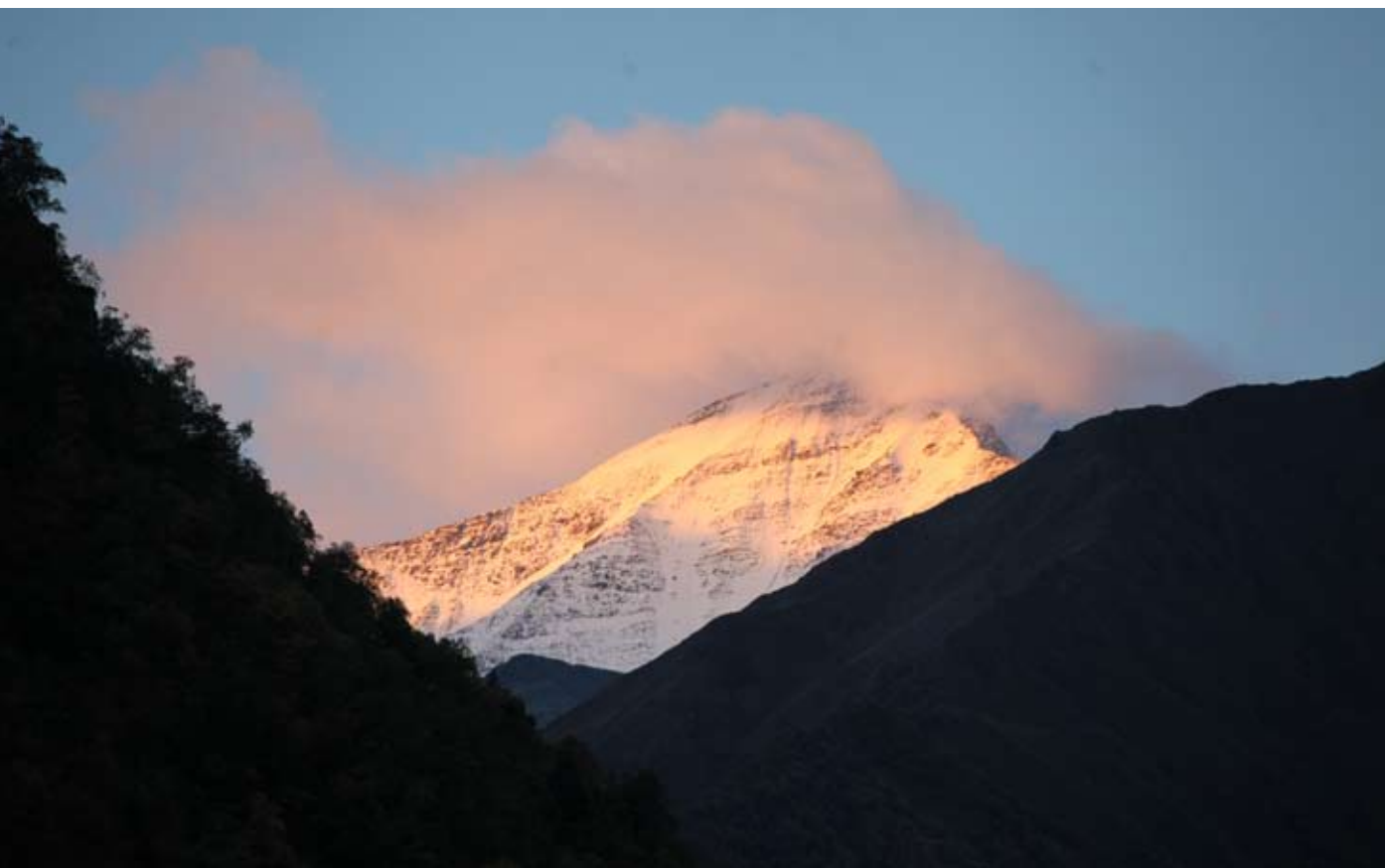
Религиозные культы племен северокавказской культуры остались почти неизменными с эпохи ранней бронзы: культ неба, солнца, гор, культ предков.

Материалы археологической культуры поздней бронзы и раннего железа (так называемой кобанской археологической культуры) дают представление о религиозной жизни северокавказских племен второй половины II тыс. – конца I тыс. до н.э.. На одном из холмов-убежищ Сержень-Юртовского поселения (Восточная Чечня) открыто святилище и предметы ритуального характера (жертвенники, глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки, амулеты-обереги, пинтадеры с магическими изображениями креста, свастики и спирали). В основе религиозных представлений кобанцев, видимо, был культ солнца и неба, как об этом свидетельствуют изображения свастики, спирали, а также глиняные модели колес среди ритуальных предметов святилища. Антропоморфные и зооморфные статуэтки могут свидетельствовать о культе плодородия у кобанских племен. Со времен ранней бронзы могли существовать и более древние культы: священных гор, рек, роц, которые со-

Васеркел

¹⁵⁷ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1973., Ковалевская В.Б.

Гора Тебулосмта на рассвете

хранялись в экологической культуре чеченцев вплоть до середины XX в.

Культ вершины сохранялся у чеченцев вплоть до позднего средневековья. Наиболее высокие вершины (Эльбрус, Казбек, Тебулосмта) пользовались у чеченцев особым почетом. Они считали, что божество грома и молнии Села живет на вершине Казбека и там же, в царстве вечного холода, прикован к скале нарт Прометей, который украл огонь у Селы и отдал его людям.

Жители Майсты обращались к снежной вершине Тебулосмта с молитвой: «О, великий Тулой-Лам! О, священный Тулой-Лам! Мы обращаемся к тебе с просьбой, а ты попроси за нас Великого Делу».

На северном склоне Майстинского хребта, южнее Туга, находится священная роща, в которую ни один охотник не войдет, не омывшись прежде в речной воде, иначе злая выюга сорвется с ледяной вершины Тебулосмта, преградит дорогу идущему, и тогда его неминуемо ждет смерть. Вплоть до недавних времен существовали священные заповедные рощи и в других районах горной Чечни. В них никто не смел сорвать цветок или сломать ветку. Дикие животные чувствовали себя здесь в безопасности, так как ни один охотник не осмеливался охотиться в священной роще. Прежде в этих рощах могли укрываться даже кровники, не боясь того, что их может постигнуть месть. По народному поверью, пребывание в заповедных рощах в течение определенного времени приводило к исцелению от многих заболеваний. Очень трепетным было отношение чеченцев к дереву. С древних времен они научились оберегать лес, разумно использовать его. Грушевое дерево, грецкий орех считались священными, и был строгий запрет на их рубку. До сих пор среди чеченцев существует поверье, согласно которому человек, срубивший

ореховое или грушевое дерево, попадет в ад. Граб также считался священным деревом. Он использовался чеченцами для изготовления оружия, и поэтому его рубка строго регламентировалась. Еще в конце XX в. многие старики, прежде чем срубить дерево, просили у него прощения и обещали ему, что оно будет служить на пользу людям. Произвольная рубка леса запрещалась, а срубить дерево из озорства считалось страшным преступлением наряду с убийством человека. На дрова рекомендовалось заготавливать валежник, больные деревья, но нельзя было использовать в этих целях ценные породы.

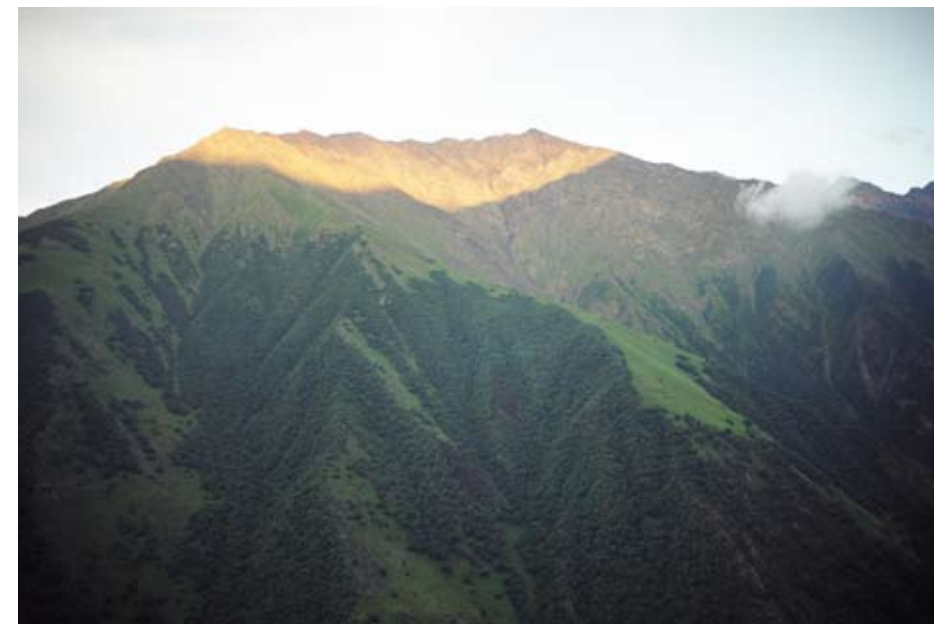
В аланскую эпоху основным религиозным культом был культ солнца, позже трансформировавшийся в идею Верховного божества. Об этом свидетельствует огромное количество амулетов в аланских погребениях, прежде всего свастик в виде птичьих голов, которые обнаруживают преемственные связи с культовыми предметами создателей кобанской культуры.

Культ Солнца был распространен среди нахов, по всей вероятности, еще с III–II тыс. до н.э. и просуществовал почти до конца I тыс. н.э. Культ Всмогущего и Великого Делы, единого Бога, властного над всем сущим на земле и небе, сохранялся у чеченцев до распространения христианства в раннем средневековье и принятия ислама. Несомненно, на него повлиял культ солнечного света, культ дневного светила.

Культ солнца, как и сопутствующий ему культ огня, были основными и главными и у древних нахов во времена бронзы и раннего железа, и у алан (равнинных нахов) в начале новой эры.

Даже военно-политический союз нахских племен во второй половине I тыс. до н.э. был известен в античных источниках и у абхазо-адыгских соседей по имени верховного божества нахов – «Малх» (солнце).

С культом огня и солнца связан и праздник зимнего солнцестояния у чеченцев. В этот день в семьях выпекался ритуальный хлеб: маленькие хлебцы по числу членов семьи, а также большой хлеб в форме солнечного диска. Первые раздавали соседям, а последний делили между домочадцами. Молодежь возводила снежную крепость, символизировавшую солнечный дом. В

Тебулосский хребет

день зимнего солнцестояния эта крепость торжественно разрушалась жителями села, которые таким образом помогали солнцу покинуть зимний дом и вернуться в мир живых. На снежных развалинах водружалась дубовая ветвь, которая украшалась фруктами, орехами, зажженными свечами. Собравшиеся вокруг люди обращались с просьбами к Гура-нана (Матери холода) и Гаьна-лада (Отцу зимы). Мать холода, которая олицетворяла злое начало, просили не насыпать сильных морозов, не губить скот. После того как дети срывали гостинцы, поджигалась прошлогодняя чурка и один из взрослых опять обращался с просьбой уже к Отцу зимы, который символизировал доброе начало. Огонь этого костра считался священным, и люди стремились перенести его в свои домашние очаги¹⁵⁸.

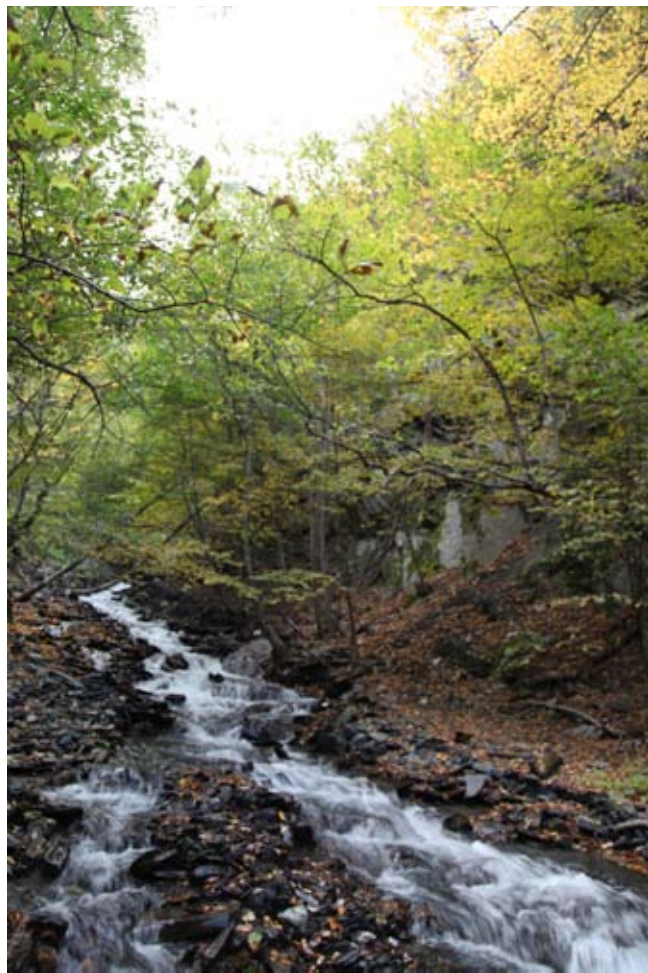
Чеченский народный танец (танец мужчины и женщины) имеет ритуальный характер и, по мнению исследователей, связан с космогоническими представлениями чеченцев, прежде всего с культом солнца. В чеченском мифе «Как возникли солнце, луна и звезды» рассказывается о том, что «один искусный кузнец послал к прекрасной девушке сватов, не зная, что она его сестра. После ее отказа он взял золотую головешку и отправился к ней. Увидев его, девушка бросилась бежать. Он бежал за ней до тех пор, пока оба они не погибли. Искры от головешки превратились в звезды, от сестры осталось сияние, от брата – головешка. Они превратились в луну и солнце. И до сегодняшнего дня солнце не может догнать луну»¹⁵⁹. И движение мужчины в танце

за женщиной по кругу – это движение солнца (мужчины) и луны (женщины).

Еще в средневековье у чеченцев был воинский танец «чагаран хелхар – танец кольца», когда воины становились в круг и, ударяя в щиты мечами, двигались по кругу, убыстряя темп и выкрикивая: «Хорс, Хорс тох! Хорс вэй!». Имя Хорса – божества солнца у многих народов Восточной Европы и Передней Азии возводят к авест. *hvar* xšaēt m, пехл. *xvaršēt*, перс. *xuršēt* «сияющее солнце». Однако было бы логичнее возвести его к хурритскому «hurri» - утро, солнце, (ср. чеченское «Гуьре – утро»). И.М. Дьяконов предположил для hurri- значение «утро, восток», объясняя из этого этноним хурриты - «восточные люди»¹⁶⁰. На наш взгляд, в древности для людей утро ассоциировалось с восходом солнца, и hurri- могло иметь значение «солнце», а хурриты – «люди солнца», ср. чеч. «маьлхи – люди солнца». Осетинское «хур – солнце» восходит к нахскому субстрату. Таким образом, культ солнца является основным культом для нахских племен в течение нескольких тысячелетий, и имя солнечного божества Хорс может восходить к названию солнца в нахских языках.

Культовое значение имел у чеченцев и мужской пояс как символ круга. Появиться мужчине без пояса среди людей считалось постыдным. В чеченском языке существует понятие «Гюдьюкх

Горный родник

йастар – снять пояс», то есть снять с себя ответственность за происходящее. Не носить пояс имели право мальчики до совершеннолетия, мужчины преклонного возраста после семидесяти лет и священнослужители. Их не призывали на войну, на них не распространялась кровная месть, они не несли личной ответственности ни за свои, ни за чужие поступки.

Название солнца в современном чеченском языке «малх» более позднего происхождения, первоначально оно могло звучать как h-ur -, откуда чеченское «Гуьре – утро», в котором пранахск. – h в начале переходит в –I, ср. чеч. «Iа – зима» из пранахск. «Iа-», ср. лат. *hiems*, где h- также является древнейшей первичной основой. А. Голан возводит его к имени семитского божества «Мелех», но диалектный вариант «матх» опровергает эту этимологию. Название солнца «Матх» состоит из двух частей – «ма - тха», вторая часть которого восходит к имени древнейшего общекавказского божества «Тха», связанного с культом солнца. В одной из вайнахских версий мифа о Прометее похититель огня Курюко вступает в борьбу с божеством Тха, которое, несомненно, было божеством солнца, так как речь идет о похищении огня. Древние всегда воспринимали солнце как источник огня, поэтому огонь всегда ассоциировался с солнцем. По всей видимости, миф о похищении огня является очень древним и связан с освоением древнейшим человеком этой неуправляемой стихии. И первоначально огонь должен был быть похищен у божества Солнца. Реликты древних культов сохранились в чеченском языке в обозначении времени: «селхана – вчера», буквально «время Сель», «тахана из тхьахан – сегодня» - «время Тха». С культом огня связаны древние названия дней недели – «цIула – пятый день», «цIумокка – шестой день».

С поклонением солнцу и огню, несомненно, был связан культ очага у чеченцев. Каменный очаг – кхерч, над которым висела надочажная цепь, в более древние времена находилась в центре помещения. Очаг имел несложное устройство и состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров. Металлический треножник, на который устанавливался котел, назывался «очахк». Дым выходил через оконные отверстия. Здесь семья обычно готовила пищу, устраивала трапезу, отдыхала. Позже очаг был заменен пристенным камином – товха. Но и место очага, и надочажная цепь оставались для чеченцев, как и для других народов Кавказа, священными. Очагом клялись, прикоснувшийся к надочажной цепи кровник должен был быть помилован. Кража, совершенная возле очага, воспринималась как смертельное оскорбление. В очаг нельзя было бросать сор. Когда хозяйка дома подметала пол, она должна была мести от очага, а не в его сторону. После окончания трапезы крошки хлеба со стола принято было бросать в горящий очаг. Это, по всей вероятности, является пережитком ритуала жертвоприношения. Ведь и древние греки приносили жертвы, сжигая на кострах кости и жир жертвенных животных, а очаг служил местом культовых обрядов еще со времен неолита. Возможно, именно культ очага послужил причиной появления древнейших алтарей и храмов. Древние люди начали возводить отдельные очаги для религиозных ритуалов внутри жилища, затем вынесли их за пределы жилища, воздвигая вокруг каменные ограждения, а со временем

Кобанская культура.
Двуликий бронзовый идол.
Из кн. «Мастера бронзового
века»

¹⁵⁸ Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990. С. 20.

¹⁵⁹ Сказки и легенды чеченцев и ингушей. М., 1983. С. 295.

¹⁶⁰ Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т.2. М., 2008. С. 695.

¹⁶¹ Ильясов Л.М. Материальная культура чеченцев.

стали строить над ними храмы¹⁶¹. Домашний очаг был священным, неприкосновенным, за любое его оскорбление или неуважение к нему должна была последовать страшная кара и в этом, и в другом мире. Огонь, цепь, котел и очаг пользовались наибольшим почетом в доме: цепь и котел уважались как символы домашнего очага, а огонь составлял неразрывную составную часть с ним. Даже зола, сажа на потолке считались священными, благодаря соотнесенности с очагом. Очаг служил центром домашнего культа, местом, которое объединяло всю семью, все ее поколения, существование и счастье всего рода и его потомства неразрывно связаны с очагом¹⁶².

Женщина, мать семейства, считалась хранительницей очага и пользовалась большим уважением со стороны других членов семьи и гостей. В ее функции входило поддержание огня в очаге, так как погасший очаг считался предзнаменованием несчастий для семьи.

Согласно полевым материалам, жительница села Ахкинчу-барз Камси Ибрагимова разожгла огонь в очаге в первую ночь своего замужества и поддерживала его в течение 60 лет. Она не давала огню погаснуть, вечером засыпая угли золой, а утром вновь раздувая их. При этом в доме было электричество и спички¹⁶³.

Самым страшным проклятием у чеченцев считалось выражение: «Да погаснет огонь твоего очага». В древности огонь ассоциировался с жизнью, и поэтому функцию поддержания и хранения огня выполняла женщина, которая и порождает эту жизнь.

В древнейшее время у чеченцев существовало табу, связанное с культом солнца: нельзя было называть его по имени, нельзя было смотреть на него. Даже жрецы могли наблюдать за движением дневного светила только по тени.

В раннем средневековье среди алан распространилось христианство, но, по свидетельству многих средневековых путешественников, они оставались язычниками и имели довольно смутное представление о христианской вере¹⁶⁴. Западноевропейский писатель Гильом де Рубрук, посетивший Северный Кавказ во второй половине XIII в. писал: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно Грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пицци и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем есть мяса, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего, имеющего отношение к христианскому

Надмогильная стела в Ошнии

обряду, за исключением только имени Христова»¹⁶⁵.

В средневековье у чеченцев был сложившийся языческий пантеон. Верховным божеством был Дела – властелин света и светлого мира, в прошлом божество солнца и дневного света, ср. «Дела из Де –эла – князь, властелин дня». Но диалектное «Дали» дает возможность предположить «Да – эла» в значении «Верховный бог, отец». По этому же принципу появилось и имя верховного божества римского пантеона Юпитера, ср. «Iuppiter из Dieu –pater», то есть отец богов.

Возможно, чеченское «да, дада – отец» первоначально обозначало «мужское божество», как и «нана» – женское. Тогда становится этимологически прозрачным название аланского города в Крыму, которое упоминается в античном источнике V в. – Ardabda, (возможно, искаженное из Wardada). Автор переводит это название как «eptatheos – семибожный», где «wat» означает «семь» и подчеркивает, что это слово принадлежит «аланскому, т.е. таврскому языку»¹⁶⁶. У чеченцев существовал термин «вар» – род, группа людей, связанных кровным родством в семи поколениях. Чеченское числительное «вор-х» восходит к более древней форме «вар», ср. «вар – род», «вари да – прародитель». В таком случае «Ardada» можно действительно перевести как «семь богов». В связи с этим можно вспомнить старинный чеченский припев в народных песнях – «ва дад-ай», который, по всей видимости, первоначально был обращением к божеству.

Эштр был хозяином тьмы и подземного мира. Села управлял громом и молнией, Хиннана была богиней воды, Лабтнана – земли, Уннана – божеством болезней, Мехнана – матерью ветров, Дарцнана – матерью вьюги, Цу – божеством огня, Елта – покровителем земледелия, Туполи – богиней плодородия.

В мифах и легендах чеченцев сохранились имена многих языческих божеств. Села или Стела, по всей видимости, первоначально был божеством неба, грома и молнии. Этимология имени этого божества достаточно прозрачна, если учесть древнейшее название неба в кавказских языках – se¹⁶⁷, отсюда Se - ela – властелин неба. В чеченском языке сохранился ряд слов, связанных с его культом: стеллад – радуга (буквально, лук Селы), стелхъаштиг – молния (огненная стрела Селы). Села воспринимался средневековыми чеченцами как грозное, жестокое божество, противостоящее людям. Поэтому ему приносили жертвы в виде скота, оленьих рогов, стрел, монет, украшений. Божеству грома и молнии Селе посвящались столпообразные святилища – сиелинги, в названии которых отражен его культ.

Столпообразные святилища представляют собой, вертикально вытянутые прямоугольные сооружения в виде столбов с квадратным основанием, выложенные из камня на известковом растворе. Квадратные сооружения обычно не имеют наверху. Святилища с прямоугольным основанием имеют двускатную или пирамидально-ступенчатую кровлю. В горах Чечни сохранилось несколько столпообразных святилищ, два из них в Мелхисте у некрополя Цой-Педе. Они представляют собой невысокие каменные столбики с квадратными нишами.

Существует сиелинг и в Майсте, в селении Ца-Кале. Это довольно высокое (до двух метров) столпообразное сооружение, выложенное из хорошо обработанного камня на известковом растворе. На южной стороне имеются две глубокие квадратные ниши. Верхняя часть святилища разрушена, поэтому невозможно судить о характере кровли.

¹⁶² Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. // Терский сборник. Владикавказ, 1893.

¹⁶³ Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. С.43.

¹⁶⁴ Карпини П.Лано. История монголов. М., 1957.

¹⁶⁵ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодсти 1253 // Путешествие в восточные страны. С. 165.

¹⁶⁶ Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С.17.

¹⁶⁷ Марр Н.Я. Термин «скиф» // Марр Н.Я. Избранные сочинения в 5-ти томах. С. 16.

Никарой. Мечеть

Столпообразное святилище с прямоугольным основанием сохранилось в обществе Терлой, на окраине селения Моцарой. Оно находится рядом с кладбищем, состоящим из наземных склеповых могильников и поздних мусульманских захоронений. Стены святилища сложены из серого плитняка на известковом растворе, општукатурены и побелены желтоватой известью. Кровля у него пирамидально-ступенчатая. Высота святилища – более двух метров. Со стороны фасада имеется стрельчатая ниша. Согласно полевым материалам, возле него совершались различные языческие обряды, приносили в жертву животных, путники, собираясь в дорогу, просили себе доброго пути.

С культом Селы связывает чеченская мифология и появление склеповых захоронений в горах. По поверью, когда Селе нравился какой-нибудь человек, он поражал его молнией. Умерших таким образом людей стали класть в склепы. Когда долго не бывало дождей, их тела выносили из могильника. Считалось, что Села пошлет дождь, чтобы омыть тело покойников¹⁶⁸.

В более поздние времена существовал обряд вызывания дождя, который был связан с какими-то растительными культурами. Юношу окутывали ветвями, на голову надевали сноп из конопли или другого растения или мешок с отверстиями для глаз, обвитый зелеными ветками, и опоясывали веревкой. Его сопровождала группа подростков в вывернутых наизнанку тулупах, один из которых держал в руках конец веревки. Процессия ходила по дворам, хозяева обливали водой из кувшина ряженого, приговаривая: «Будь дождливым», – и давали участникам обряда подарки. Ряженный, которого называли «къроршкъл», прыгал, кружился, танцевал, обрызгивая всех вокруг, а остальные пели обрядовую песню.

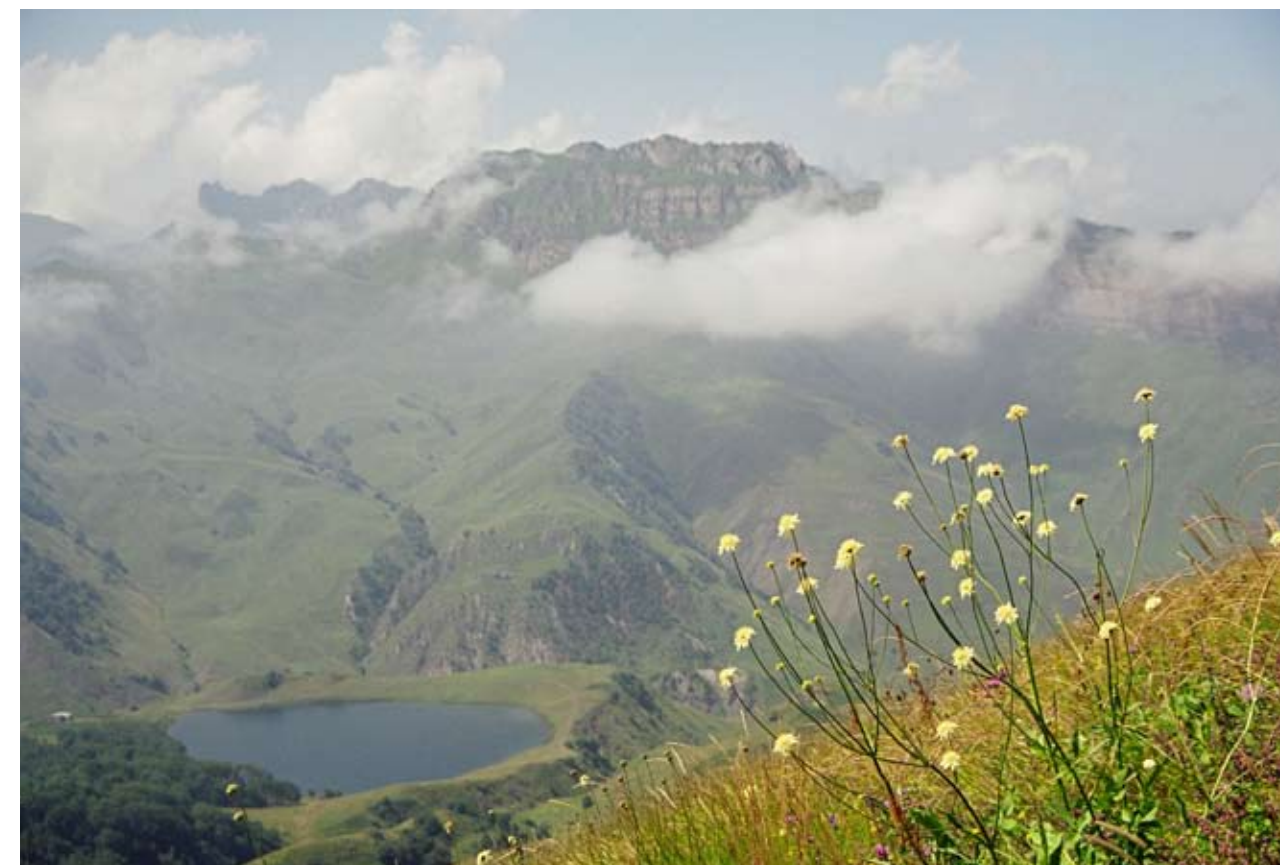
Божество болезней Ун-нана чеченцы представляли как высокую женщину с переметными сумами, полными болезней. Ун-нана приходила в селение обычно во время праздника и, если ее не принимали достойно, разбрасывала среди гостей болезни, вызывая мор и эпидемии. Согласно легенде, в давние времена, когда жители Мелхисты еще не приняли ислам, они собрались в местечке Доге для молитвы о дожде. Когда они сидели за трапезой, к ним подошла одна высокая женщина с сумкой, перекинутой через плечо. Люди

¹⁶⁸ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С.184-270.

не знали, кто она такая, и поставили перед ней жирной мясо. Она отказалась его есть, так же как и тощее. Она принялась за пищу только после того, как ей подали, смешав, и то, и другое. После еды она произнесла три заклинания, и трижды пошел дождь. Затем она стала посреди селения, и люди узнали Ун-нана. Она опустила руку в сумку, взяла пригоршни болезней и бросила. Все люди в Доге, там, куда упали болезни, умерли¹⁶⁹.

Богиня воды Хин-нана, по представлениям средневековых чеченцев, была молодой печальной женщиной с длинными распущенными волосами. Она всегда предупреждала людей о грозящей им опасности, тихо плача и расчесывая свои волосы над текущей водой. В образе Хин-наны пересекается сразу несколько мифов, существовавших в различных регионах мира. У многих народов издревле замужняя женщина не имела права обнажать голову публично. Это запрет существовал у народов Кавказа задолго до принятия ислама, у русских вплоть до середины XX в., в Европе почти до конца XIX в. А в средние века европейская женщина не снимала головной убор даже дома. Такая же традиция существует у иудеев и мусульман до сих пор. Появление замужней женщины без головного убора воспринималось как признак опасности многими народами Кавказа, России, Европы. Женщины распускали волосы во время ритуального плача на похоронах. Если чеченская женщина снимала с головы платок и бросала его на землю в круг сражающихся мужчин, последние должны были остановить бой. Чеченские девушки имели право не носить платок до совершеннолетия. Если чеченская девушка надевала платок, то это свидетельствовало о том, что она достигла возраста, позволяющего выйти замуж.

Озеро Галанчок

¹⁶⁹ Сказки и легенды чеченцев и ингушей. С. 301.

Окраина Ца-Кале

Сохранилось предание о том, как, преследуемый своими кровниками мужчина, был достигнут ими на дороге из Ведено в Сержень-Юрт. Он был обречен, но, случайно увидев на своем пути незнакомую женщину, обратился к ней со словами: «Я отдаюсь в твои руки, женщина, спаси меня!» Женщина закрыла преследуемого своей спиной и, сняв с головы платок, обратилась к его кровникам с мольбой пощадить его на этот раз ради нее. И им ничего не оставалось, как уступить ее просьбе¹⁷⁰.

Эта традиция восходит к древнейшей эпохе, когда земледельцам неолита дождь представлялся волосами Великой богини-матери. А замужняя женщина, мать, считалась ее земным воплощением, и увидеть ее волосы даже для мужа было святотатством. Гребень также имел культовое значение и считался символом дождя. При этом его горизонтальная планка олицетворяет небо, а вертикальные зубья – дождь¹⁷¹. В более поздних вайнахских мифах Хин-нана предстает перед нами как женщина-рыба, русалка, которая днем и ночью приводит в движение воды. Она засыпает только на мгновение за полчаса перед рассветом, и вода в это время перестает течь. И человеку, который вздумает купаться в это время, грозит большая опасность¹⁷².

В чеченском языке сохранилось идиоматическое выражение: «Лабтнана с ваа хьо – Пусть тебя съест Латтнана (Мать Земли)». Это может означать только то, что предки чеченцев считали, что когда человек умирает, его съедает

¹⁷⁰ Исламов А.А. Некоторые пережитки материнско-родового строя у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Том. IV, 1976. С. 258.

Латтнана, то есть человек возвращается в лоно земли, которая породила его. В связи с этим можно вспомнить погребальный обряд со скорченным костяком, когда погребенного укладывают в позу эмбриона, как бы возвращая его матери-земле. Этот обряд просуществовал на Северном Кавказе в течение нескольких тысячелетий. Отголоски древних языческих культов сохранились и в нартском эпосе чеченцев.

Архаические мотивы, сохранившиеся в чеченских сказаниях о нартах, являются подтверждением того, что нартский эпос первоначально зародился именно у нахов и получил широкое распространение на территории их расселения. Основанием для этого могут также служить древнейшие пласты, зафиксированные в нартских сказаниях чеченцев, имеющих близкие параллели в древнегреческих мифах I тыс. до н.э. В третьей песне «Илиады» Гомер сравнивает сражение греков и троянцев с битвой журавлей и карликов:

Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздастся под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на конх с воздушных высот нападают.

В основе этого сравнения лежит античный сюжет о карликах, живущих на самом юге Океана, которые ведут войну с журавлями, ежегодно перелетающими в теплые края. В чеченской версии мифа, записанной С.-М. Хасиевым, объясняется причина этой вражды: «Своими неблагоприятными делами и гордыней нарты прогневили Бога. Чтобы наказать их и унижить, Бог решил создать карликов - «пхагалбери» (в переводе с чеченского

– заячьих всадников – Л.Ильясов), которые превосходили всех на свете физической силой, были неуязвимы для любого вида оружия и могли жить в разных измерениях. Карлики побеждали нартов, но оказались настолько коварными и жестокими существами, что со временем не только нарты, но и все живое на Земле обратилось к Богу с просьбой об избавлении от них. Вначале нарты решили, что карлики неуязвимы лишь для мужчин, и в бой с ними вступили амазонки, но и они не смогли одержать победы. Вот тогда Создатель вспомнил о данном Им слове и решил выволочь из-под корней самых высоких гор души проклятых воинов, проявивших жестокость по отношению к врагу. Бог превратил их в журавлей, чтобы они низвергли карликов. С тех пор и существует вражда журавлей и пигмеев». Название журавля в чеченском языке непосредственно связано с этим мифом. Отголоски этого мифа остались в суеверьях чеченцев, когда младенца до определенного возраста нельзя было выносить на улицу, когда в небе пролетал журавлиный клин.

Древнегреческий миф о золотом руне является отголоском древнего кавказского (прежде всего, нахского) культового праздника, который, вероятно, был связан с какими-то календарными

Ущелье Терлой.
Столообразное святилище

¹⁷¹ Голан А. Миф и символ. СПб, 1993. С. 14.

¹⁷² Сказки и легенды чеченцев и ингушей. С. 302.

Позднесредневековая
вайнахская культура.
Железный крест.
Из собрания Национального
музея Чеченской Республики

циклами, а не только с распространенным на Кавказе способом добычи золота, как считали до сих пор многие исследователи.

По информации С.-М. Хасиева, еще в средние века в Чечне отмечали праздник, связанный с 11-летним календарным циклом. Во время праздника шкуру барана, обязательно белого и обладающего девятью необходимыми признаками, после специальной обработки растягивали на дубовой раме «джаар» (крест). Это культовое сооружение, называвшееся «дапо эртал» – золотое руно, сохраняло магическую силу, по поверьям чеченцев, в течение одиннадцати лет и тщательно охранялось. Стилизованное изображение барана очень часто встречается на средневековых постройках в Чечне, а также в виде булавок в кобанских и аланских захоронениях.

Имена практически всех вайнахских языческих божеств и демонов имеют свои параллели в древних переднеазиатских и средиземноморских культах, а мифология перекликается с мифами, в том числе и древнегреческими.

Например, знаменитый античный миф о титане Прометее перекликается с чеченским мифом о нарте Пхармате, который похитил огонь у божества огня и грома Сель и отдал его людям, за что был прикован к вершине Казбека и осужден на вечные муки. В чеченской версии Пхармат был кузнецом и ковал оружие из бронзы, что дает возможность отнести время появления этого мифа к концу III – началу II тыс. до н.э. Имя хурритского божества неба Ану (шумерское Ан) имеет соответствие в нахском Ана. Подтверждением этому является название горизонта в чеченском языке – анайист, буквально, – «край, конец неба» или Аны.

Перекликаются с переднеазиатскими культовыми именами и названия таких нахских языческих божеств, как Эптр – Иштар, богиня любви у ассирийцев, Ма – Ма – Матерь богов, Дика – Дикэ, древнегреческая богиня справедливости.

Великая Ма, мать всего сущего, которая является воплощением жизнетворного женского начала, в древнейшее время олицетворяла землю. В более поздних мифологиях она ассоциируется и с водной стихией, и растительностью, и с небесными телами, прежде всего с Луной и звездами.

В древности культ Матери носил универсальный характер, что подтверждается археологическими материалами. На всей территории Евразии находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости, относящиеся к древней-

шей эпохе, и бронзовые – к эпохе ранней бронзы. Каменные фигурки палеолитической эпохи находят в Индии, в Передней и Малой Азии и Средиземноморье.

Подтверждается это и археологическим материалом на территории проживания чеченцев, на которой было найдено множество бронзовых женских фигур культового характера, относящихся к эпохе ранней бронзы.

Благодаря тому, что именно между Каспийским и Черным морями проходили кратчайшие пути сообщения между земледельческими цивилизациями древности и кочевым миром Восточной Европы, Кавказ стал местом пересечения различных культурных влияний.

В материальной культуре, мифологии, языческих культах чеченцев сохранились черты, указывающие на их связи с древнейшими цивилизациями Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Культурные и генетические связи с цивилизациями Передней Азии и Средиземноморья прослеживаются при углубленном исследовании средневековых чеченских языческих культов и мифологии, в которых обнаруживаются параллели с языческими богами и мифологическими героями древности.

Интересные параллели чеченской мифологии можно найти и в шумерской религии. Инанна (Иштар), которая была в древнем Шумере божеством плодородия, а позднее владычицей подземного мира, может быть соотнесена с Эптр нахского языческого пантеона, божеством подземного мира, тем более что во II тыс. до н.э. культ Иштар распространился среди хурритов и митанийцев, этногенетические связи которых с чеченцами являются уже признанным научным фактом.

К культу Ма восходит и культ египетской Маат (Аммаат), персонифицирующей истину, справедливость, вселенскую гармонию, божественное уста-

Рассвет в Майстинском
ущелье

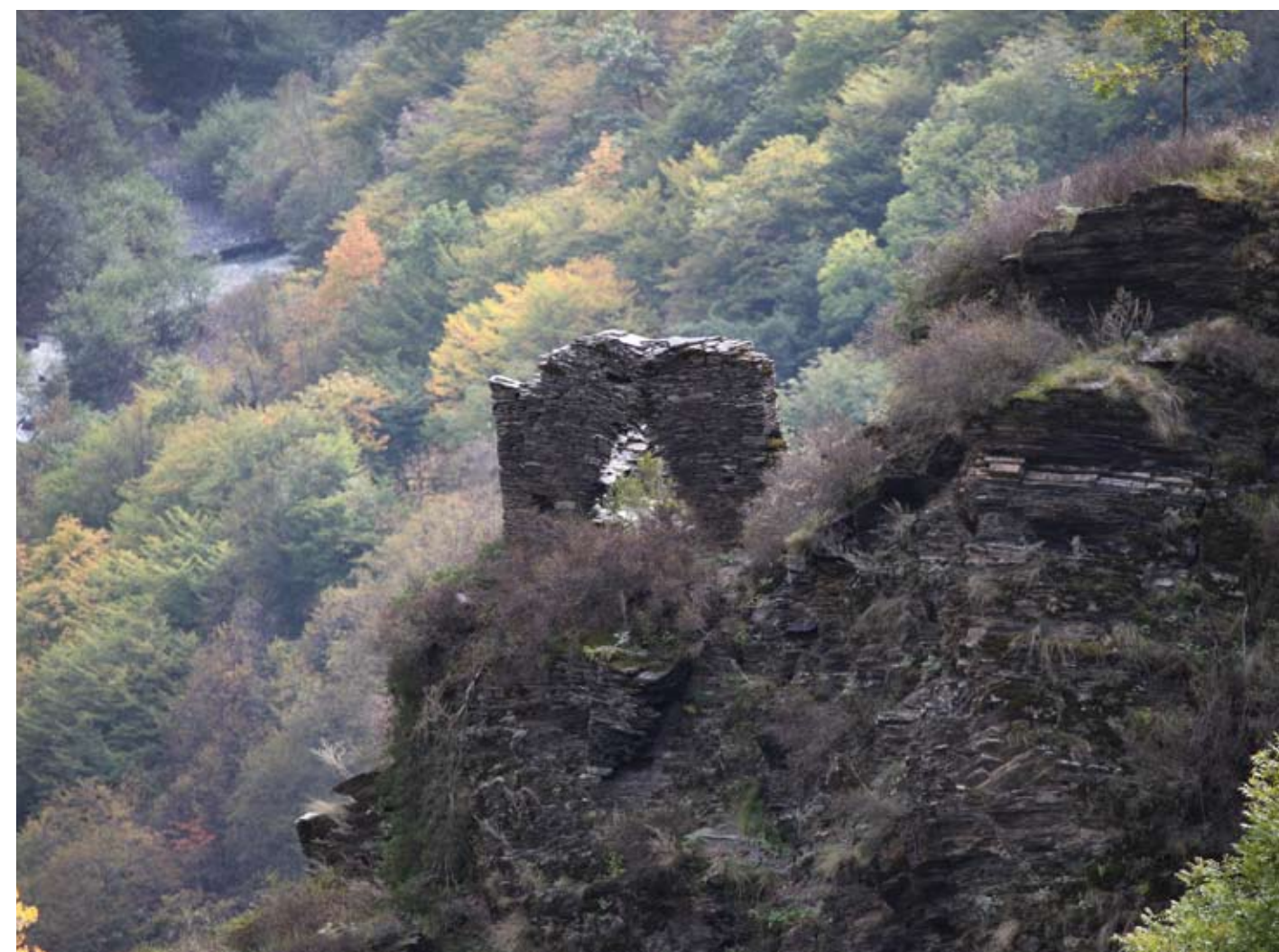
новление и этическую норму. Маат изображалась в виде сидящей женщины со страусиным пером на голове. Она на космическом уровне символизировала собой великий божественный порядок и закон, дарованный Вселенной Богом-творцом во время сотворения мира, согласно которому существует и взаимодействует все сущее.

Параллели египетской Маат мы находим в Майсте, в горной области Чечни. По поверьям майстинцев, на вершине горы Дакох-корт жила богиня справедливости Дика, которая научила людей различать добро и зло. Не исключена и взаимосвязь чеченского культа Дики с именем древнегреческой богини справедливости Дикэ.

В древнегреческой мифологии культу Великой матери соответствовала Ге́я (др.-греч. Γαῖα «земля», диалектные формы Ге, Га) — древнегреческая богиня земли. Гея — мать всего живого, а также неба и океана. По всей возможности, диалектные формы этого теонима можно соотнести с чеченскими словами «ге, га, гар», связанными с древним «ге» — жизнь, ср. Гехи — река жизни, в противоположность Валарг-хи — река смерти.

О высоком социальном статусе женщины в древности говорят имена чеченского языческого пантеона: Латгнана — Мать земли, Хиннана — Мать воды, Уннана — Мать болезней. С женским началом связываются также и не-

Хой. Языческое святилище

бесные звезды.

Вплоть до позднего средневековья в горной Чечне существовал культ «Мехк-наны — Матери земли», связанный с сельскохозяйственным циклом.

На окраине древнего аула Никарой находилось культовое место «Мерк-нание» — Матери страны, где в более древние времена стоял храм, посвященный Матери страны. Праздник «Мерк Нана — лит. Мехк Нана» отмечался ранней весной, перед началом весенних полевых работ. Сначала выбирали самую красивую девушку, наряжали ее, надевали на голову венок из цветов, которые девушки плели при лунном свете. Девушка — «Мерк Нана» вела за веревку первотелку красной масти с надочажной цепью на шее. К рогам первотелки привязывали красные ленты. Ее сопровождали жители Никароя с пением гимнов, неся напитки, хлеб и сыр. Процессия обходила аул и проходила к храму. Старейшина трижды обходил вокруг храма, исполняя магические обряды, а затем приносил в жертву пробуждающейся природе корову. Обряд поклонения «Мерк Нане» существовал в других районах горной Чечни, в Ингушетии и Грузии¹⁷³.

Языческие культы, так же как и мифология нахов, практически не изучены, особенно в сравнении с другими, переднеазиатскими, средиземноморскими, кельтскими, германскими, славянскими мифами, с которыми первые

Руины храма в Майсте

¹⁷³ Сулейманов С. Топонимика Чечни. Нальчик, 1997. С.107.

имеют много параллелей. Единственной обобщающей работой по этой теме остается труд Б.Далгата, который носит в основном информативный характер¹⁷⁴.

В средневековье у нахов помимо основных существовали и другие, второстепенные культы, которые имели прикладное значение, а сами языческие божества были антропоморфны, могли принимать облик обычных людей или животных и в таком виде непосредственно вмешиваться в человеческую жизнь.

Например, в Майсте существовал культ Лам-Тишуол, горного духа, который обитал на вершине горы Дакох-корт (Майстойн-лам) и покровительствовал воинам и охотникам. Тишуол, по поверьям майстинцев, мог наслать

Цой-Педе. Сиелинги

на человека снежную бурю, если тот вызывал его недовольство. Имя этого духа и его функции созвучны имени урартского бога бури и войны Тейшебы, связанного с малоазийским Тейшебом¹⁷⁵.

Дарцнана – «Мать вьюги» обитала по поверьям чеченцев на вершине Казбека, и на любого, кто пытался подняться на вершину, насылала снежную вьюгу, обрекая его на гибель.

Мехнана – «Мать ветров» также живет в горах, где в глубоких пещерах держит своих буйных сыновей. Но стоит кому-нибудь из них вырваться из заточения, как он начинает разгуливать по земле, сметая все на своем пути.

Одним из древнейших и основных религиозных культов нахов был культ Солнца, дневного светила, который позже трансформировался в культ Единого и Всемогущего Бога, творца и создателя, несущего свет мирам. Его имя, несомненно, связано с названием индоевропейского верховного божества неба *deiuo (ср.: древнегреч. Zeus, Dios, лат. Deus).

Идея высшего божественного начала в средневековых языческих культах чеченцев была абсолютно абстрактной. В этом отношении она была гораздо ближе к раннему христианству и исламу, чем к другим монотеистическим ре-

лигиям. Она не могла быть воплощена в какие-либо конкретные формы и образы, как в позднем христианстве, и не требовала создания идолов. Функции второстепенных языческих божеств были низведены к функциям обычных христианских или мусульманских святых. В архитектуре до полной абстракции эта идея была доведена в столпообразных святилищах – небольших каменных столбиках, которые явились конечной ступенью развития языческих храмов и святилищ.

Об этом, кстати, писал И.А.Гильденштедт в начале XIX в.: «Они (чеченцы – Л.Ильясов) имеют, однако ж, некоторые следы христианства, даже явственнее, нежели у других кавказцев. Они веруют токмо в единого Бога, именуемого ими Декла (Дела – Л.Ильясов), и не знают никаких других богов или кумиров, ниже святых».

Древние предания сохранили память о существовании в горах Чечни христианских храмов и монастырей и о деятельности миссионеров, которые, вероятнее всего, были византийскими, а позже гегуэскими монахами.

Христианские храмы, по крайней мере сохранившиеся до нашего времени в различных районах Кавказа, не отличаются большим разнообразием архитектурных форм. Независимо от того, представляют ли они собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей (центральный район) или многокупольные сооружения (западный район), все они типичные образцы византийской культовой архитектуры, получившей распространение почти во всех районах Кавказа, в том числе в Грузии и Абхазии.

Храмы в период существования аланского государства строились на Северном Кавказе в большом количестве, так как Византия пыталась расширить здесь свое влияние именно через христианство. Эти же цели преследовала и Грузия, сооружая христианские храмы в горных районах. К нашему времени большинство их разрушено людьми и временем.

О существовании в горной Чечне христианских храмов писали исследователи, посещавшие ее в XVIII в., но до нашего времени ни одно из этих сооружений не сохранилось.

К северо-востоку от селения Джелашки в горной Чечне находятся развалины средневекового святилища Терлой Дели, которое представляло собой сооружение прямоугольной формы, сложенное из камней, с широким дверным проемом в виде арки. Постройка была, по всей видимости, довольно высокой, если высота сохранившейся стены составляет почти три метра. Со стороны фасада небольшая каменная ограда образует дворик. Согласно полевым материалам, два раза в году, весной и осенью, к нему собирались на молитву жители (только мужчины) Терлоевского и Бавлоевского ущелий. Кроме того, в дождливые годы к святилищу приходили молиться о прекращении ненастья, а в засушливое время просили дождя. Терлой Дели почитали охотники, которые оставляли в дар святилищу наконечники стрел, а также рога и шкуры убитых животных. Многие исследователи приводят святилище Терлой Дели как пример тейпового культа. На самом деле это святилище первоначально было христианской церковью, местом поклонения не только терлойцев и других жителей горной Чечни, но и хевсур, тушин и ингушей. Так как эта церковь была построена на земле терлойцев, она и была названа Терлой Дели. Позднее в связи с упадком христианства в горной Чечне, церковь стала языческим святилищем, но ее старое название сохранилось. После принятия терлойцами ислама она была заброшена и превратилась в руины.

Языческие святилища с полным внутренним пространством представля-

¹⁷⁴ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893.

¹⁷⁵ Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. СПб, 2011. С. 150.

ют собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей, сложенной из шиферных плиток. В этом они напоминают уменьшенные копии христианских храмов типа однефной базилики с двускатной кровлей. И, несомненно, именно архитектура храмов определила внешний облик языческих святилищ. Из-за внешнего сходства с погребальными наземными постройками эти святилища также называют склепообразными¹⁷⁶.

Святилища в большом количестве сохранились на территории Ингушетии, ввиду того что там языческие культы просуществовали буквально до начала XX в.

Немало языческих святилищ с полным внутренним пространством в Средневековье сооружалось в горах Чечни, особенно в Майсте, своеобразном культовом центре нахов. Это был единственный район, где существовал особый жреческий клан, члены которого обладали тайными знаниями.

Святилищем считается также прямоугольная постройка типа жилой башни в селении Итум-Кале. Внутри нее сохранились остатки каменных колонн и тайник, наличие которого позволяет отнести это сооружение к культовым постройкам.

Языческими святилищами являются и сиелинги - вертикально вытянутые прямоугольные сооружения в виде столбов с квадратным или прямоугольным основанием.

К культовым постройкам относятся, вероятно, и «кулли», или «хаша бен», так называемые «дорожные гостиницы», представлявшие собой небольшие каменные домики с двускатной кровлей. Их строили обычно у родников для запоздавших в дороге путников. Первоначально строительство «кулли» было связано с культом дороги, сохранившимся в различных реликтовых традициях у горцев Кавказа.

Кроме того, в качестве культовых построек использовали и наземные склепы с открытой поминальной камерой, которые также могли иметь двор, огороженный каменной оградой. Они назывались «кашков». Подобный склеп сохранился в селении Тертие в Мелхисте. Он крупнее обычных склепов. Фасад его украшен ромбовидными и квадратными узорами в виде углублений, спиралью, а по краям и над входом – каменными бараньими головами. Здесь, согласно полевым материалам, совершались языческие обряды, а также ритуал поминовения, который назывался «кашмарт», то есть «могильная трапеза». Кроме того, «кашковы» использовались и в общественной жизни села. Здесь заседал совет старейшин, а рядом – сельский сход.

Анализ архитектуры культовых сооружений на территории древнего расселения нахов приводит к мысли о том, что от эпохи раннего средневековья к его позднему периоду идет упрощение и, по сути дела, деградация архитектурных форм. Постройки византийской архитектуры, обладающие завершенными формами, вырождаются сначала в склепообразные святилища, а затем в столпообразные сиелинги. В духовном плане этот процесс сопровождается возвратом горцев от христианства к языческим верованиям, но уже имеющим сильные христианские наслоения.

Следы христианства остались и в топонимике многих мест, в том числе и культовых, в горах Чечни, в календарных воззрениях и языке чеченцев. Новый год у чеченцев был связан с христианским Рождеством и начинался 25 декабря. В начале этого праздника очаг топили не хворостом и дровами, как обычно, а целым стволом дерева (чаще всего дуба). Это дерево называлось гула. Его нужно было срубить через два дня после того, как зажигали риту-

альный общественный костер в связи с наступлением Нового года. В дом дерево вносили и укладывали основанием вперед, а его крона оставалась на улице. Время, когда ствол дерева сторал настолько, что можно было закрыть дверь, считалось священным. В этот дом собирались все соседи и праздновали Новый год – пели, танцевали, поздравляли друг друга. Собравшиеся также прыгали через бревно, очищаясь от старых грехов и защищая себя от различных бед в грядущем году.

Чеченцы вплоть до укрепления ислама соблюдали христианский пост, а также отмечали различные христианские праздники.

Но в чистом виде христианство на Северном Кавказе, за исключением отдельных районов, не привилось. Христианские идеи в большинстве своем чеченцы восприняли через призму языческих верований. В конце концов язычество победило, но это было уже не идолопоклонничество, а синкретический культ, в котором смешались христианские, мусульманские, языческие черты.

Согласно преданию, в XVII в. чеченский Мехк-кхел объявил о принятии ислама всеми чеченскими обществами, входящими в Конфедерацию тейповых общин. Если до этого времени в Чечне мирно уживались христианство, язычество и ислам, что подтверждается и археологическими материалами, то после этого ислам стал активно укрепляться на всей чеченской территории.

Первоначально ислам распространялся в Чечне постепенно, впитывая в себя древние традиции. С конца XVII – начала XVIII вв. исламизация чеченского населения обретает более активные и даже агрессивные формы. Это приводит к массовой миграции христиан-чеченцев за Терек, в районы проживания казаков, где они со временем полностью растворились в русской среде.

Но принятие ислама не изменило отношения чеченцев к древней символике. Она сохранилась на мусульманских надмогильных стелах, в деревянной росписи, в декоре оружия и керамики, ковровом орнаменте.

¹⁷⁶ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. С.184-270.

ГЛАВА IV.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ЧЕЧЕНСКАЯ
АРХИТЕКТУРА И АРЕАЛ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПЕТРОГЛИФОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Архитектура – это один из видов материальной культуры, в котором практически не бывает революционных взрывов в движении к прогрессу. Она развивается поступательно и сравнительно медленно, определенный архитектурный стиль, строительные приемы формируются иногда столетиями и даже тысячелетиями. Человечество не придумало почти ничего нового со времен дворцов, выстроенных из обожженного кирпича и камня тысячи лет тому назад.

Все фортификационные и культовые сооружения, так же как и погребальные, восходят к древнему жилищу. Но на определенном этапе они начинают развиваться самостоятельно, почти независимо друг от друга. Фортификационные и особенно культовые постройки более подвержены внешним влияниям, чем жилища, которые всегда имеют национальную специфику и обычно более консервативны. Характер жилища определяется ландшафтом, образом жизни, способом хозяйствования и даже менталитетом народа.

Почти все архитектурные формы, применяющиеся современным человеком, имеют свои истоки в жилищах людей, живших десятки тысяч лет назад. К примеру, двускатные крыши повторяют формы древнейших палаток, а техника турлучного строительства, то есть стены, сплетенные из ветвей и обмазанные глиной, использовалась еще во времена неолита.

К строительству постоянного жилища древнего человека побудило резкое изменение климата, связанное с великим оледенением, а также переход от собирательства к производящему хозяйству. И оно впервые стало появляться там, где не было пещер. Там же, где были пещеры, пригодные для обустройства под жилище, ими пользовались вплоть до последнего времени. Но при этом люди еще со времен палеолита не просто сидели в пещерах, гротах, под навесами скал, а приспособливали их для жилья, выкладывая пол камнями, расширяя и сужая вход, выстраивая каменные ограды. И позже, десятки тысяч лет, люди практически не меняли технику застройки пещер. На Кавказе и в Крыму эта техника достигла наивысшего расцвета благодаря ландшафту и климатическим условиям.

С незапамятных времен люди использовали пещеры как культовые помещения и святилища, особенно в связи с поклонением богам и духам подземного мира. Древний колдун или жрец, совершая ритуальные действия в пещере, как бы впитывал в себя глубинную силу земли, вслушивался в ее голоса. Недаром оракул размещали в пещерах и гротах. Проникая в недра земли, человек испытывал и благоговение, и страх, что порождало культ пещер и их демонов. Например, в Урарту скальные и пещерные сооружения

имели даже свое божество Аириани¹⁷⁷.

Кроме того, пещеры служили местами коллективных захоронений. По сути дела, они предвосхищают появление позднейших катакомб, подземных и полуподземных склепов. В Чечне и вообще на Кавказе, в местах древнейшего расселения нахских племен эта погребальная культура развивалась в течение многих тысячелетий. К примеру, пещерные захоронения обнаружены в различных районах горной Чечни, у селений Гучан-Кале, Тусхарой, Бамут, а в крупнейших чеченских некрополях нередко встречаются склепы, встроенные в скальные ниши.

В равнинных местах люди были вынуждены сооружать жилища, и наиболее древними из них были палатки и землянки. Сегодня можно спорить о том, что первично: захоронения мертвых в земле или рытье землянок в качестве более теплого и постоянного жилья. Но если учесть, что древнейшие люди оставляли своих умерших соплеменников на съедение хищным животным, вероятнее предположить последнее. У нахов мужчин в языческие времена в отличие от женщин предавали земле не сразу после смерти, а только через определенное время. Это было связано с тем, что мужское начало ассоциировалось с небом, а женское с землей. И земля считалась враждебной, опасной для мужчины, забирающей у него силы. Возможно, с этим культом связана и архитектура нахских боевых башен, их устремленность в небо.

Каменные склепы являются уменьшенными копиями жилищ. На Кавказе склепам предшествовали дольмены, которые почти не отличались от них по форме. Они строились из гигантских каменных плит в те времена, когда люди начали возводить жилища из огромных камней.

Эти параллели между жилищами живых и мертвых наблюдаются у многих народов в течение тысячелетий. Некоторые народы, например египтяне и этруски, гораздо серьезнее относились к строительству дома для вечной жизни, чем для земной, так как считали земное существование только короткой прелюдией к вечности. Именно поэтому могилы и гробницы их дожили до нашего времени, а об их земных жилищах мы можем судить только по рисункам и макетам, найденным в тех же гробницах. Параллели между погребальными сооружениями и жилищами наблюдаются и у нахов. И они часто не только не открывают завесы над тайнами времени их постройки, но, наоборот, приводят ученых в тупик.

Например, существует определенная взаимосвязь между боевыми башнями и склепами с пирамидально-ступенчатой кровлей, но до сих пор неясно, что появилось сначала. Конечно же, можно с большой долей уверенности утверждать, что раньше начали строить башни. Но в Северной Осетии, где

Башня, встроенная в скалу у селения Ушкалой

¹⁷⁷ Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 228.

Боевая башня в селении
Икалчу

есть множество склепов с пирамидальной кровлей, практически не сохранилось ни одной подобной боевой башни.

В тех районах земли, где никогда не было сильного похолодания, некоторые племена, в силу многих причин оставшиеся на очень низкой стадии развития и добывающие себе пропитание в основном собирательством, до сих пор не научились строить постоянное жилище. Они используют в качестве жилья навесы для защиты от ветра, которыми пользовались древние люди 40–50 тысяч лет назад.

Развитие строительного искусства в древнейшее время было непосредственно связано с усовершенствованием орудий труда, вначале из камня, затем из кремня. С другой стороны, необходимость строить жилища порождала потребность в орудиях обработки строительных материалов, прежде всего дерева. До тех пор пока не был изобретен топор, люди не могли использовать в качестве элементов жилища стволы деревьев и крупные обработанные камни, и, соответственно, жилища древних людей были непрочными и недолговечными.

Кроме того, сравнительно невысокая плотность населения в те времена, когда на сотни квадратных километров приходилось всего несколько сот человек, практически исключала возможность военных столкновений отдельных родовых общин. Поэтому долгое время у древних людей не

было необходимости в строительстве укрепленных жилищ из камня.

Эта необходимость появляется позднее – в эпоху неолита и бронзы и особенно в начале железного века. Человек, не обладая сложным искусством фортификационного строительства, восполняет это размерами сооружений и конструктивных элементов. Уже с эпохи бронзы, а возможно, и раньше появляются циклопические строения, по сути дела первые дома-крепости, основной фортификационной особенностью которых являлись их размеры, а также величина камней, использованных для их строительства. Циклопические строения были довольно широко распространены на Кавказе, в том числе и в Чечне, но многие из них были разобраны в начале нашей эры и позже, в средние века, при строительстве боевых и жилых башен. Например, в основания многих жилых и боевых башен в горной Чечне были уложены огромные камни, каждый из которых весит несколько тонн¹⁷⁸.

Так как техника строительства и выбор материала для жилища во многом зависели от орудий труда, долгое время люди строили свои дома из подручного материала, который можно было обработать грубым каменным топором: из тонких стволов и ветвей деревьев, из костей крупных животных. Уже

в те времена они научились обмазывать их глиной. Эту технику некоторые племена Северной Америки применяли еще в XIX в.

Кроме того, с древнейших времен люди использовали в качестве центрального опорного столба ствол дерева, вокруг которого строился круглой формы шатер. Подобного рода жилища существовали почти у всех народов Кавказа. Свидетельством тому являются различные реликтовые архитектурные формы, а также понятия, которые сохранились в языках некоторых кавказских народов, в частности дагестанских, в которых опорный столб называется «столбом корня». Опорный столб в жилых башнях нахсов появляется в результате трансформации жилища горизонтальной планировки в вертикальное, то есть является вторичным.

Древнейшие жилища, сооруженные из камня или глины, были овальными или круглыми, так как люди в те времена не знали прямого угла. И традиция круглого жилища в течение тысячелетий сохранялась в различных районах земли.

На территории обитания нахсов круглые жилища встречаются редко практически с эпохи бронзы. Не становится их больше и позднее, во времена бурного расцвета строительства башен. Круглые башни были очень распространены в Закавказье и Дагестане, но почему-то это никак не отразилось на архитектуре нахских башен, хотя, конечно же, взаимовлияние архитектурных форм различных регионов Кавказа было весьма существенным. Тем более что с точки зрения фортификации круглые башни являются более устойчивыми, так как против них очень сложно использовать стенобитные машины.

Достигнув высокого мастерства в строительстве боевых башен, вайнахские строители продолжали возводить прямоугольные и квадратные в плане сооружения. Возможно, это связано с каким-то древним культом. Прямоугольник был символом устойчивости, символом четырех стихий: земли, воздуха, огня и воды, символом четырех стран света. Вероятно, поэтому стены или в крайнем случае углы чеченских башен всегда были строго ориентированы по странам света.

Прямоугольное жилище является результатом развития земледельческой цивилизации с сопутствующими религиозными культурами четырех времен года, а в связи с поклоном солнцу – четырех стран света. В чеченском языке слово «угол» – «са» созвучно понятию «душа, свет» – «са», и эта связь имеет сакральный смысл.

Боевая башня в селении
Никарой

¹⁷⁸ К примеру, в основание Хаскалинской боевой башни уложены каменные глыбы весом более тонны.

Кочевые народы практически не знали прямоугольных жилищ, даже передвижных. У чеченцев все архитектурные строения были прямоугольными по форме: жилища, культовые, башенные и погребальные сооружения. Это может быть одним из аргументов в пользу того, что чеченцы являются наследниками создателей майкопской культуры, древней археологической культуры на территории Северного Кавказа, практически все постройки которых, за небольшим исключением, были прямоугольными. Ведь архитектурные традиции могут сохраняться в течение тысячелетий, постепенно утрачивая тот сакральный смысл, который в них был заложен изначально.

Прямоугольными были жилища и фортификационные сооружения алан¹⁷⁹.

В древнейшие времена, когда жизнь человека полностью зависела от природной стихии, почти все в ней, тем более в материальной культуре, имело конкретный смысл и предназначение. Но многие архитектурные произведения древних людей, абсолютно не имеющие никакого прикладного смысла с точки зрения современного человека, до сих пор продолжают удивлять нас высокой техникой строительства и колоссальными объемами затраченных усилий.

В этом отношении наиболее интересными памятниками древности являются так называемые мегалиты, или сооружения из огромных камней: менгиры, дольмены, кромлехи. Все они связаны с различными культурами древних:

Боевая башня на горе Бекхайла

менгиры и дольмены – с культом почитания предков, кромлехи – с культом солнца. Кавказские дольмены во многом повторяют формы и даже конструкции жилища, бытовавшего у местного населения в древности, не только на северо-западе Кавказа, но и на северо-востоке, за сотни километров от этих мест. Через несколько тысячелетий средневековые склепы будут напоминать по форме древние дольмены и, может быть, древние жилища с двускатной крышей. А гигантские менгиры трансформируются сначала в спелинги – столпообразные святилища, а затем в надмогильные камни – чурты. И останется поверье: душа умершего обитает там, где находится его чурт, а не там, где захоронено его тело.

Если менгиры еще аморфны, они имеют отношение, скорее, к природе, чем к культуре, то кромлехи – это уже своего рода первобытные храмы. Если дольмен – это еще просто дом, хотя и для умерших предков, а менгир – это пристанище для духов, то кромлех – это уже явление совершенно иного, духовного порядка.

В процессе развития цивилизации, прогресс которой был чисто техническим, человечество постепенно утрачивало глубинную связь с природой и, соответственно, сокровенные знания о ней и о себе. Наверное, именно поэтому удивительные постройки древности, например Стоунхендж, представляются нам группой симметрично поставленных мегалитов. Однако в свое время эти камни были ключом к разгадке тайн движения небесных светил.

Солнечные часы в чеченском селении Химой, которые представляли собой огромный круг, сложенный из камней, с высоким каменным столбом посередине, являются средневековой тенью древнего Стоунхенджа. Возведение Стоунхенджа и солнечных часов в селении Химой связано, по всей вероятности, с запретом на наблюдение непосредственно за солнечным диском, который появляется у многих народов, поклонявшихся солнцу в определенный период развития культа. И люди обращают свои взоры на тень, считая ее также ипостасью солнца.

Древние люди создали такие архитектурные творения, смысл и назначение которых часто невозможно объяснить с точки зрения современного человека. И вечным предметом для дискуссии остается вопрос о том, что заставляло древнего человека создавать произведения, которые представляются нам эстетически прекрасными: потребность в художественном выражении своих чувств или магическое действо?

До сих пор в науке преобладало мнение о том, что древние люди из-за необходимости постоянной борьбы за выживание не имели понятия о прекрасном и в своих действиях всегда руководствовались практическим смыслом. Но археологические и научные открытия последних десятилетий XX в. говорят о том, что человек во все времена своего существования чувствовал потребность в выражении эстетических чувств.

Действительно, что двигало древним художником, жившим 15 тысяч лет назад, который разрисовывал стены пещер во Франции или Испании? Вероятно, это останется вечной загадкой. Но все равно поражает высокая техника рисования людей, которые жили в эпоху палеолита и примитивными каменными орудиями добывали себе хлеб насущный. Древние художники не только с большим искусством передают движение, различные позы животных, но и умело используют рельеф стен пещеры для их выражения.

Высокое искусство древних людей вызывало большие сомнения у последующих поколений в его подлинности. Особенно это касается палеолитиче-

¹⁷⁹ Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология, 1978, №1. С.75.

ского искусства. Первые рисунки, которые были найдены в пещерах Франции и Испании в XIX в., считались подделками художников нового времени.

Подобное отношение к великим творениям древних цивилизаций сохранилось и до нашего времени. Египетские пирамиды, статуи острова Пасхи и многие другие чудеса древности считаются некоторыми современными учеными созданиями более развитых пришельцев с других планет.

Но, как показывает опыт исследования древних археологических культур, например, на территории Кавказа, даже самые удивительные культурные феномены имеют местную основу и длительный путь эволюции, который можно проследить по сохранившимся материалам и сооружениям. Если в их развитии и были периоды резких скачков, то они объясняются или миграцией в эти области более культурных племен, или заимствованием прогрессивных технологий у соседних народов.

В архитектуре же подобные скачки исключены. Если с принятием христианства в некоторых странах и заимствовались технологии храмового строительства, то они не использовались при сооружении жилых строений в течение многих веков.

В архитектуре может иметь место заимствование отдельных форм и элементов, но основные архитектурные формы зарождаются на местной почве в соответствии с общим уровнем развития материальной культуры.

Во время российской военной экспансии на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века русские офицеры, а затем и исследователи впервые столкнулись с башенной культурой чеченцев. Они были настолько поражены красотой, гармонией, высоким архитектурным уровнем каменных строений, что приписали их строительство другим народам, якобы более цивилизованным, чем вайнахи. К тому времени большинство башен было заброшено, местные жители ничего не знали об их строителях, кроме легенд и преданий, которые чаще всего не имели ничего общего с действительностью.

А.Ипполитов в «Этнографических очерках Аргунского округа» пишет о том, что башни в Аргунском ущелье были построены народом, стоявшим на известной ступени цивилизации по отношению к местному населению¹⁸⁰.

Почти то же самое утверждает П.Головинский в статье «Горные чеченцы», приписывая строительство башен так называемым родоначальникам, которые, по его мнению, основанному на генеалогических легендах, были чужеземцами: грузинами, греками, евреями, европейцами¹⁸¹.

Но М.А.Иванов, описывая ущелья Акки, приводит чеченскую легенду о знаменитом строителе башен Дисхи, в честь которого была названа боевая башня у селения Воуги¹⁸².

Разные авторы приписывали строительство башен неизвестным ныне народам: тиндам, мидам, джелтам. Считалось, что джелтами вайнахи называли греков. На самом деле джелтами называли жителей аланского города Джулат, которые прекрасно владели многими ремеслами и были хорошими строителями. Как известно, во время монголо-татарского нашествия и особенно во время походов Тимура часть жителей равнины ушла в горы, где был большой спрос на изделия ремесленников и строителей и где их труд почитался и хорошо оплачивался. Вероятно, с миграцией в горы в XIV–XV вв. общины каменщиков, обладавших высокой строительной культурой и развитыми традициями, и связан резкий скачок в развитии средневековой архитектуры нахов.

В основе зарождения многих тейповых общин в Чечне лежал профессио-

нальный принцип, когда их образовывали сообщества ремесленников, в том числе и пришедшие из равнинных городов. Возможно, что таким образом было основано селение Баулой (в переводе с чеченского – строители боевых башен – боув), жители которого специализировались на строительстве башен.

Позже при более тщательном исследовании этой проблемы, соглашаясь с тем, что эти башни строили местные строители, многие ученые стали писать об одностороннем влиянии грузинского зодчества на архитектуру вайнахов. Но древняя грузинская архитектура принципиально отличается от нахской, за исключением погребальных и фортификационных сооружений в Хевсуретии, которые были построены чеченскими мастерами. В связи с этим совершенно непонятно, в каком виде, в каких архитектурных формах проявляется это влияние. Даже христианские храмы, построенные грузинскими миссионерами в раннем средневековье в ущельях Чечни и Ингушетии, напоминали по форме языческие святилища нахов.

А.Гольдштейн, исследовавший зодчество народов Северного Кавказа, пытался объяснить зарождение башенного строительства в этом регионе влиянием архитектурных форм Передней Азии¹⁸³. Но переднеазиатские и северокавказские башни отличаются не просто внешними формами, как, например, грузинские и чеченские, но и глубокими строительными традициями. Кроме того, ни в Передней Азии, ни на Кавказе не осталось никаких промежуточных архитектурных форм, которые бы свидетельствовали об этом влиянии.

Сегодня, изучив многие архитектурные памятники в горах Чечни и Ингушетии, исследователи говорят о неповторимом своеобразии нахской ар-

Жилая башня в селении Васержел

¹⁸⁰ Ипполитов А. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис, 1868. Т.1. С. 51.

¹⁸¹ Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 241-261.

¹⁸² Иванов М.А. Верховья р. Гехи // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1902. Вып. XV. С. 283-285.

¹⁸³ Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено - Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975. С. 29.

хитектуры, которая зародилась и развивалась на местной почве. Именно в Чечне и Ингушетии появились такие архитектурные формы, не встречающиеся в других регионах Кавказа, как, например, вайнахская боевая башня с пирамидальным венчанием, полубоевая и жилая башни, отличающиеся неповторимым стилем и обликом. При этом формы башен имеют определенные генетические связи со склеповыми сооружениями и культовыми памятниками на данной территории.

Нахские боевые и жилые башни не появляются внезапно. Классическая нахская башенная архитектура явилась результатом эволюции жилых и фортификационных сооружений в течение по крайней мере трех-четырех тысячелетий.

Что касается внутренних особенностей нахской архитектуры, то своеобраз-

Жилая башня в селении Данкале

ние башенных построек восточных и западных вайнахских регионов зависит прежде всего от времени их строительства. Более древние постройки, воздвигнутые примерно в один и тот же период времени, ничем не отличаются друг от друга, а поздние различаются только деталями и качеством отделки. Австрийский ученый Бруно Плечке, который исследовал материальную культуру (прежде всего архитектурную) этого района Кавказа, назвал башенную культуру Чечни и Ингушетии «замкнутым единством», подчеркивая тем самым их полное сходство.

В отличие от западных районов, где башни строились до конца XIX в., в

центральном и восточном ареале расселения вайнахов строительство башен стало угасать уже к концу XVII в. в связи с массовым переселением чеченцев на равнину. Поэтому сохранилось очень мало достоверных материалов, связанных со строительством отдельных башен. Хотя почти с каждой башней в горах Чечни связаны легенды, но чаще всего они являются поздними и ничего общего с действительностью не имеют.

Все же в топонимике, фольклоре сохранилась в различном виде информация о строительных традициях чеченцев в более древнюю эпоху.

Во-первых, в горной Чечне, в ущелье Терлой-Мохк, существовало селение Баулой, жители которого специализировались на строительстве боевых башен. Само селение состояло из одних башен, боевых и жилых. Их руины и сегодня придают ущелью Баулой-Эрк удивительный и неповторимый вид. Хорошими строителями башен были и жители соседнего селения Никарой.

Во-вторых, Акки, как и Терлой, славилась своими мастерами. Сохранилась легенда об одном из них — знаменитом строителе башен Дисхи. По дороге в селение Воуги стоит одинокая башня. Местные жители называют ее Дисхи-боу. Говорят, что ее построил мастер Дисхи. В одном из селений Акки Дисхи засватал девушку. Однажды весной, когда легче всего было купить или выменять овечью шерсть, он попросил невесту спить ему шубу. Она пообещала, но почему-то долго не могла закончить работу. Дисхи рассердился за невнимательное отношение к своей просьбе и сказал невесте, что он быстрее построит башню, чем она сошьет шубу.

Он принялся за работу. Возвел стены, и когда нужно было завершить кровлю, деревянные подмости, на которых лежали тяжелые камни, не выдержали и рухнули. И погиб мастер Дисхи. Услышала об этом невеста, прибежала к башне и, увидев мертвого жениха, взобралась на башню и бросилась вниз. Так и осталась башня недостроенной. А люди в память о знаменитом мастере назвали ее Дисхи-боу — башней Дисхи.

В-третьих, прекрасными строителями башен считались жители Майсты. Они строили не только в горах Чечни, но и в Хевсуретии, Тушетии, Кахетии. Согласно преданию, записанному Ю.Дешериевым у бацбийцев (этническая группа чеченцев, живущих в Грузии), для строительства крепости в Тушетии были приглашены мастера-чеченцы.

Известными строителями башен в Чечне были Беки из Харачоя, Тарам Тарханов из Никарой.

Подтверждением тому, что башенная архитектура вайнахов развивалась на сугубо местной почве, является и то, что, несмотря на сотни лет, прошедшие со времен строительства башен, в чеченском языке сохранились названия всех частей и элементов древних архитектурных сооружений.

Древняя архитектура горной Чечни (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляет собой уникальное явление в мировой культуре.

При строительстве башен часто использовались уже обработанные камни из более древних построек X–V вв. до нашей эры. Петроглифы на таких камнях тщательно сохранялись и со временем почти без изменения переносились и на другие башни.

На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорцио-

нальности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом.

Чеченская башенная архитектура зародилась в междуречье Аргуна и Кубани. Своего высшего расцвета она достигла в ущельях между Терек и Аргуном, в районах более позднего проживания нахов.

Остатки каменных построек различных эпох в горной Чечне дают возможность проследить эволюцию нахских башен в течение, по крайней мере, трех тысячелетий. Жилища и фортификационные сооружения нахов развивались от многокамерного дома с горизонтальной планировкой к однокамерной постройке с вертикальным планом. При этом эволюция чеченского жилища не была быстрой и единовременной, она протекала в течение многих веков.

На эволюцию древнего вайнахского жилища влияли различные факторы. Важнейшими из них были необходимость улучшения фортификационных свойств жилищ в связи с усилением внешней опасности, условия малоземелья, возникшие из-за массовой миграции в горы жителей равнин или алан, которые не хотели покоряться монголо-татарским ханам и Тимуру, и, возможно, религиозные верования.

В классическом виде жилища — гала, или дом-крепость, по всей видимости, начинают формироваться еще в позднеаланскую эпоху, то есть в X–XIII вв. Жилые башни этого периода от более ранних отличаются вертикальной планировкой, планами, близкими к квадрату, большим количеством этажей, увеличением числа дверных и оконных проемов, более тщательной обработкой и укладкой камня.

Классическая жилища — это массивное прямоугольное сооружение, суживающееся кверху, часто приближенное в плане к квадрату (обычные размеры: 8–10 x 8–12 м), в три-четыре этажа, с плоской земляной кровлей.

Сужение башни достигалось за счет утончения стен в верхней ее части, а также за счет наклона их вовнутрь. Толщина стен на различных постройках варьируется от 1,2 – 0,9 метра в нижней части до 0,7 – 0,5 метра в верхней.

Стены выкладывались из камней различных размеров (из каменных блоков или плит, в зависимости от характера местного материала), которые тщательно обрабатывались с наружной стороны, на известковом или известково-глинистом растворе с использованием битого камня, хотя изредка встречается и сухая кладка. В основании и нижней части башни использовались монолиты. Некоторые из них были внушительных размеров и могли весить несколько тонн.

В центре башни стоял опорный столб, также выложенный из хорошо обработанного камня. На нем держались балки перекрытий. Продольные балки укладывали на пилястры или угловые камни, на них клали более мелкие балки, а затем хворост, на который насыпали глину и утрамбовывали ее. Опорный столб назывался эрд-богтам и в более древние времена имел культовое значение. Интересно, что чеченцы долгое время сохраняли опорный столб в виде элемента конструкции жилища, сохранялся и сакральный смысл этого архитектурного элемента.

Чеченские жилища по основным параметрам не отличаются от ингушских и осетинских, но значительно превосходят их по размерам и количеству этажей¹⁸⁴.

Первые два нижних этажа предназначались для содержания скота. На первом этаже обычно держали крупный рогатый скот и лошадей. Кроме того,

здесь же часть помещения отгораживалась для хранения зерна, иногда для этого выкапывалась специальная яма, стены и дно которой обкладывались камнями. Пол хлева у яслей был дощатый или выкладывался плитняком, для лошади устраивали специальный загон. На втором этаже содержали овец и коз, и туда имелся отдельный вход. Скот загоняли на второй этаж по специальному настилу, сколоченному из бревен.

Третий этаж (в трехэтажных башнях — второй) служил жилищем для семьи. Здесь хранилось имущество семьи: ковры, посуда, одежда, обитые жестью деревянные сундуки. В более ранние времена в башне не было никаких шкафов. Все вещи развешивались на металлических крючьях, нередко в специальных нишах в стене. Кроме того, у стен устанавливались деревянные полки для посуды. Обычно над постелью хозяина висело оружие. В военные времена это объяснялось необходимостью, затем стало просто традицией.

В центре помещения находился каменный очаг — кхерч, над которым висела надочажная цепь. Очаг имел несложное устройство и состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров. Металлический треножник, на который устанавливался котел, назывался очакх. Дым выходил через оконные отверстия. Здесь семья обычно готовила пищу, устраивала трапезу, отдыхала. Позже очаг был заменен пристенным камином — товха. Но и место очага, и надочажная цепь оставались для чеченцев, как и для других народов Кавказа, священными.

Семья обычно принимала пищу совместно, недалеко от камина, за невысоким треногим столиком. Если в семье были молодожены, то они ели отдельно. Если в доме находился гость, то в первую очередь угощали его, в

Жилая башня в селении Хаскали

¹⁸⁴Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Т. II. С. 41 – 117.

Крепость Кезеной

трапезе с ним принимал участие лишь хозяин дома. Если в гостях была женщина, то с ней делила пищу хозяйка.

Спали на широких деревянных или каменных топчанах, устланных расшитым войлоком, часть членов семьи спала прямо на полу, на матрасах из овечьей шерсти, укрываясь бурками и тулупами. Зажиточные семьи имели богатую, расшитую узорами шелковую постель, которая днем складывалась в дальнем углу помещения. Процесс укладки постели был почти ритуалом, и хозяйка дома должна была знать правила и последовательность ее свертывания.

На последнем этаже хранился инвентарь и запасы продуктов. Здесь укладывали гостей и молодоженов. Его также использовали как боевой в случае, если жилая башня держала оборону. В этих же целях в случае военной опасности использовалась и плоская кровля, на которой ставился котел со смолой и заготавливались камни. При осаде башни их сбрасывали на врага. Кровля строилась из толстых бревен, которые укладывали вплотную друг к другу. Сверху укладывали хворост, затем насыпали глину, которую тщательно утрамбовывали. Иногда стены верхнего этажа возвышались над кровлей, образуя парапет. Это значительно усиливало боевые возможности защитников башни, которые вели бой с кровли.

В Майсте в отличие от других районов Чечни кровли жилых башен делали скатными, из крупных каменных плит.

В теплое время года плоская кровля использовалась для хозяйственных нужд: здесь сушили снопы, мололи и веяли зерно. Летом семья здесь обедала и проводила досуг.

Моцаройский замок

Сообщение между этажами осуществлялось через лазы, к которым представлялись специальные бревна с зарубками или деревянные лестницы. Каждый этаж, кроме последнего, обязательно имел свою дверь. Дверные и оконные проемы чаще всего выполнялись в виде закругленных арок из крупных монолитов. Арки были фигурные, на более древних башнях они еще примитивны и грубо обработаны, на башнях XV–XVII вв. они приобретают законченный, классический вид, хотя могло быть и наоборот. С боковых сторон проема делали глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь. Она изготавливалась из толстых дубовых досок. Изнутри дверные проемы расширялись, образуя стрельчатые арки. Окна были очень маленькими, на верхних этажах они могли служить и бойницами. В зимнее время, а также ночью окна закрывались деревянными ставнями или каменными плитами, в летнее время затягивались прозрачной пленкой органического происхождения, то есть изготовленной из внутренностей животных.

Если башня была трехэтажной, то под хлев отводился только первый этаж.

Чеченская трехэтажная жилая башня была описана русским исследователем К.Ганом, в начале XX века посетившим горную Чечню: «Самый дом Цотеша, расположенный над глубоким оврагом, представляет из себя громадную четырехугольную башню в три этажа, с некоторыми пристройками. Она построена из громадных глыб шифера сухой кладкой. Пройдя большой мощный двор, окруженный высокой стеной, мы через низенькую дверь вступили в нижний этаж; это темное помещение без света, где помещается скот. Карабкаясь в темноте по узенькой каменной лестнице, мы скоро очу-

тились во втором этаже, где живут женщины. Хотя комнаты эти содержатся чище, чем у хевсур, но они также довольно темны и потолки сильно закопчены дымом. На стенах стоят или висят большие медные и оловянные тазы, тут же помещаются большие сундуки с богатой резьбой. Пол земляной; комната плохо освещается немногими маленькими отверстиями в стене. Плохо приставленная лестница ведет в верхний этаж, в жилище хозяина, где помещается брачное ложе. Тут стены увешаны разного рода оружием и праздничной одеждой хозяина и его семьи. Перед комнатой плоская крыша образует что-то вроде тока, окаймленного низенькой стеной. С этого высокого балкона представляется чудный вид в долину, на аул и гордый замок предков Цотеша, у подножия которого стекают два горных потока, Веги-чу и Туркал, а там, вдали, у истоков Веги-чу, белеют снежные вершины Веги-лам»¹⁸⁵.

Обычно чеченские жилые башни были четырех- или трехэтажными, но в селении Никарой сохранилась шестиэтажная жилая башня.

Жилая башня была собственностью одной семьи. В процессе сегментации семьи в башне с родителями в конце концов мог остаться только младший сын. При этом вновь образовавшаяся семья не могла жить в одном помещении с родителями. Она переселялась на верхний этаж или в этом же помещении для них отгораживалась специальная камера с отдельным очагом.

Утверждения исследователей, в том числе и дореволюционных, о том, что в одной башне могли жить несколько семей, не имеют под собой никакой почвы. Достигшие совершеннолетия сыновья и дочери не могли спать в одном помещении с родителями. Она переселялась на верхний этаж или в этом же помещении для них отгораживалась специальная камера с отдельным очагом.

При строительстве башни началу всех работ предшествовало магическое действие. Сначала с помощью домашнего животного проверяли, насколько место, выбранное для возведения башни, является «чистым». Для этого пригоняли к месту строительства домашнее животное, к примеру быка, и если он вечером укладывался на этом месте, то оно считалось «чистым». Или же на ночь укладывали спать здесь хозяина, и если он видел благоприятный сон, это тоже считалось хорошим знаменем.

Затем приносили в жертву животное, чаще всего овцу (хотя зажиточные семьи могли принести в жертву и быка). Кровью жертвенного животного окропляли основание, затем произносили молитву, и уважаемый в селении человек (в языческие времена это мог быть жрец, а позже мулла или старейшина), обладавший, по мнению односельчан,

Полубовая башня в селении Никарой

«счастливой» рукой, прикасался к укладываемому в основание первому камню и благословлял начало работ.

Жилые башни возводились обычно без фундамента, на скальных массивах. Если в месте строительства не было выходов скальных пород на поверхность, то обычно снимали верхний слой грунта, и нижняя часть башни оказывалась углубленной в землю. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком или водой и снимали грунт до тех пор, пока жидкость не переставала просачиваться в землю. Согласно полевым материалам, собранным В.П.Кобычевым в Ичкерии, то есть в Восточной Чечне, местные жители «зарывали в землю на несколько дней глиняный кувшинчик, наполненный водой и наглухо запечатанный сверху воском. Если при проверке оказывалось, что вода в сосуде убывла, место забраковывали»¹⁸⁶.

В основание башни укладывали огромные камни, которые могли достигать двух метров в длину и в высоту превышали рост человека. Передвигали и укладывали такие камни с помощью приспособления типа ворота, а на большие расстояния перетаскивали на специальных настилах с помощью волов.

Стены башни (изредка углы) ориентировались по странам света. На камни с внешней стороны часто наносились петроглифы, магические знаки, которые должны были оберегать башню от злых духов, от опасности. Кроме того, на стенах выбивали фамильные знаки, которые свидетельствовали о древности и знатности фамилии. При строительстве новой башни в ее стены укладывались камни с петроглифами из стен старой. Поэтому камни с петроглифами нередко отличаются от основного материала по характеру обработки и даже по цвету.

Жилые башни строились обычно на возвышенных местах, неподалеку от источника воды. Это могли быть речка, ручей или родник. Нередко к башне подводили потайной водопровод, что было немаловажно в условиях военной опасности. Так, например, сохранилась легенда об осаде башенного комплекса на горе Бекхайла в Аргунском ущелье. Комплекс был, по сути дела, маленькой крепостью и состоял из трех боевых и одной жилой башен, которые были обнесены высокой каменной стеной. Построенный на высоком обрывистом утесе, он был почти неприступен. К тому же защитники крепости не знали проблем с питьевой водой: она поступала в укрепление по подземным каменным желобам. И поэтому враги в течение долгого времени не могли взять крепость. Но позже кто-то из местных жителей, находившихся во вражде с защитниками башни, посоветовал осаждавшим накормить животных солью и пустить к башне. Животные, мучимые страшной жаждой, почувствовали под землей воду и стали рыть копытами в том месте, где проходил подземный водопровод. Враги нашли водопровод и уничтожили его. Защитники вынуждены были ночью через подземный выход покинуть крепость»¹⁸⁷.

В отличие от специальных фортификационных сооружений, тех же боевых башен, основной функцией дома-крепости была функция жилища. Оборонительная функция была второстепенной. Но при этом, учитывая опасности, которые подстерегали жителей гор во времена средневековья, владельцы жилых башен старались максимально использовать их оборонительные возможности. Во-первых, в экстерьере башни практически не использовалось дерево, чтобы башню нельзя было поджечь снаружи. Во-вторых, верхний этаж всегда был оборонительным. Этажи, расположенные над первым, хозяйственным, всегда были выше, что, кроме всего прочего, усиливало убойную

¹⁸⁶ Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX – XX вв. М., 1982. С. 80.

¹⁸⁷ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. С.184-270.

¹⁸⁵ Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей // Кавказский вестник, 1900, №6 С. 66.

Руины жилой башни в селении
Зумс

силу стрел и камней защитников башни и делало их практически недосягаемыми для нападавших. Машикули всегда устраивали над дверным проемом, для того чтобы исключить возможность приближения к двери противника с целью поджога. Дверной проем был всегда довольно узким и низким. Он обычно располагался с более недоступной стороны, что значительно усложняло применение стенобитного орудия. Кроме того, с внешней стороны дверной проем был значительно уже, чем с внутренней, и тем самым прикрывал края двери.

Очень часто устраивали потайной подземный выход из башни, по которому защитники при необходимости могли выйти в относительно безопасном для себя месте.

Со временем уменьшается потребность в фортификационных свойствах жилой башни, что объясняется, с одной стороны, ослаблением внешней военной угрозы, с другой стороны – вновь появившейся традицией пристраивать к жилой башне боевую. Это приводит к упрощению жилой башни и утрате оборонительных конструкций: оборонительного этажа, машикулей, увеличению числа оконных и дверных проемов. Число этажей уменьшается до двух-трех, появляются хозяйственные пристройки. Увеличивается число камер на каждом ярусе, появляется тенденция к горизонтальной планировке.

Постепенно жилая башня трансформируется в обычный двухэтажный каменный дом, который описал К. Ган в 1901 году: «Дом достаточного чеченца построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему этажу, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этаж делится на четыре

помещения, из которых первое, у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и 20 в длину. Тут стоят несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диаметром в два-три фута, где хранятся пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. Налево от этого помещения – гостиная, или кунацкая, с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками на одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и во всех комнатах, земляной, но здесь он покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение для хозяйственных принадлежностей. За всеми этими комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как и входная комната. Тут опять стоят кровать и громадные сундуки грубой плотницкой работы, сколоченные когда-то пленными русскими солдатами, несколько больших чанов, наполненных чеченским сыром, две-три высокие кадки с кукурузой. К стенам прикреплены тазы, тарелки и посуда разной величины, а к потолку на больших деревянных крючках привешены слегка прокопченные курдюки и надхребетные части хорошо выкормленных баранов».

Кроме того, в более поздние времена жилые башни часто перестраивались в обычные дома со скатной кровлей. Подобный дом, перестроенный из жилой башни, сохранился в селении Ушкалой на правом берегу Аргуна.

Жилые башни были распространены в горных районах Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. В меньшем количестве они встречаются в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Кроме того, жилые башни в качестве жилищ были характерны для северных районов Грузии, граничащих с Чечней: Хевсуретии, Тупетии и западнее – для Мтиулети, Хеви и Сванетии¹⁸⁸.

Руины боевой башни в селении
Эльдипхарой

Со временем, по всей видимости с увеличением внешней опасности в XIII–XIV вв., в некоторых районах горной Чечни усиливались фортификационные свойства жилых башен. Они стали выше, увеличилось количество этажей, план стал ближе к квадрату. На верхних этажах появились машикули, которые располагались обязательно над дверным проемом. Кроме того, башни этого типа отличались высоким уровнем кладки стен, тщательностью обработки камня. Башня не имела опорного столба в отличие от классической жилой башни. Археолог С.Умаров описал подобную башню в селении Баулой. Она была пятиэтажной. Каждый этаж, кроме пятого, имел дверной проем с восточной стороны. Восточная и западная стороны были защищены машикулями. Первый и второй этажи предназначались для содержания скота, третий и четвертый были жилыми, а пятый – оборонительным. Непременным атрибутом был парапет, который давал дополнительные преимущества защитникам башни при ее обороне с кровли. Башни этого типа сохранились в селениях Никарой, Баулой, Хайбах, Ца-Кале, Цеча-Ахк.

Известный археолог В.И.Марковин назвал этот тип вайнахских башен полубоевым¹⁸⁹. При этом он считал, что полубоевые башни являются переходным типом в эволюции от дома-крепости к боевой башне. Вряд ли с этим можно согласиться, учитывая, что боевые башни появились в качестве элемента фортификации в древнейших цитаделях намного раньше, чем жилые башни или дома-крепости. Еще более древними являются сторожевые и сигнальные башни.

Полубоевые башни были синкретическим типом жилища, который сочетал в себе свойства и жилой, и боевой башни. В тяжелых экономических условиях гор это было вполне рационально, так как избавляло хозяина от необходимости строить специальную боевую башню, требующую огромных расходов. Но при всех достоинствах полубоевая башня не получила широкого распространения в горах Чечни. Это, вероятно, связано с тем, что к этому

Руины жилых построек в селении Харкарой

¹⁸⁸ Джанберидзе Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии. М., 1976. С. 164.

¹⁸⁹ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. С.184-270.

времени здесь широкое распространение получают башенные комплексы и замки, которые при всех других преимуществах давали возможность их владельцам укрыть от врага и весь свой скот.

Встроенные в скальные ниши башни типологически относятся к древнейшему виду построек, в которых соединены жилая и оборонительная функции. Жилища подобного типа человек начинает строить еще со времен палеолита, закладывая камнями скальные пещеры и гроты.

В горной Чечне подобные постройки располагались в скальных массивах, на крутых каменистых берегах рек, иногда на очень большой высоте. Расщелины в скалах или горные пещеры закладывали с наружной стороны камнями, устраивая дверной и оконные проемы, бойницы и смотровые щели – как в обычной башне. Чаще всего такие башни имели одну стену (Нихалойская, Моцаройская) или три (Ушкалойская, Башинкалинская).

Одна из таких башен в устье реки Гехи была описана в свое время русским археологом В.Ф. Миллером: «К замку ведет узкая, частью высеченная в скале карнизом тропа, кое-где обрывающаяся и замененная деревянными мостками. Тропа ведет к низким, скорее похожим на окно, воротам, находящимся в остатках стены. Ворота ведут в небольшой двор, расположенный на естественном выступе, образуемом утесом. Двор со всех сторон обнесен стеною, частью обрушившейся. Налево параллельно с отвесным утесом внутри двора тянется стена, образующая жилище, которому левой стеной служит скала. Выше виднеются остатки двух башен, прикрепленных к навесу, образуемому утесом. На значительном пространстве скала покрыта копотью, свидетельствующей о том, что некогда в этой ужасной твердыне жили люди. Но поразительное впечатление производит небольшой балкон, сохранившийся каким-то чудом на страшной высоте. Некогда, когда замок возвышался во всем своем суровом величии, к балкону вела лестница, которая обрушилась с крутизны вниз, как и стены башен. В настоящее время балкон висит одиноким свидетелем прошлого и нет к нему никакого доступа. Держится он на массивных деревянных брусках, выступающих на сажень из скалы»¹⁹⁰.

Башня, встроенная в скалу, есть и у селения Моцарой в Нашхе. Она состоит из одной наружной стены, которая имеет 12 метров в длину и около 10 метров в высоту, а также дверные и оконные проемы и бойницы. По преданию, здесь жили люди, которые укрывались от кровной мести. На самом же деле уже давно никто не помнит, кто, когда и для чего построил эту башню, хотя по месту расположения она вполне могла быть сигнальной, в более поздние времена стала использоваться как убежище.

Убежищами встроенные башни были названы учеными, так как предполагалось, что в них укрывались в случае внезапной военной опасности местные жители, пастухи, случайные путники. На самом же деле многие из таких башен были не убежищами, а обычными сторожевыми или сигнальными башнями. Сторожевыми были ушкалойские башни, которые прикрывали каменный мост через Аргун и дорогу, идущую вдоль берега. Сигнальными были Нихалойская и Башинкалинская башни. Это подтверждается не только фольклорными материалами и их расположением, но и тем, что у Башинкалинской башни есть визуальная связь с Гучанкалинской и Нихалойской.

Скальных построек башенного типа в горной Чечне сравнительно много (Ушкалой, Нихалой, Башинкале, Итиркале, Девнечу, Хайха, Дока-Бух) в отличие от других регионов Кавказа (за исключением Осетии, там исследователями отмечено несколько таких построек). Традиции возведения скальных

¹⁹⁰ Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии. // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып.1, С. 2 - 36.

Селение Нихарой

башенных построек были сильны в Крыму, где также имеются следы нахского субстрата. Скальные склеповые сооружения в этом регионе связываются с появлением алан.

Наивысшего расцвета архитектура чеченцев достигла в специальных оборонительных сооружениях – боевых башнях. В научной литературе сложилось мнение о том, что боевые башни являются результатом эволюции жилых башен (В.И.Марковин, С.Умаров), а так называемые полубоевые башни – промежуточным звеном этой эволюции¹⁹¹.

Но нет никаких оснований считать жилые башни более архаичными, чем боевые. И те и другие восходят своими корнями к циклопическим постройкам, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. К тому же нужно учитывать, что впервые боевые башни должны были появиться в качестве укреплений стен цитаделей, по крайней мере еще во II тыс. до н.э. Такие крепости, правда, более позднего времени, состоящие из мощных стен в форме прямоугольника или треугольника, по углам которого располагаются боевые башни, сохранились во многих районах Чечни, в том числе в верховьях Аргуна, на горе Бекхайла, в Мелхисте, в селении Коратах, в ущелье Терлой-Ахк и других местах. Это может быть подтверждением, что боевые башни на Кавказе, как и в других районах мира, появляются первоначально как элемент цитадели, то есть как вспомогательные сооружения.

Еще более древними являются сигнальные и сторожевые башни. По всей видимости, первоначально для передачи сигналов с различной информацией, прежде всего о военной опасности, использовались возвышен-

ные места или верхушки деревьев, затем начали строить деревянные вышки и башни, и конечным результатом этой эволюции стала каменная башня.

Разница между сигнальными и сторожевыми башнями в научной литературе не обозначена.

Но, вероятно, сторожевые башни включают в себя и сторожевые в узком смысле слова, и сигнальные. Сторожевые в узком смысле башни строились у мостов, возле дорог, в тесных проходах в ущельях в целях их охраны (в мирное время они выполняли функцию таможни), но при этом они не использовались для передачи сигналов. Сигнальные же башни строились специально для передачи сигналов о военной опасности и должны были всегда иметь визуальную связь между собой. Они всегда являлись частью системы, объединяющей большие территории. Однако сигнальные башни в большинстве случаев были боевыми, хотя иногда их функции могли выполнять

и башни, встроенные в скалы и пещеры (Башинкалинская, Нихалойская), которые ошибочно были определены исследователями как башни-убежища. Сторожевые башни почти всегда были боевыми и очень редко одиночными и состояли из двух или более боевых башен, образуя комплекс.

Здесь можно задать вполне закономерный вопрос: зачем строить для передачи сигналов каменные башни, требующие огромных материальных затрат? Это, вероятнее всего, связано с тем, что после передачи сигнала дозорные, которые несли караульную службу в башне, чаще всего не могли, быстро покинув ее, примкнуть к основному войску. Поэтому они должны были иметь возможность обороняться. К тому же башни строились в стратегически важных в военном отношении местах, и их оборона отвлекала часть вражеских сил. Упоминания об осаде башен в ущельях Чечни есть в хрониках летописцев Тимура. Если же была возможность построить сигнальную башню, используя рельеф местности (Башинкалинская, Нихалойская башни), в выемках скал, на вершине или у подножия утеса, то специальную боевую башню не строили.

Таким образом, если говорить о генезисе боевых башен на Кавказе, то можно это представить следующей схемой: боевая башня сигнальная – боевая башня как элемент цитадели – боевая башня как одиночная сторожевая – боевая башня как часть башенного комплекса. Последний тип оборонительной башни при жилом комплексе появляется только в позднем средневековье, вероятнее всего в XV в., и связан с возрастающей социальной дифференциацией населения Чечни того времени.

Оборонительная башня называлась «Боув». Несомненно, этот термин

Селение Коратах. Замок

¹⁹¹ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. С.184-270.

может быть связан и с междометием «бЮув», обозначающим вызов к битве, угрозу, но более со словом «бЮ» – дозор, которое впоследствии приобрело более широкое значение – «войско». Оно же, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «бЮан» – смотреть, видеть, откуда «бЮарг» – глаз. Этимология его связана с первичной, древнейшей функцией боевой башни – сторожевой, сигнальной.

Поэтому, если и можно говорить о том, что боевая башня более позднего происхождения по сравнению с жилой, то только имея в виду ее как фортификационный элемент комплекса. К тому времени, когда в горах Чечни и Ингушетии появляются башенные комплексы (сочетание боевой и жилой башен) и замки, боевая башня приобретает классические, завершенные формы. Большинство построек этого типа имеет пирамидально-ступенчатую кровлю, сложено на известковом растворе и отличается высоким уровнем строительной техники.

Боевая башня представляет собой квадратное в плане сооружение (классическая форма: 5 x 5 м), воздвигнутое из обработанного камня на известковом или песчано-известковом растворе, с сужением кверху (под углом 4–6) и высотой до 20 – 25 метров.

Строительство боевой башни сопровождалось теми же ритуалами, что и жилой. Сигнальная башня строилась в таком месте и таким образом, чтобы имелась визуальная связь со смежными башнями сигнальной системы, но при этом учитывались и другие факторы, способствующие успешному ведению боя. Для сторожевых башен выбирались стратегически важные точки, господствующие над местностью, дающие возможность контролировать ключевые мосты, дороги, перевалы. Очень важным условием было наличие

Селение Тертие. Жилые башни

Селение Пого. Замок

рядом источника воды, то есть ручья, родника, реки, так как при строительстве башни всегда старались провести туда потайной водопровод.

Боевая башня, как и жилая, обычно возводилась на скальном грунте. При этом сигнальные башни строились на вершинах обрывистых утесов и были почти недоступны. В X–XI вв., когда стали строить боевые башни, требующие огромных материальных и физических затрат, их сторожевые и сигнальные функции начали совмещать. И поэтому большинство сторожевых боевых башен в горах Чечни были и сигнальными.

Так как основной функцией боевой башни была оборонительная (помимо сигнальной), то особое внимание уделялось ее фортификационным свойствам.

Это могло выражаться в том, что с наиболее доступной стороны стены башни делали совершенно глухими, оставляя в них лишь смотровые щели и бойницы. Дверные и оконные проемы устраивали с наиболее неприступной стороны. Во многих случаях может вызывать удивление то, как сами защитники попадали в башню, – настолько опасным является подступ к дверному проему. К тому же в экстерьере башни не использовали деревянных конструкций, чтобы осаждающие не могли поджечь ее извне.

В фольклорных материалах отмечается роль мастера, руководящего процессом строительства. Мастер, по преданию, практически не принимал участия в работе, а только указывал своим помощникам, что и как делать, выполняя тем самым функцию архитектора. Ему доставалась еще почетная и очень опасная роль установки камня (цЮрку), завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю. Для этого с наружной стороны к машикулю привязывали лестницу, и по ней мастер подбирался к венцу кровли. Это было смертельно опасным делом и иногда заканчивалось гибелью мастера. За установку последнего камня хозяин должен был подарить мастеру быка. Строительство башни обходилось семье (если это была семейная башня) в 50–60 коров. Многие исследователи пишут, ссылаясь при этом на И. Щерблыкина¹⁹², что

башня строилась без лесов. Но, вероятно, речь идет о наружных лесах.

Для возведения стен использовали внутренние леса, которые устанавливались на угловые камни, имевшие специальные выступы. Для подъема камней и балок применяли ворот, который назывался *ЧагГарг* или *зеразак*. Крупные камни, иногда весом до нескольких тонн, подвозили к месту строительства с помощью быков на специальных санях. Для обработки камня использовали различные инструменты: *берг* – вид кирки, *варзап* – молот, *джау* – молоток, *даам* – зубило. Известь для раствора готовили здесь же. В тех местах, где известь была дорогим материалом, в раствор добавляли песок или глину. При этом высшим проявлением строительного мастерства считалось использование оптимального количества раствора, так как в таком случае башня становилась более сейсмостойкой. Известью замазывали также швы между камнями, для того чтобы дождем не вымывался раствор.

Угловые (замковые) камни не только являлись элементом, связующим стены башни, но на них опирались и балки перекрытий.

Перекрытие первого этажа выполняли в виде ложного свода из камней с двумя рядами пересекающихся каменных выступов, которые называются *гуртами*. Такие своды назывались *нартол тхов*. Но это элемент, присущий в основном башням поздней постройки (XV–XVII вв.).

Особое внимание уделялось обработке и отделке арочных камней дверных и оконных проемов. Такой камень назывался «*куртулг*» – гордый камень. На него очень часто наносили петроглифы.

Боевые башни были в основном пятиэтажными. Назначение различных ярусов башни трактуется исследователями по-разному. Одни считают, что первый этаж предназначался для содержания скота, другие – для содержа-

Селение Хелды. Жилая башня

ния пленников. На самом же деле первый этаж башни обычно заполнялся камнями и грунтом, для того чтобы усилить нижнюю часть башни в случае применения стенобитных орудий.

Вызывает большое сомнение и термин «жилой этаж» по отношению к боевой башне. Классическая боевая башня – это такой вид оборонительного сооружения, который не предполагает длительной осады, если речь идет не о комплексе подобных сооружений, соединенных каменной стеной, то есть маленькой крепости, например типа Бекхайлинской. Это связано с тем, что защитники башни имели ограниченный запас вооружения, будь то камни, стрелы, ружейные заряды в более позднее время, небольшой запас продовольствия. И, конечно же, назначение этажей определяла их малая площадь. Если речь идет о сторожевой или сигнальной башне, то в ней могли нести дозор от четырех до шести человек, а в оборонительной башне, как части комплекса, укрывалась в случае опасности семья, живущая в одной или двух жилых башнях, к которым она была пристроена. Но ни один из этажей боевой башни не был приспособлен для длительного проживания, и поэтому вряд ли их можно назвать жилыми. В этом отношении абсолютно не имеющими ничего общего с реальностью являются легенды, связанные с теми или иными боевыми башнями в Чечне, в которых якобы жили их герои.

Практически все этажи боевой башни были приспособлены для наблюдения и ведения боя.

Чеченские и ингушские боевые башни однотипны и отличаются лишь временем постройки и габаритами. В зависимости от древности они различаются определенным уровнем строительной техники, обработки камня и изяществом форм.

Башни с плоской кровлей являются наиболее древними, некоторые из них можно датировать XI–XIII вв. Они отличаются небрежной обработкой камня, являются не очень высокими, имеют небольшой угол сужения кверху. Чаще всего в них не больше четырех этажей. Эти башни в большинстве случаев были сигнальными и сторожевыми или частью цитадели, как, например, бекхайлинские. Хотя в некоторых случаях боевые башни с плоской кровлей могли быть достаточно высокими и стройными, отличались довольно высоким уровнем строительной техники, как, например, Хаскалинская.

Башни с плоской кровлей чаще всего строились в недоступных местах, на вершинах обрывистых утесов, речных мысах.

Башни второй группы отличаются большей высотой, стройностью, тщательностью обработки камня, большим углом сужения кверху. Они могут быть отнесены уже к XIV–XVI вв. Боевые башни с плоской кровлей с зубцами по углам могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в горах Чечни сравнительно немного. Например, боевая башня на левом берегу Мешхи-Хи в Мелхисте или башня у селения Кхи-чу в ущелье Сандухой.

Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей являются наиболее поздними из всех видов боевых башен в горах Чечни и Ингушетии. Многие из них в Чечне могут быть датированы XIV–XVII вв., а в Ингушетии – XVII–XIX вв.. Боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей практически не использовались как сторожевые и сигнальные. В большинстве случаев они являются элементом замкового комплекса, получившего распространение в горах Чечни в позднем средневековье. Исследователи называют эти башни вайнахскими, так как они появились на местной почве и получили рас-

¹⁹² Щеблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского научно-исследовательского института истории и культуры. Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 282.

Селение Ца-Кале

пространение в Чечне и Ингушетии. В Грузии они единичны и построены мастерами-вайнахами.

Так называемая классическая вайнахская боевая башня является наиболее совершенным в архитектурном и техническом отношении сооружением подобного рода на Кавказе.

Обычно это квадратное в плане сооружение, сложенное из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Башня, как правило, имеет пять этажей. На уровне второго и верхнего этажа перекрытия выполнены в виде каменных сводов, которые имеют декоративные выступы в виде перекрестия – гурты. На остальных этажах перекрытия деревянные, они опираются на балки, концами лежащие на замковых камнях.

Башни с пирамидальной кровлей отличаются особой стройностью и изяществом. Это связано с тем, что они имеют довольно большую высоту (до 25 м), сравнительно небольшую площадь основания (5 x 5 м), довольно большой угол сужения кверху.

На стенах пятого этажа установлены каменные балкончики – машикули.

У башен с пирамидальным венчанием машикули были в основном однотипными, представляя собой выложенные из каменных плит балкончики, которые крепились на двух, трех или более консолях и не имели дна. Со стороны машикулей в стенах башни были большие стрельчатые проемы, из которых защитники башни могли вести стрельбу по осаждающим.

На всех этажах башни в стенах имелись отверстия – бойницы и наблюдательные щели.

Кроме того, многие башни с пирамидально-ступенчатой кровлей имели дверные проемы на всех этажах, которые уменьшались пропорционально сужению башни.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей была высшим достижением народного зодчества вайнахов. Она строилась в удивительной гармонии с окружающей природой, всегда вписывалась в рельеф, сама стано-

вилась частью ландшафта. Сочетание малой площади основания с большой высотой, удивительная стройность и пропорциональность, пирамидально-ступенчатое венчание, подчеркивающее устремленность ввысь, симметрично расположенные балкончики-машикули, скупой, но гармоничный декор в виде геометрических фигур – все это создавало впечатление абсолютной завершенности форм.

В результате совершенствования форм в течение тысячелетий боевая башня была наиболее приспособленной для ведения оборонительного боя. Высота ее усиливала боевые возможности защитников башни. Во-первых, пущенная в них снизу стрела значительно теряла свою убойную силу. Во-вторых, это давало возможность защитникам вести круговой обстрел и увеличивало его дальность. Именно поэтому для ведения стрельбы предназначался верхний этаж, у проемов располагались стрелки, которые держали под прицелом подступы к башне. Стрельба из лука велась поверх балкончика, который прикрывал стрелка.

Если же враги приближались к башне вплотную, то на них через машикули лили кипяток, кипящую смолу. Возможно, для этого использовали также дверные проемы верхних ярусов.

Сужение башни кверху позволяло защитникам сбрасывать на осаждавших камни, направление падения которых из-за рикошета было непредсказуемо и наносило врагу неожиданный урон.

На стенах башни на каждом этаже было множество бойниц и смотровых отверстий, их нередко очень сложно отличить друг от друга. Подобные бойницы невозможно было использовать для стрельбы из лука, хотя вызывает сомнение и использование большинства из них при стрельбе из огнестрельного оружия.

Бойницы для ружей – тоьпан Гургаш – появляются в боевых башнях не ранее XVI в. Они довольно большие по сравнению со смотровыми щелями и имеют наклон вниз. Но при всем том ясно одно: бойницы не могут быть единственным основанием для датировки времени строительства башни, так как в некоторых башнях смотровые отверстия позднее были расширены для стрельбы из ружей. Но при этом сами башни не перестраивались.

Оборона поселений не сводилась только к войне в башнях, которые играли роль опорных и наблюдательных пунктов¹⁹³. Для ведения боя использовались и крыши жилых башен, и оборонительные стены, и ре-

Харкаройская боевая башня

льеф местности. Если же в селении было несколько оборонительных башен, то они выстраивались так, что замыкали все пространство вокруг него, практически не оставляя мертвых – непростреливаемых – зон.

В процессе эволюции строения, состоящие из боевой и жилой башен, перерастают в замки, обнесенные каменной стеной. Их появление в горной Чечне связано с социально-классовой дифференциацией общества.

В работе многих авторов утверждается мысль о том, что различные фортификационные сооружения в горной Чечне были порождением родового строя, являясь собственностью рода или тейпа. Народные предания и исторические источники связывают строительство замков и крепостей с именами местных феодалов. Так, например, крепость в селении Кезеной, согласно фольклорным материалам, была построена правителем Чеберлоя Алдам-Гези, присланным сюда из Нашха Мехк кхелом.

Строительство жилых и сторожевых башен, а также цитаделей начинается еще в аланскую эпоху¹⁹⁴, особенно в IX–XI вв., а возведение замков и башенных комплексов приходится на XV–XVI вв., когда территорию Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после гибельных для нахских народов набегов кочевников.

Так называемая вайнахская башенная культура окончательно формируется в XIV–XV вв., создавая свои специфические архитектурные формы, которые уже не встречаются в других регионах Кавказа.

¹⁹³ Виноградов В.Б., Чаккиев Д.Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // Советская этнография, 1984, №1. С.98 - 110.

¹⁹⁴ Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002. С.143.

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ

Петроглифы на башенных постройках и склепах широко распространены по всей горной зоне Чечни. Ранее считалось, что они встречаются главным образом в восточных районах, граничных с Дагестаном и Северо-Восточной Грузией. Исходя из этого, А. Голан сделал вывод о том, что в древности данный район населяла этническая общность, у которой были в ходу культовые символы, «унаследованные последующими разноплеменными насельниками означенной территории»¹⁹⁵.

Однако полевые исследования, проведенные нами, показали, что петроглифы характерны для всей территории горной Чечни, от селения Хой на востоке до ущелья Цеча-Ахк на западе. При этом символика обнаруживает удивительное культовое и стилистическое единство в ареале распространения, что говорит о единых этнических корнях его населения. Петроглифы есть и западнее, на территории Северной Осетии и Карачаево-Черкессии, то есть в районах, где в течение нескольких тысячелетий вплоть до монголо-татарского нашествия существовал единый этнос, создавший майкопскую, северо-кавказскую, кобанскую и аланскую археологические культуры.

До последнего времени считалось, что петроглифы возникли в эпоху активного строительства башен и склепов, то есть в XI – XVI вв. На самом деле оказалось, что они гораздо древнее и имеют сходство со знаками, нанесенными на керамику и металлические изделия племен – создателей куро-араксской, майкопской, северокавказской археологических культур и особенно кобанской культуры начала I тыс. до н.э.¹⁹⁶. Также они имеют прямые аналогии в культовой и бытовой символике сарматов и алан.

У чеченцев до нашего времени сохранилась традиция ритуального использования элементов старого жилища в строительстве нового. Когда чеченец строит дом, разбирая старый, он всегда укладывает в фундамент нового дома хотя бы камень или кирпич из разбираемого строения, для того чтобы перенести оттуда благодать, сохранить материальную и духовную связь с предками.

В средневековье, как уже говорилось, при строительстве новой башни в ее стены укладывались камни с петроглифами из стен старых построек. Поэтому камни с петроглифами нередко отличаются от основного материала по характеру обработки и даже по цвету. Но при этом они были не элементами декора, а сохраняли свое культовое значение. Камни с символами часто встраивались не в фасад здания, а в углы или в боковые стены, при укладке в стену башни нескольких камней с петроглифами они всегда составляют

¹⁹⁵ Голан А. Миф и символ. С. 120.

¹⁹⁶ Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.131 – 135.

Автор в селении Харкаррой

определенную смысловую композицию.

Особенно это бросается в глаза на жилой башне в западной части селения Васеркел, которая возвышается на высоком крутом обрыве над речкой Майстойн-эрк. На ее южной стене сохранилась пиктографическая надпись. Камни, на которые нанесены знаки, светловатого оттенка и отличаются от других камней кладки тщательной отделкой и даже полировкой, они, несомненно, древнее, чем сама башня. Башня построена из сланцевых плит, как и все постройки в селении, то эти камни иного происхождения; возможно, уже с выбитыми на них петроглифами, они были принесены из другой местности.

В этом отношении представляется интересной связь названия этой исторической области – «Майста» (более древний вариант - «Маас-та») с именем столицы средневековой Алании – Маас. По преданию, после монгольского

Арка входного проема с петроглифами.
Селение Жоголдой

нашествия чеченский Мехк-кхел – Высший Совет страны перебрался из равнинной Чечни (Алании) в высокогорье, сначала в Мелхисту, а затем в Майсту.

Возможно, вместе с политической элитой в Майсту из Мааса перебрались врачеватели, знатоки традиционного права, ремесленники.

В средневековье и в новое время жители Майсты славились искусством врачевания. Майстинцы знали секреты многих целебных трав, с давних времен умели делать трепанацию черепа и особенно искусно лечили раны, нанесенные холодным и огнестрельным оружием. Искусство местных целителей привлекало сюда людей не только из Чечни, но из Грузии, Осетии, Кабарды. В Майсте существовали жреческие фамилии, которые передавали по наследству тайны магии, секреты гипноза.

Особенным авторитетом среди чеченцев жители Майсты пользовались как знатоки традиционного права. Вплоть до 1944 года существовал Майстойн кхел, своего рода верховный суд Чечни, где знатоки права за определенную мзду разбирали тяжбы и споры не только чеченцев, но и ингушей, грузин. В Майстойн кхел обращались в том случае, если при разбирательстве дела другие судебные учреждения заходили в тупик. Суд майстинцев считался справедливым, и его решения всегда исполнялись.

Кроме того, майстинцы были еще и прекрасными строителями. Согласно фольклорным источникам, они строили башни не только в горах Чечни, но и в Хевсуретии и Тушетии.

Все это может быть подтверждением миграции жителей столицы средневековой Алании в высокогорье, а также возможности перемещения некоторых петроглифов из равнинных каменных построек в горы.

Согласно тегтарам (семейной хронике), хранившимся у предков Ахмеда Сулейманова до февраля 1944 года, после крушения аланской области Сим-Сим в войне с Тимуром, царь и приближенные отступили на запад с большим караваном, нагруженным оружием и казной. Они дошли до реки Аргун и на левом берегу его, на высоком мысе, заложили мощное башенное укрепление. Остатки этого укрепления сохранились до наших дней под названием «Кирда-бавнаш». Потомки царя пытались утвердиться здесь, назначив князьями своих вельмож Бийриг Бичу и Элди Талата, которые сразу же начали междоусобную войну. Царь и его сын Бара не сумели укрепиться здесь, восстановить прежнюю власть и вместе со своим войском ушли частью в Китай, частью в Японию¹⁹⁷.

Хотя в археологическом плане эти места совершенно не исследованы, есть основания предположить в этом предании историческое ядро.

По всей видимости, жители селений Терлой-мохк в большинстве своем являются потомками алан (находящихся жителей равнины), пришедших в эти места после полного уничтожения войсками Тимура городов и поселений Алании, основным и наиболее активным этносом которой были нахи

Бекхайла

¹⁹⁷ Сулейманов С. Топонимика Чечни. Нальчик, 1997. С.100 – 101.

Боевая башня в селении Шунди

Боевая башня на берегу
Меши-хи

(чеченцы). Продвижение жителей равнины в горные районы в эпоху войн с монголо-татарами и особенно с Тимуром прослеживается и по археологическим материалам, прежде всего, по уровню развития архитектуры. Башенные строения Терлой-мохк являются вершиной чеченского народного зодчества. Боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей и сводчатым потолком на уровне второго этажа, пятиэтажные жилые башни, арочные проемы с замковым камнем, культовые памятники, селения, построенные и расположенные по всем законам фортификации – все это говорит о том, что архитектура в этом районе горной Чечни в период средневековья достигла наивысшего развития. Но в отличие от восточных районов (ущелье Добра-ахк, Кокадой) здесь не сохранились архаичные постройки, которые являлись бы свидетельством преемственности древних местных архитектурных традиций. Это может объясняться тем, что мигрировавшее сюда аланское (нахское) население уже обладало развитой техникой строительства и высоким мастерством¹⁹⁸. Позднее строители башен из Никароя, Бавлоя, Опши стали известными мастерами и воздвигали башни не только в Чечне, но и по всему Северному Кавказу.

¹⁹⁸ Расцвет народной архитектуры в XIV - XVI вв. в горной Чечне можно объяснить массовой миграцией в эти районы равнинного населения, в том числе и ремесленных общин, которые принесли сюда новые строительные технологии.

Васеркел. Боевая башня

Об аланском происхождении терлойцев может свидетельствовать и информация об использовании жителями этих районов древнегреческого письма, что в этой части Кавказа было свойственно прежде всего аланам¹⁹. В частности, о надписи, выполненной древнегреческими буквами на стене склепа, расположенного у укрепления Кирд-бавнаш, писал в XIX в. русский исследователь М.А.Иванов²⁰⁰. И, конечно же, информация об этом сохранилась, хотя и в искаженном виде, в народных преданиях и в топонимике. К примеру, местные жители называли склеп у укрепления Кирд-бавнаш «Бийриган Бичин маьх каш» – склеп Бийриг Бичи. При этом сюжетная композиция из петроглифов в Майсте аналогична пиктографической надписи на боевой башне у селения Шунди в Терлое.

Боевые башни и поселение Элда-пха предание связывает с именем аланского феодала Элди Талата, который, согласно тептарам, был придворным

Васеркел. Жилая башня

¹⁹⁹ Жители других районов горной Чечни в раннем средневековье пользовались грузинским алфавитом.

²⁰⁰ Иванов М. А. В горах между рр. Аргуном и Фортангой. // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1904, Т. 17.

Васеркел

аланского царя, так же как и Бийриг-Бич, владелец укрепления Кирд-бавнаш. Они находились в состоянии постоянной вражды, которая закончилась лишь после смерти обоих.

Предания о миграции равнинных нахов – алан – в высокогорье сохранились и в других районах горной Чечни: в Терлое, Мелхисте, Шарое. Дополнительным аргументом в подтверждение этих преданий могут служить прямые аналогии чеченским петроглифам в знаках-тамгах сарматов и алан²⁰¹.

Как мы уже говорили выше, петроглифы характерны для всей территории горной Чечни, где сохранились средневековые постройки. И количество их, так же как и стилистическое разнообразие, зависит не от района и не от близости к другим регионам Кавказа (Грузии, Дагестану), а от степени сохранности древних построек.

Петроглифы, имеющие аналогии в древнейших археологических культурах Передней Азии и Европы, сохранились во всех исторических областях горной Чечни. И даже в Ичкерии, где из-за отсутствия камня не было каменных построек, мы обнаруживаем те же, но только стилизованные символы на надмогильных камнях – чуртах.

После гибели аланского государства на равнине колыбелью современного чеченского этноса стала горная Чечня. Согласно чеченским преданиям, в этот период столица чеченцев находилась в Нашхе, в окрестностях высокогорного озера Галанчож. Отсюда вышли все коренные чеченские тейпы и расселились на восток и север, от Ичкерии до берегов Сунжи и Терека. В Нашхе долгие годы собирался Мехк кхел – Совет страны, в который входили представители вольных нахских обществ. Нашх, вероятно, был своего рода перевалочным пунктом для чеченских племен при их миграции с запада на

²⁰¹ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 169 -177.

восток. О том, что нахские племена в древности занимали западные области Кавказа, свидетельствует топонимика этих мест, подтверждают это и некоторые исторические источники, например «Армянская география VII века» Анания Ширакаци, а также труды античных авторов.

По мнению Ю.Д. Дешериева, чеченцы как этнос сложились на территории к западу от Аргунского ущелья. Именно здесь они осознали себя как единый народ – «къам» и единую страну – «мохк». Здесь зародились основы чеченской духовной культуры, сформировались религиозные культы, мифология чеченцев²⁰².

В средневековье после опустошительных нашествий диких орд кочевников, вначале монголов, затем Тимура, равнины Северного Кавказа совершенно обезлюдели. По свидетельствам современников, во время многодневных переходов в этих районах по пути не встречалось ни одного селения, ни одной живой души. Все оставшиеся в живых переселились в недоступные горные ущелья, которые к этому времени уже были заселены родственными жителям равнин по языку и происхождению горными племенами.

Средневековая вайнахская народность, истоки которой восходят к древним нахским племенам, населявшим территорию Северного Кавказа от побережья Черного моря до Каспийского по крайней мере с эпохи ранней бронзы, сформировалась в постмонгольский период в горах, в междуречье Терека и Аргуна, в результате слияния жителей равнины – алан и горцев, населявших эти районы с древнейших времен.

Горную Чечню с запада на восток пересекают четыре параллельных хребта, которые повышаются к югу. Самый северный из этих хребтов, который называется Черными горами, относительно невысок, имеет округлые очертания и от подножий до вершин покрыт густым лесом. За ним тянется Пастбищный хребет, «разветвляющийся» на несколько хребтов, вершины которого достигают более двух тысяч метров. Южнее – Скалистый хребет с вершинами более трех тысяч метров. Вершины Бокового хребта, который является южной границей Чечни, достигают более четырех тысяч метров и покрыты вечными льдами.

С юга на север горные хребты рассекают четыре реки – Асса, Фортанга, Аргун и Шаро-Аргун, образуя узкие ущелья и широкие котловины. В них впадает множество более мелких рек, образующих боковые ущелья.

Водопад в Аргунском ущелье

²⁰² Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения кавказских горских народов. Грозный, 1963.

Самой крупной рекой в горной Чечне является Аргун, который берет начало в Хевсуретии, а Аргунское ущелье – одно из крупнейших по протяженности ущелий Кавказа. Оно тянется почти на сто двадцать километров: от Хевсуретии до Черных гор и выходит на Чеченскую равнину. Аргунское ущелье расположено в самом сердце Чечни. Слева находятся ущелья Нашха, Терлой и Акки, справа – каньоны Шароя, ущелья Чеберлоя и горные долины Ичкерии.

Водопад в ущелье Шаро-Аргуна

Возникновение исторических областей, в которых складывались субэтнические общности и диалектные особенности, во многом определялось ландшафтом местности. В территориальные союзы объединялись прежде всего сельские общины, которые располагались в пределах относительной доступности по отношению друг к другу в сложных условиях гор. Например, историческая область Чеберлой сложилась вокруг Макажойской котловины, область Терлой – вдоль ущелий реки Никарой-ахк и его притоков, Мелхиста – в ущельях рек Мешхи-хи и Бяста-хи, Шарой – вдоль берегов реки Шаро-Аргун и его притоков, в тукхум Шуотой объединились жители Шатойской котловины и примыкающих к ней ущелий. История горных областей Чечни связана с генезисом чеченских обществ – ассоциаций чеченских тейповых общин.

Ичкерия или Нохчимохк – историческая область на юго-востоке Чечни. Чеченские общины, мигрировали в Ичкерию из западных районов Кавказа через Нашх после ухода войск Тимура, частично вытесняя, частично ассимилируя живущие здесь племена, которые, по всей видимости, также были нахоязычными²⁰³. По преданию эгашбатыцев, основатель их тейпа Эгиш и его брат Галгай были сыновьями жившего в Нашхе легендарного Мааша. Позднее они расселились в разные стороны. Эгиш поселился в междуречье Гумса и Хулхулау, а Галгай в Ассиновском ущелье.

По мнению В.П.Кобычева, язык предоставляет нам дополнительный аргумент в пользу того, что предки современного вайнахского населения сравнительно поздно продвинулись в занимаемые

им в настоящее время места по долинам рек Ассы и Армхи. В более раннюю пору эту территорию занимали этнические группы, стоявшие по языку ближе к чеченскому племени²⁰⁴.

По одной из генеалогических легенд, основателем Ичкерии был Молкх, переселившийся сначала из Майсты в Нашх, а оттуда вместе со своим сыном Тинин-Вис в Ичкерию.

М.К.Туманов на основе лингвистических соответствий и данных топонимики пришел к выводу о том, что чеченцы (нахчи) были одним из древнейших племен Урарту²⁰⁵. По его мнению, «предки современных чеченцев

²⁰³ Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 166.

– отпрыски арийских мидийцев, матианов, живших в одной сатрапии с урартийцами. Пережив последних, они окончательно исчезли из пределов Закавказья к началу VIII века н.э.»²⁰⁶. Его предположение перекликается с информацией хроник некоторых чеченских тейпов о перемещении их предков из Передней Азии на Северный Кавказ в VIII в н.э. В генеалогических преданиях чеченских тейпов также есть информация о том, что после гибели государства Урарту часть его населения мигрировала на Северный Кавказ

Гамхи

Жилая башня с петроглифом. Ца-Кале

²⁰⁴ Там же. С. 170.

²⁰⁵ Туманов М.К. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913. С. 27.

²⁰⁶ Там же. С. 117.

Гучан-Кале

через Грузию и Дарьяльское ущелье. Топонимы с корнем «бен-» встречаются и в Грузии, и в Ингушетии, и в западных районах Чечни, что вполне может быть следами древней миграции с юга.

В Ичкерии практически не сохранилось памятников средневековой архитектуры. Это связано с тем, что здесь не было основного строительного материала — камня, и поэтому жители Ичкерии строили деревянные башни. Согласно фольклорным и историческим данным, каменная боевая башня с пирамидальной кровлей стояла у аула Харачой. При раскопках возле ее развалин были обнаружены археологические материалы XIV–XV веков, а к востоку от башни — аланское поселение.

В прежние времена деревянные сторожевые башни располагались у всех стратегически важных высот и дорог Ичкерии. По преданию, до прихода в Ичкерию колонистов из Нашха, здесь жили орстхойцы. С ними связаны некоторые башни в Ичкерии, которые упоминаются в старинных легендах. Несмотря на то, что здесь нет петроглифов, древняя символика нахов сохранилась на мусульманских могильных стелах — чуртах, а также в орнаменте ковров и декоре изделий из дерева.

Акки — горная область на западе Чечни в районе озера Галанчоуж и в верховьях реки Гехи, граничащая на юге с Кей, на востоке с Нашхом, на севере с Ялхарой, на западе с Мержой. Еще в позднем средневековье аккинцы занимали территории к западу не только от истоков Гехи, но и Фортанги и Ассы. Аккинцы тейпа Ваппи жили и в Джейрахском, и в Дарьяльском ущельях в селениях Ларс,

Гвилети. В русских источниках того времени упоминается владетель Ларсова кабака (селения — Л.И.) Салтан-мурза²⁰⁷, который был братом Ших-мурзы Окоцкого²⁰⁸.

В XV–XVI вв. часть аккинцев мигрировала на восток в — Ичкерию, а также в районы расселения нахского племени «овхой» (сегодня это западные районы Дагестана). Позже в эти же районы переселились орстхоевцы (цечой) из ущелья Цеча-ахк, пешхой²⁰⁹, а также представители многих чеченских тейповых общин. В результате появился чеченский субэтнос, который, идентифицируя себя как часть чеченского этноса, выделяет себя в нем как «акки», в отличие от «лам-акки» — горных аккинцев, которые сегодня живут почти во всех районах Чечни и никак не отделяются от остальных ее жителей.

Еще ранее, в XIII–XIV вв. часть аккинцев из тейпа Ваппи переселилась в Кахетию и Тушетию, где они сейчас известны как «бацбийцы» или «цоватушинь»²¹⁰. Перикитские тушины называют бацбийцев «ваппий», по названию тейпа, а дидойцы — «чагма-аю», что, впрочем, также отражает их отно-

²⁰⁷ Из статейного списка русских послов в Кахетию князя С.Г. Звенигородского и дьяка Т.Антонова об их переговорах в Терском городе и на Суншинском городище с окоцким мурзою Шихом, об их пути от городища в Кахетию через Дарьяльское ущелье, о переговорах с мурзой Ларсова кабака Салтаном и др., 1589 г. августа 21 — октябрь — Док.№10 // Кушева Е.Н. Русско-чеченские отношения (Вторая половина XVI–XVII в. М, 1997. С.25).

²⁰⁸ Ших-Мурза Окоцкий — согласно русским документам XVI в., владетель Окоцкой земли. «Ококами», «окочанами» в русских источниках XVI–XVII вв. называли чеченцев, компактно переселившихся из Акки и других горных районов на равнину, на границу с Дагестаном.

шение к тукхуму Акки. Основная часть бацбийцев проживает в селении Земо-Алвани и практически ассимилирована грузинами. Язык их является бесписьменным и относится к нахской группе кавказской семьи, но испытал сильнейшее влияние грузинского языка и в лексике, и в морфологии.

В Акки сохранились руины заброшенных селений Акки, Зенгали, Бици, Керети, Воуги, Итиркале, Кежвинчу, Ердичу, Газани, Хахальги, Орзумкале, Тишли. Несмотря на множество древних селений, до нашего времени в более или менее сохранном виде дошло очень мало памятников архитектуры.

В селении Зенгали, расположенном к югу от озера Галанчоуж, на левом берегу реки Гехи, осталось около двадцати жилых башен различной сохранности, построенных из хорошо обработанного камня. По информации В.И. Марковина, на стене одной из жилых башен есть изображение свастики. Отдельные жилые и полубоевые башни сохранились в селениях Бици, Керети, Мизиркала.

Дожившие до наших дней архитектурные строения свидетельствуют об удивительном мастерстве их строителей. Акки, как и Терлой и Майста, славилась своими мастерами. К одному из красивейших памятников жилой архитектуры чеченцев можно отнести жилую башню Мизир-Кала, которую отличает изящество пропорций, утонченный декор, высокая техника строительства, что обычно более характерно для боевых башен.

Над левым берегом речки Акки-хи, на высоком каменном обрыве, расположена, встроенная в скальную нишу, башня Итиркале. Ее можно назвать маленькой крепостью. Доступ к ней невозможен, так как деревянные мостки, переброшенные со скалы на скалу, давно рухнули. Стены почти полностью развалились, остались только фрагменты. По информации Р. Арсанукаева, в Акки сохранились руины четырех святилищ: Сели-те у селения Зенгали, Тишолг у селения Тишли, Йордие у селения Ердичу, Цай у селения Газани²¹¹.

К востоку от Акки находится Нашх, это историческая область у истоков реки Гехи. На западе она граничит с Акки-мохк, на юге — с обществом Терла, на востоке — с Пешхом. В позднем средневековье Нашх был густо населен, о чем напоминают руины древних селений Моцарх, Чармах, Хайбах, Тийст, Хилах, Могуст, Хижигхо, а также многочисленных хуторов и отселков.

В селении Хайбах сохранилась боевая башня с пирамидальной кровлей. Она была построена в XVII в., а в наше время реставрирована. На камне башни петроглиф в виде креста, а пирамидальную кровлю завершает белый

Дере. Боевая башня

²⁰⁹ Сохранилось предание о том, что представители тейпа пешхой жили и в Ичкерии, но позже переселились в Аух.

²¹⁰ Чеченцы называют бацбийцев «дой-бадой», в отличие от «туш-бадой - тушин», которые также генетически связаны с древними нахами Закавказья. Н.Г.Волкова пытается отнести бацбийцев к ингушам (см. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. М: 1973. С.161), не имея, однако, для этого достаточных оснований. Субэтном «фяппий» появляется позднее, когда аккинское, а затем и галгайское население районов, примыкающих к Дарьяльскому ущелью, смешивается с осетинским, образуя новый субэтнос с особым диалектом, который испытал сильнейшее влияние осетинского языка.

²¹¹ Арсанукаев Р. Чеченские петроглифы. Париж, 2005. С. 94.

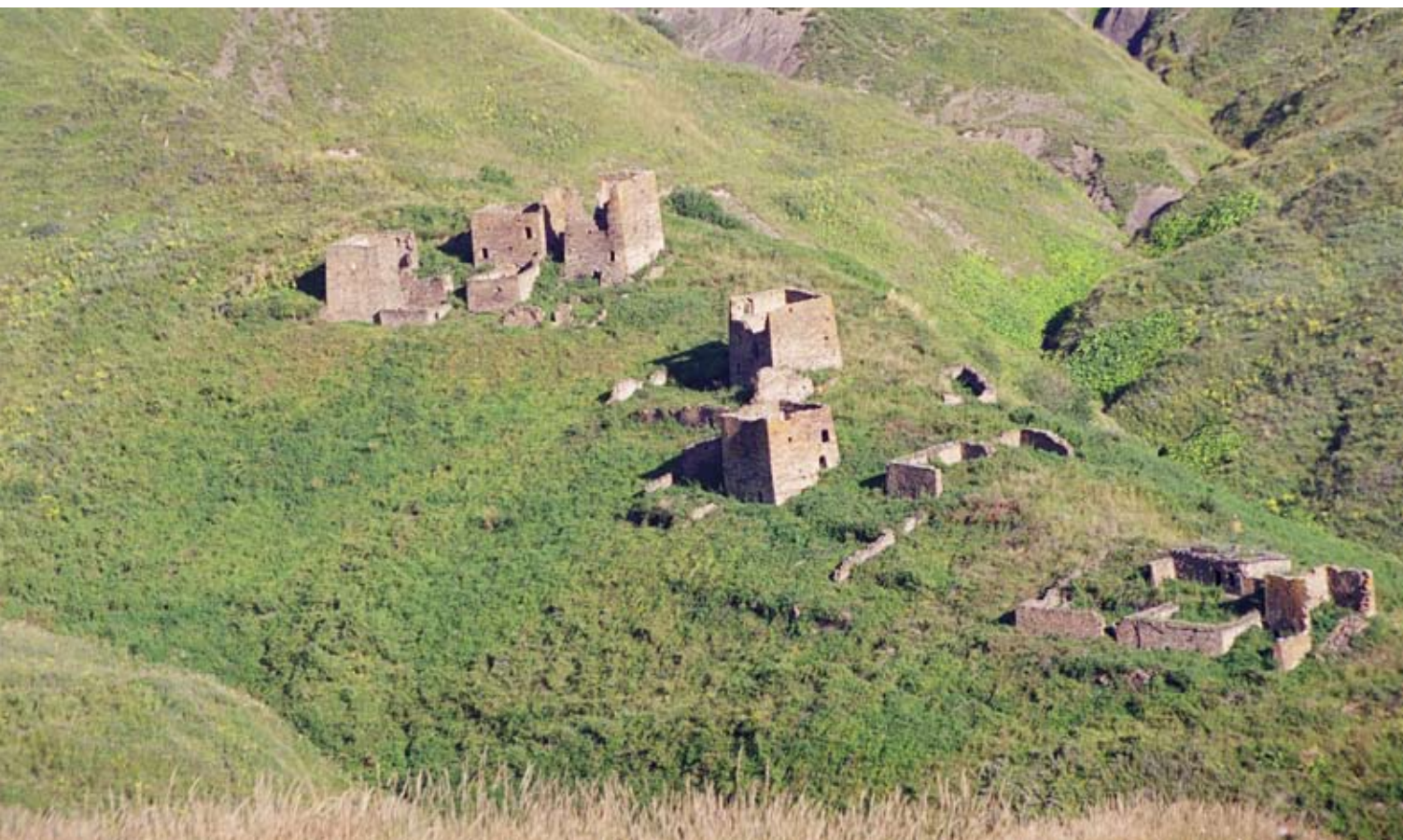
конусообразный камень – цурку. К северу от боевой башни – руины комплекса, состоящего из боевой и жилой башни, от него остались только часть стен и отдельные детали.

К западу от селения Моцарх на отвесной стене горы Нашхойн-Лам сохранилось башенное убежище. Оно находится на высоте более десяти метров от склона и представляет собой скальные ниши в три яруса, заложенные камнями, с дверными и оконными проемами. В прежние времена в таких убежищах пастухи и путники укрывались от случайных нападений или могли жить кровники, скрываясь от мести врагов.

В селении Тийста сохранилось несколько жилых башен, в которых люди жили вплоть до выселения в 1944 году.

От села Чармах остались только руины башен. Недалеко от селения, на окраине древнего кладбища, стоит крестообразная стела, с которой связана старинная легенда. Она гласит: «В давние времена, жила здесь красивая девушка, которая была очень гордой и своенравной. Многие сватались к ней, но никому она не отдавала предпочтения. И вот один юноша решил во что бы то ни стало жениться на ней. Он собрал дружину, чтобы захватить ее силой. Узнав, что воины приближаются к ее селу, девушка произнесла заклинание, и все они превратились в камни. Эти камни до сих пор можно видеть на склоне горы, у селения Чармах»²¹². Рядом с селением обнаружены пещерные захоронения. В Нашхе было около десяти языческих святилищ, посвященных языческим божествам Селе, Тушполи, Цу, Елте. На камнях средневековых построек в селениях Моцарх, Хайбах сохранились петроглифы в виде косых

Зенгали

Икалчу

крестов, розетки, спирали, стилизованных человеческих фигур, сцены охоты на оленя.

К северу от Акки и к северо-западу от Нашха находилось чеченское общество Ялхарой. Многочисленные руины боевых и жилых башен сохранились в селениях Басарача Ялхара, Хевхерча Ялхара, Амка. В этом районе обнаружено большое количество пещерных захоронений, а также изображающие охоту на оленя древние наскальные рисунки, нарисованные краснокоричневой краской²¹³.

Озеро Галанчож, находящееся на границе этих трех обществ, считалось священным, упоминанием его духов скреплялись клятвы. Сохранилась легенда, повествующая о его возникновении: «Близ аула Ялхарой, в месте, называемом Амка, было прежде озеро. Однажды одна женщина со своей дочерью отправились на берег озера и стали стирать грязные пеленки в его хрустальной воде. Дух озера за это осквернение обратил обеих женщин в камни, которые и теперь еще виднеются у Амка. Но и озеро не захотело больше оставаться в оскверненном ложе. Оно обратилось в чудного рослого быка, который перешел скалистый кряж и спустился вниз с почти отвесной высоты. Затем бык подошел к тому месту, где теперь лежит озеро, и где прежде были расположены пахотные участки. Толпа людей, занятых полевой работой, увидев быка, подошла к нему; все дивились его росту и заспорили между собою; одни говорили: давайте, впряжем быка в плуг; другие говорили: нет, не трогайте его, это божий бык. Однако голоса тех, которые хотели запрячь быка, пересилили, и божий бык был подведен под ярмо. Когда он вел пер-

Кокадой. Жилая башня

²¹² Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. С. 184-270.

²¹³ Там же. С. 184-270.

вую борозду, - в ней выступила грязь; при второй борозде стало еще мокрее; при третьей – из земли выступила вода, при четвертой – вода хлынула стремительно, затопила поле и всех людей, запрягших чудесного быка, который затем исчез в водах озера».

Озеро Галанчо́ж и его окрестности были когда-то культовым центром чеченцев. Особо здесь чтился, помимо других общечеченских культов, культ божества плодородия Тушולי. У селения Вийлах сохранилось каменное изваяние этого божества.

Согласно историческим источникам XVIII в., Галанчо́ж являлся в свое время центром распространения христианства среди чеченцев. По свидетельствам путешественников, здесь еще в конце XVIII столетия сохранялись христианские храмы, которые, правда, к тому времени уже утратили культовое значение.

Орстхой (Арштхой, Эрштхой) – историческая область Чечни, которая находилась к западу от Акки и Ялхарой и включала в себя район, примыкающий к озеру Галанчо́ж, ущелью реки Фортанга, а также Ассы в нижнем ее течении.

После ухода с Кавказа отрядов Тимура орстхойцы одними из первых спустились в предгорья, а затем и в долину между реками Сунжа и Асса. Здесь они столкнулись с кабардинцами, которые вели тогда кочевой образ жизни и пасли свой скот на освободившейся после ухода монголов территории. В российских документах XVII-XVIII вв. они упоминаются под названием мерези (мержой), балсур. Как свидетельствуют исторические и фольклорные источники, этнонимом «орстхой/ арстхой» первоначально обозначались все находящиеся жители предгорья. А та часть нахов, которая с XVIII в. стала называться «орстхой», в более ранние времена имела племенное название «балой», и в нее входили и акки, и пешхой, и некоторые другие чеченские тейпы. По всей видимости, это была каста воинов. Сами орстхой считают себя выходцами из Нашха, из ущелий Балой-Лам, за исключением членов тейпа Мержой, которые называют себя «мержой, пришедшие с берегов реки Зугур, впадающей в Черное море».

Согласно фольклорным материалам, до прихода чеченцев из западных районов Кавказа в Ичкерии и Чеберлое также жили орстхойцы, которые говорили на языке, имевшем некоторые отличия от чеченского языка. Но вряд ли их сегодня можно идентифицировать с жителями Эршты.

Хотя область находится на самом западе Чечни, архитектура ее по своим основным параметрам тяготеет к формам, характерным для Центральной Чечни, то есть Аргунского ущелья. В селении Цеча-Ахк немало башенных построек самых разных эпох. Древнейшее поселение Цеча-Ахк относится к I тыс. до н.э.. Оно состоит из циклопических построек, которые пред-

Копирование петроглифов

ставляют собой сооружения прямоугольного плана, возведенных из огромных необработанных камней. Здесь сохранились также постройки аланской эпохи (о чем свидетельствуют археологические материалы), средневековые боевые и жилые башни.

Мелхиста – древняя историческая область Чечни, расположенная на левом берегу Аргуна, на границе с Грузией, между руслами рек Мешхи-Хи и Бяста-Хи. Мелхиста в переводе с чеченского – «страна солнца». Название это, вероятно, связано с тем, что солнце считалось тотемным предком чеченского племени, жившего здесь. В древние времена основным религиозным культом здесь, как, впрочем, и во всей Чечне, было поклонение Солнцу. Пережитки его в разных формах долго сохранялись у нахов. До нашего времени сохранилась у чеченцев клятва Солнцем и выражение: «Малх санна ц'ена», то есть чистый, как Солнце, или святой, как Солнце. Остались в Мелхисте и следы бывшего христианства. Прежде всего, в топонимике, например в названии селения Джарие – «Крестовое», которое расположено по правому берегу Мешхи-хи, а также родника Джарие-Хьостуй – «Крестового родника», протекающего недалеко от селения. О христианстве напоминает изображение в виде распятия на боевой башне в Цой-Педе, а также изображение человеческой фигуры с копьём, по всей видимости Святого Георгия, которого очень почитали на Кавказе.

Духовным центром Мелхисты было селение Цой-педэ. В его северной части находится некрополь, состоящий из полусотни каменных склепов. К тому времени, когда строились склепы, в Мелхисте суще-

Майста. Боевая башня

Майста. Склеп в скальной нише

Макажой. Мечеть

ствовал общечеченский языческий пантеон, и мелхинцы поклонялись Деле, Тушоли, Цу. Именно божеству Цу было посвящено селение Цой-педе, что отразилось в его названии. К югу от «города мертвых» находилось прежде селение Цой-Педе, отделенное от некрополя прочной каменной стеной, примыкающей к башне. В южной части мыса на высоком обрыве сохранился комплекс, состоящий из боевой и жилых башен.

Вследствие удаленности от равнины и хороших естественных укреплений и фортификационных сооружений, построенных по всему Аргунскому ущелью, до Мелхисты редко доходил внешний враг. Но междоусобные войны, кровная месть терзали эту землю. Подобное положение старики-мелхинцы объясняли проклятием Ун-Наны, богини болезней. Когда-то в Цой-Педе жили три брата – Цатеш, Матеш и Макхера. Они совершали поминки по своей матери и приносили в жертву скот. Все именитые мелхинцы собрались

на поминки. Туда пришла и Ун-Нана, чтобы напустить на людей заразу. На плечах у нее висели переметные сумы, полные золы. «Если мы не убьем Ун-нана, то она погубит наших гостей», – подумали братья и ударом сабли отсекли ей голову. Голова Ун-наны покатила по склону и пробормотала: «Да не придет моровая болезнь в Мелхисту, да не иссякнут война и вражда среди мелхинцев»²¹⁴.

К северу от Цой-Педе на самой вершине хребта Коре-лам расположено башенное селение Коротак. На его восточной окраине находится башенный комплекс, состоящий из боевой и жилой башен, а также высокой каменной стены, примыкающей к ним. Много средневековых башенных по-

Нашх

Нижняя Туга

Некрополь Цой-Педе

строек и в селениях Тертие, Мешы, Икалчу, Комалх. На башнях и склепах в Мелхисте сохранилось большое количество петроглифов: и в виде креста, и в виде круга с лучами, и в виде розеток.

К северо-востоку от Мелхисты расположена территория чеченского общества Кей, на которой находятся руины средневековых селений Верхний и Нижний Кей, Авлах, Корах. На камнях средневековых построек в селении Нижний Кей – петроглифы, изображающие сцену охоты на оленя.

К юго-востоку от Мелхисты, вдоль границы с Грузией, находится Майста – древняя историческая область Чечни. Это самый суровый и прекрасный величественной красотой край горной Чечни. Вдоль реки Майстойн-эрк, притока Чанти-Аргуна, тянутся руины селений Васеркел, Ца-Кале, Пуога, Туга. Они располагаются в труднодоступных, стратегически важных местах, закрывая ущелья Майсты со всех сторон, неприступными замками вставая на пути врага. Во время монголо-татарского нашествия и гибели аланского государства на равнине Майста стала столицей Чечни. Здесь, согласно преданиям, жил легендарный Молкх, родоначальник части чеченцев, который затем переселился в Нашх. Одно время в Майсте собирался Мехк кхел страны нахов для решения насущных вопросов и выработки норм обычного права.

Майста долгое время оставалась культовым центром Чечни, здесь существовала жреческая каста, обладавшая тайными знаниями и умениями врачей-лечителей. В XIX в. население Майсты страдало от безземелья и нищеты, вынуждено было периодически

²¹⁴ Чеченский фольклор. Грозный, 1990. С. 135.

Озерой Кезеной-ам

мигрировать в другие регионы, главным образом в Грузию. Майстинцы в этот период занимались разведением овец и совершали набеги в целях наживы на Грузию.

От бывшего величия Майсты остались не только предания, но и огромное количество каменных построек, относящихся, по мнению ученых, к XII–XIV вв.

Особенно поражают воображение развалины средневекового башенного селения Васеркел, лежащего на высоком каменном утесе на правом берегу реки Майстойн-эрк. Руины каменных башен сливаются с серыми скалами, образуя причудливых очертаний замок. На самой вершине утеса стоит боевая башня, с которой просматривается вся окрестность, а также видны башни Ца-Кале и Пуога. На западной окраине башни нависают над тропой, которая идет вдоль реки. Селение Васеркел было расположено на пересечении путей из Дагестана в Аргунское ущелье и из Чечни в Грузию. Это была настоящая

Пакоц

средневековая крепость, с боевыми башнями, каменными стенами, практически неприступная для врагов. По преданию, она была разрушена во время войн еще в раннем средневековье, и с тех в ней никто не жил.

Недалеко от крепости Васеркел находится крупнейший на Кавказе некрополь – «город мертвых», состоящий из полусотни каменных склепов, разбросанных по склонам. Они служили усыпальницами для отдельных майстинских фамилий. В основном это небольшие каменные домики с двускатной кровлей из больших сланцевых плит, с квадратным лазом с лицевой сторо-

Пого. Боевая башня*Пого. Замок*

ны. Но встречаются и двухэтажные склепы, свидетельствующие о богатстве и могуществе фамилии.

К востоку от Васеркел на пологом склоне расположено селение Ца-Кале, или в переводе с чеченского языка – «поселение, посвященное божеству Цу». Ца-Кале – это оборонительный комплекс замкового типа, состоящий из одной боевой и нескольких жилых башен. Во дворе замка хорошо сохранился сиелинг – столпообразное святилище, у которого майстинцы до принятия ислама молились, просили покровительства и помощи в делах, приносили жертвы. На стенах башен в Ца-Кале много петроглифов: в виде спиралей, солярных знаков, стилизованных фигур людей, а также обязательное почти на всех башнях изображение руки. Но наиболее интересной представляется надпись в виде петрографического письма на стене жилой башни в Васеркел, находящейся на краю высокого обрыва. Это своеобразный документ древней письменности чеченцев, который еще предстоит расшифровать ученым. К западу от Васеркел и Ца-Кале по левому берегу Майстойн-эрк расположены башенные селения Пуога и Туга. Пуога – это несколько башенных комплексов, каждый из которых образует мощный замок, состоящий из боевой и нескольких жилых башен. Башни Пуога очень массивны и высоки, и построены с хорошим знанием фортификационного и военного искусства. На стене одной из жилых башен – петроглифы в виде двойной спирали, креста, человеческой ладони.

К северу от Майсты и к северо-востоку от Мелхисты находится Терлой-Мохк – историческая область на юге горной Чечни. С юга она граничила с Кей-Мохк, с севера – с Дишни, с запада – с Пешхом, восточная граница ее шла по левому берегу Аргуна, где на высоком склоне стоял величественный комплекс из трех боевых башен – Кирда баьвнаш. По ее территории про-

Пога

Селение Васеркел. Жилая башня с петроглифами

Руины жилой башни с петроглифами. Селение Зумс

Селение Кокадой. Жилая башня с петроглифом в виде двойной спирали

Селение Зумс. Жилая башня с петроглифами

двух человеческих ладоней.

Селение Моцарой представляет собой замок, включающий в себя три жилые и одну боевую башню, обнесенные каменной стеной высотой более двух метров. На стенах жилых башен петроглифы в виде креста, свастики и спирали. Селение Ошна расположено на правом берегу реки Никарой-ахк, к востоку от Моцарой. Оно состоит из десятка жилых башен, на стенах которых

текают три левых притока Аргуна: Кенохой-ахк (Терлой-ахк), Шунди-ахк и БИавлой-ахк, по имени трех тейпов, живших вниз по течению этих рек и входивших в общество Терлой. В Кенохой-ахк в свою очередь впадали Никарой-ахк и Барай-ахк.

Неподалеку от селения Арстах находилось урочище «Дуйн жIаран пен – стена клятвенного креста». Здесь во времена христианства жители окрестных ущелий приносили присягу в случае судебных тяжб и давали клятву верности. Название Арстах может быть связано с чеченским «арц - предгорье» и аргументом в пользу равнинного происхождения местных жителей.

В селении Элда-Пха было три боевые башни. Одна башня полностью развалилась, от нее осталось только основание. Две другие сохранились на уровне двух этажей. На берегу реки в нижней части склона - руины мечети и стены отдельных построек, на камне одной из которых был обнаружен петроглиф в виде

петроглифы в виде двойных спиралей, розеток, креста в круге. Средневековые башенные постройки сохранились и в селениях Гурой, Барой, Гимрой. На стенах жилой башни в Гурой – петроглифы в виде свастики с закругленными концами, двойных спиралей, крестов, человеческих ладоней.

К востоку от ущелий Терлой расположена территория общества Чанти (Чаьнти). Она включала в себя также боковые ущелья, образованные притоками Аргуна, Дера-ахк, Кокадой-ахк. На западе она граничила с Дишни-Мохк и Терлоем, на востоке – с Шароом. Селение Итум-кале лежит в широкой котловине, образованной течением Аргуна. Здесь на возвышенном месте стояло

Селение Макажой. Руины древних построек с петроглифами

Селение Макажой

Селение Нижарой. Оконный проем жилой башни с петроглифами

прежде укрепление, состоявшее из нескольких боевых и жилых башен, обнесенных высокой каменной стеной. В наше время от укрепления остались руины боевой башни и комплекс каменных построек прямоугольной формы. Одно из сооружений, внутри которого сохранились остатки каменных колонн и тайники, обычные для культовых построек, исследователи считают древним языческим святилищем. Кроме того, здесь остались развалины нескольких жилых башен. Развалины боевой башни сохранились и на правом берегу Аргуна, при въезде в селение с севера. Она, по всей видимости, была сигнальной башней и соединялась визуальной связью с Бекхайлинским комплексом и замком Пхакоч.

К востоку от Итумкалинской котловины находится ущелье Тазбичи, образованное течением реки Дер-ахк. Здесь расположены селения Тазбичи,

Селение Ошни. Жилая башня с петроглифами

Селение Талкали. Жилая башня с петроглифами

Дере, Хаскали, Эткали, Хелды, в окрестностях которых сохранилось множество башенных построек. На арке оконного проема жилой башни в селении Хаскали сохранился петроглиф в виде человеческой фигуры с огромными растопыренными ладонями, который встречается на западноевропейской керамике I тыс. до н.э.

В селении Эткали, расположенном на высоком склоне, сохранились руины средневекового замка, от которого остались два этажа боевой башни и элементы каменной стены. На камнях башни множество петроглифов: розетка в двойном круге (солнечный знак), человеческая фигура с распростертыми руками, расположенная горизонтально, а также необычной формы знак, напоминающий стилизованную фигуру всадника. На северной стене башни – петроглиф в виде руки, опущенной вниз, а также символ в виде спирали.

Селение Хакмадой. Элемент стены с петроглифом

*Селение Харкаррой.
Руины древних построек с
петроглифами*

Не менее интересны боевые башни у селения Дере, представляющие собой фортификационные сооружения, типичные для вайнахской архитектуры. Боевая башня, которая стоит на высоком склоне на левом берегу реки Дере-Ахк, является более древней и по форме, и по технике строительства. Она была построена в XIV–XV вв. и являлась сигнальной башней. В верхней части южной стены – петроглиф в виде человеческой ладони.

На стенах жилой башни в селении Талкали петроглифы в виде странных человекоподобных существ. На арочном камне входного проема – стилизованная фигура человека и две свастики.

Территория общества Хиддехарой находится на правобережье Аргуна, она граничила на востоке с Хачарой, на западе – с Майстой, на севере – с Терлой-мохк, на юге – с Грузией. В ущелье реки Цийлахой-эрк сохранились руины селений Цийлахо, Саканахо, Хянга, Керисте, Пкиера, Лгонги.

К северу от Хиддехарой и к югу от ущелья реки Добра-ахк расположено Хачаройское ущелье. Здесь также можно увидеть в большом количестве руины древних построек, в том числе и боевую башню у селения Гамхи. Кроме нее, по словам местных жителей, в ущелье реки Хачарой-Ахк находилось несколько башенных комплексов. Хачароевская боевая башня, согласно преданию, была построена во времена, когда еще не было огнестрельного оружия, то есть в XIII–XIV веках. Среди руинизированных построек обнаружен камень с петроглифом, напоминающим летательный аппарат, а также петроглиф в виде свастики.

Немало руинизированных средневековых построек и к северу от Итумкале в Чинхойском ущелье. Боевая башня у селения Ушкалой полностью разрушилась, от нее сохранился один угол. Вниз по течению Аргуна, на его

правом берегу стоит башня, встроенная в выемку скалы. Сохранились различные легенды, связанные с историей создания этой башни, но в основном они не имеют ничего общего с действительностью.

В селении Зумс архитектурный комплекс состоит из четырех жилых башен, стоящих в нижней части села и одной жилой башни, стоящей на высоком холме среди более поздних построек. На стенах башен множество петроглифов различного вида: свастики, двойные спирали, кресты, которые представляют большой интерес для исследователей средневековых языческих культов. В селении Эйт-кале сохранился камень с рисунком, на котором изображены три горные вершины и восходящее солнце.

Историческая область Шатой, которая расположена к северу от Чанти, начиналась у самого входа в Аргунское ущелье и заканчивалась к югу селением Нихалой. В нее входили также селения боковых ущелий по течению Аргуна.

Аргунское ущелье с древнейших времен было важнейшей дорожной артерией Чечни. Через него проходили важнейшие пути в Грузию, Дагестан, Осетию. На перекрестках этих дорог, а также в наиболее стратегически важных местах, строились башенные укрепления.

Именно по Аргунскому ущелью наряду с Дарьялом проходил путь из Европы в Азию, из России в Закавказье и Переднюю Азию. Русские посольские и торговые миссии следовали в Грузию именно по этому пути вплоть до конца XVIII в. Об использовании ее чеченцами в конце XIX – начале XX в. писал Н.С. Иваненков: «Дальше на юг продолжение этой дороги обращается в выючную тропу, которая ведет в пределы Тифлисской губернии. По этой

*Селение Харкаррой. Жилая
башня с петроглифами*

же дороге, перевалив через главный хребет гор, можно доехать и до столицы Грузии – Тифлиса, и этим путем население пользуется, идя в Грузию на заработки».

Орды кочевников неоднократно пытались с севера прорваться по этому ущелью в Закавказье, но никогда им это не удавалось. Арабские войска в IX–X вв. штурмовали башни и башенные селения воинственных горных племен, которые мужественно отражали их попытки пройти по этому ущелью на север, прикрывая равнины родственных им алан.

Справа и слева вдоль течения Аргуна расположены боковые ущелья, через которые в него впадает множество мелких рек. На этой территории вплоть до Итум-калинской котловины жили чеченские тейпы, входившие в тукхум Шуотой.

В этих ущельях еще сто лет назад располагались многочисленные селения. Некоторые из них состояли из одних башен, жилых и боевых, некоторые имели внутри села или на окраине, чаще всего на возвышенности, укрепленные замки.

Чеченские башни подверглись интенсивному разрушению во время Кавказской войны. Много башен было разрушено и разобрано во время строительства военных укреплений русской армии: Евдокимовского, Шатойского, Воздвиженского. Камни использовались для строительства крепостных стен. Для того чтобы построить одну крепость, разбирались десятки башен в округе. По информации Н.С.Иваненкова, для постройки Евдокимовского укрепления у местных жителей было куплено и разобрано двенадцать каменных башен. Согласно А.П.Берже, две башни у входа в Аргунское ущелье были разрушены при строительстве Воздвиженского укрепления (на месте селения Чахкери)²¹⁵. При строительстве военного укрепления в Зонах также была разрушена боевая башня на окраине селения. Немало башен и древних могильников разрушили при расширении дороги вдоль берега Аргуна. Большинство найденных в то время различных предметов из могильников (статуэтки, украшения, культовые предметы, оружие) самых разных эпох просто вывезли. Они навсегда утрачены для истории чеченского народа.

Селение Химой. Жилая башня с петроглифами

Несмотря на варварское уничтожение древних сооружений, особенно последние двести лет, здесь сохранилось много памятников архитектуры: башен, склепов, святилищ, каменных стел, а также священных родников, заповедных роц, с которыми связаны легенды и предания.

Так, на западном склоне хребта Бэндук, который тянется по правому берегу Аргуна параллельно его течению, недалеко от селения Зонах находится обрыв «Кхо йоъ еха боъра» (обрыв, где обитают три девы). Согласно преданию, на вершинах этих скал обитали три божественные девы: Маблх-Азни, Дарий-Ден-Куока и Дийка-Дела-Йоъ. Предводитель нартов Сеска-Солса каждый день, утром и вечером, появлялся здесь

Селение Ца-Кале. Руины жилой башни с петроглифами

Селение Ца-Кале

²¹⁵ Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 30.

на своем сказочном коне, который совершал прыжки с хребта БИен-Дук на гору Ердн-Корт, а с Ердн-Корт перепрыгивал на вершину Нохчийн-барз. Сестрам надоели ухаживания Сеска-Солсы, и они вместе со своей матерью Сатой переселились на вершину Дакох-Корт, которая находится в Майсте на границе с Хевсуретией. У жителей Майсты было поверье, согласно которому на вершине горы Дакох-Корт живет Дика – богиня добра и справедливости, научившая людей различать добро и зло.

Впервые в этнографическом очерке А.Ипполитова упоминаются две боевые башни у въезда в селение Шатой с севера, на левом берегу Аргуна²¹⁶. Согласно легенде, которая приводится многими авторами, эти башни были построены двумя братьями. По преданию, один из братьев убил другого в ссоре, возникшей из-за пленницы, сам же покинул навсегда родные места. Башни со временем разрушились. На самом же деле, вероятнее всего, эти башни были сторожевыми и контролировали проходящую рядом дорогу. Подтверждением этому может служить и тот факт, что боевые башни (а шатоевские башни являются боевыми) практически никогда не использовались как жилые и, в целом, не были приспособлены для этого. Боевая башня Гучан-Кале расположена на правом берегу реки Аргун, на высоком скалистом мысе, который образует небольшая речка Гучан-эрк, впадающая в Аргун. Сохранились элементы башенных построек в скальных разломах у северной окраины селения Нихалой. Башня имела три этажа, потолком и полом ей служили скалы. Подобная же башня была и на высоком утесе при въезде в селение Башин-кале.

Селение Шарой. Боевая башня с петроглифами

Селение Шикарой. Жилая башня с петроглифами

Сегодня от нее остался только один угол. И нихалойская, и башинкалинская башни являлись частью сигнальной системы.

Название исторической области Шарой, расположенной к востоку от Чанги, вероятнее всего, связано с прилагательным «шера» – гладкий, пло-

Селение Шикарой

²¹⁶ Ипполитов А. Этнографические очерки Аргунского округа // Кавказские горы. Сборник сведений. Вып. I М., 1992. С. 34.

Селение Шунди. Стена боевой башни с петроглифами

Средневековое селение Хой

ский, которое в горных диалектах звучит как «шара». Оно может объясняться тем, что течение Шаро-Аргуна образует широкие ущелья с пологими берегами. Шарой состоял из нескольких десятков селений, крупнейшими из которых были Шарой, Химой, Хакмадой и Шикарой.

Селение Шарой представляло собой башенное поселение, состоявшее из трех боевых и нескольких жилых башен, которые были расположены недалеко друг от друга, образуя неприступный замок. Промежутки между отдельными строениями защищались каменными стенами. По сути дела, это была настоящая средневековая крепость, которая находилась на перекрестке важнейших дорог и занимала возвышенность, занимавшую стратегическое положение. Жители Шароя имели возможность контролировать дорогу из Закавказья и Дагестана в Аргунское ущелье, а также в Чеберлой и Ичкерии. На сегодняшний день из четырех боевых башен в селении полностью сохранилась одна, а также первый этаж второй. Сохранившаяся боевая башня стоит на юго-восточной окраине мыса, на котором располагалось древнее селение Шарой. С северо-восточной стороны мыс огибает небольшая речка Жоголдой-ахк, южная его сторона, постепенно понижаясь, террасами спускается к реке Шаро-Аргун. В верхней части мыса мощные базальтовые плиты

Хой. Боевая башня

Селение Шула. Руины жилой башни с петроглифами

Туга

образуют продолговатое плато, на котором были построены, в основном, все средневековые сооружения, на стенах которых петроглифы в виде двойных спиралей, стилизованных человеческих фигур, крестов.

Если Шарой являлся административным центром этой области, то селение Химой, которое находится в нескольких километрах к юго-востоку от него, было ее культовым центром. Согласно полевым материалам, на окраине Химоя были солнечные часы, которые представляли собой круг из огромных камней, в центре которого располагался высокий каменный столб. По всей видимости, это были не только часы, но и своеобразная обсерватория для наблюдения за движением Солнца. В древности, в определенный период развития культа Солнца, у чеченцев был наложен запрет на наблюдение за солнечным светилом. И жрецы наблюдали за тенью Солнца, считая ее ипостасью Солнца.

В средневековье селение Химой было настоящей крепостью с боевыми башнями, окруженной со всех сторон высокой каменной стеной. Здесь пересекались дороги из западных и северных районов Чечни в Грузию, Дагестан, Чеберлой. Первоначально жители Химоя были язычниками. Старики-химойцы, уже будучи мусульманами, ходили к святому месту у озера Кезеной-ам, которое в языческие времена называлось Ана-гучу. Позднее здесь была построена христианская церковь, от которой остались здесь только руины.

Из средневековых построек в селении Химой сохранились четыре полуразрушенные жилые башни. На их стенах выявлено несколько петроглифов: свастики различного типа на арочном камне входного проема второго этажа, кресты на арочном камне входного проема первого этажа, ладонь и спираль на угловом камне жилой башни, лабиринт на арочном камне, а также тройная спираль.

Селение Шикарой находится к северо-западу от районного центра Шарой, на высоком мысе, образованном небольшими речками, впадающими в

Шаро-Аргун с правой стороны. Мощные жилые башни с бойницами стоят на обрывистом краю мыса и плотным кольцом окружают его почти со всех сторон. Селение делилось на две части: Байдие – комплекс жилых башен в восточной, обрывистой части мыса и Пхидие – западная часть, расположенная на его вершине. Боевые башни, стоявшие в верхней части мыса, разрушены до основания, жилые башни сохранились лучше. На стенах башен много петроглифов различного вида: кресты, спираль, ладони, стилизованные антропоморфные фигуры.

Селение Хакмадой расположено к югу от районного центра Шарой, в восточной части огромного мыса, который образуют небольшие речки Хакмадой-ахк и Мельчихи, являющиеся правыми притоками Шаро-Аргуна. Оно представляет собой вытянутую с запада на восток в верхней части мыса цепь средневековых построек, большинство из которых руинизировано. На стенах жилых башен сохранились петроглифы в виде креста, человеческих ладоней, спиралевидной свастики.

Селение Жогалдой расположено на покатом склоне горы Жогалдой-лам, на левом берегу реки Шаро-Аргун. Это типичное средневековое селение горной Чечни, состоящее из каменных жилых башен. Из всех средневековых построек относительно хорошо сохранилась циклопическая постройка XI в. и жилая башня XVI в. На стенах руинизированных построек петроглифы:

Харкарой

крест, спиралевидная свастика, изображение человеческой ладони, ступни, необычная для Северного Кавказа фигура колдуна с трубкой во рту.

Согласно полевым материалам, записанным здесь В.Кобычевым, «первыми насельниками в Чеберлое были эрстхойцы, потом приплыли стрелки из лука-арбалета (Иад къам). Стрелки из лука, по преданию, прибыли из-под горы Нашаха, расположенной в верховьях реки Рошни-чу. Вначале в качестве разведчиков нашахойцы выслали трех человек, но местные жители убили их. Тогда для отмщения прибыл целый отряд, который выстроил укрепление на месте нынешнего селения Хой. С этих пор нашахойцы прочно овладели Чеберлоем»²¹⁷. Из Нашаха был прислан в качестве правителя Чеберлоя, согласно преданию, легендарный Алдам-Гези, который выбрал в качестве резиденции селение Кезеной, где выстроил сильно укрепленный замок. Руины его сохранились до сих пор.

Селение Кезеной расположено к югу от озера, в нескольких километрах от него. Главной его достопримечательностью является крепость, возвышающаяся над селением – это крепость Алдам-Гези (Гези-Алдаман ков), развалины которой и сейчас видны на высокой скале. Крепость состоит из цитадели, группы полуразрушенных зданий и жилой башни, известной под названием «башни Дауда». К югу от башни Дауда находится мечеть, под дверной порог которой вделана надгробная плита. Это надгробие, по свидетельству местных жителей, принадлежит чеченскому герою Сурхо, сыну Ады. Сурхо, согласно историческим преданиям, победил в войне кабардин-

Харкаррой. Боевая башня

²¹⁷ Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С.165.

ского князя Мусоста и поделил его земли между бедными. В честь его победы было названо село Сурхохи (в Ингушетии) и сложена героическая песня – илли. Религиозные действия и праздники в Кезеное сопровождалось общественным пивоварением: в чашечном камне в помещении рядом с мечетью толкли ячмень для ритуального пива. Подобный камень можно видеть рядом с жилой башней в селении Туга в Майсте.

К западу от озера находится группа селений, самым крупным из которых является Макажой, которое чеберлоевцы издавна считали своей столицей. Средневековый архитектурный комплекс находится в 500 м к юго-востоку от современного села. Он представляет собой две руинизированные боевые башни и мечеть, перестроенную из жилой башни. На стенах боевых башен – петроглифы в виде свастики, спирали, крестов. На стенах мечети – петроглифы в виде свастик, крестов, ладони, а также изображение танцующей пары – мужчины и женщины. На стенах жилых башен обнаружены петроглифы в виде розетки, свастики, всадника с копьем.

Недалеко от крепости Кезеной находится селение Хой. Этот топоним с чеченского переводится как «стражники». Вероятно, это связано с тем, что селение было пограничным, и его жители несли сторожевую службу. Об этом, кстати, напоминает и «Хойн-Гала-башня стражников» – единственная боевая башня, оставшаяся от укрепления. Хотя и по архитектурным приемам и технике кладки видно, что башню строил чеченский мастер, она по некоторым параметрам отличается от классических вайнахских башен. Боевая башня в селении Хой была украшена множеством петроглифов: это и перекрестия, и круги с елочным и волнистым узором, и Т-образный знак, то есть символика, характерная только для вайнахских башен. Во время боевых действий в конце XX в. боевая башня была взорвана. На камнях средневековых построек в селении Хой – огромное количество петроглифов – свастики, двойные спирали, кресты, стилизованные человеческие фигуры, розетки, триквестры.

К востоку от Макажой находится селение Харкаррой. На скалистых склонах, среди средневековых руин возвышается боевая башня, к северо-западу от нее – остатки циклопических построек. Жилые постройки располагаются на пологом склоне. Среди них сохранились две средневековые жилые башни. На камнях башен и поздних построек – петроглифы в виде свастик, двойной спирали, крестов. Вокруг селения Макажой разбросаны более мелкие средневековые поселения (Джалкх, Тундухой, Орсой), в которых сохранилось боль-

Хаскали. Боевая башня

Хой

шое количество руинизированных башенных построек.

При этом надо учитывать, что средневековые боевые и жилые башни систематически уничтожались, начиная со времен монгольского нашествия. Войска Тимура, согласно летописям, доходили до самых высокогорий, разрушая крепости и замки нахов. Не менее разрушительной для чеченской средневековой архитектуры была и Кавказская война XIX в. М.А.Иванов, посетивший Акки в начале прошлого столетия, писал об этом: «На возвышенных площадках разбросаны каменные сакли нескольких отселков старшинства. Они группируются в большинстве случаев вокруг старинных башен, которыми вообще богата эта местность, служившая в отдаленном прошлом ареной бесконечных распрей и междоусобиц, а в ближайшую эпоху – борьбы Шамиля с русскими войсками. Об этих последних событиях среди населения

Ца-Кале

Цой-Педе. Боевая башня

Хуландой

сохранились еще свежие воспоминания: рассказывают о том, как брались русскими крепкие башни, как гремели пушечные выстрелы и артиллерийские снаряды разбивали твердыни горцев»²¹⁸. Много башен было разрушено и разобрано во время строительства военных укреплений русской армии: Евдокимовского, Шатойского, Воздвиженского. Камни использовались для строительства крепостных стен. Для того чтобы построить одну крепость, разбирались десятки башен в округе. По информации Н.С.Иваненкова, для постройки Евдокимовского укрепления у местных жителей было куплено и разобрано двенадцать каменных башен. Согласно А.П.Берже, две башни у входа в Аргунское ущелье были разрушены при строительстве Воздвиженского укрепления (на месте селения Чахкери). При строительстве военного укрепления в Зонах также была разрушена боевая башня на окраине селения. Немало башен и древних могильников разрушили при расширении дороги вдоль берега Аргуна. Целенаправленно уничтожались чеченские средневековые постройки и во время депортации чеченцев в 1944 году. Многие петроглифы в виде свастики также подверглись уничтожению, так как ассоциировались у переселенных в чеченские горы людей с нацистской символикой, хотя не имели к ней никакого отношения.

Селение Хой

Селение Хой

²¹⁸ Иванов М.А. В верховьях реки Гехи. //Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1902. Вып. XV.

*Шикарой**Шунди**Эткали**Эткалинский замок. Стена с петроглифами*

ГЛАВА V.

СЕМАНТИКА
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
ЧЕЧЕНСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

Чеченская петроглифика представляет практически весь спектр символов, которые встречаются у разных народов в различных регионах мира и восходят к эпохе палеолита, неолита и ранней бронзы.

Выбиты эти знаки на камнях средневековых построек (XI – XVI вв.), хотя сами камни с петроглифами гораздо древнее самих построек и могут относиться к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

Расположены камни с петроглифами чаще всего на фасаде башен, на арочных камнях входных и оконных проемов, на угловых камнях, но могут быть встроены в любую из стен. При этом ориентация по сторонам света может быть произвольной.

Наносились изображения на камни специальным инструментом типа зубила. Глубина гравировки может варьироваться от 1 до 8 мм, в зависимости от породы камня. Ширина линии рисунка – от 4 до 14 мм. Встречаются рисунки, выбитые по всей плоскости.

Петроглифы часто представляют собой одиночные знаки, композиции из двух-трех знаков, а также сюжеты из нескольких знаков, имеющие значение пиктографического письма.

К наиболее часто встречающимся петроглифам относятся знаки, символизирующие устройство мироздания, и различные изображения небесных светил и Вселенной, антропоморфные и зооморфные изображения, геометрические фигуры.

К древнейшим символам, которые получили широкое распространение в Древнем Египте, Передней Азии, Средиземноморье, относятся крест, крест в круге, свастика, двойная спираль. Крест со времен каменного века становится символом воскресения и бессмертия, четыре его луча символизируют и четыре стороны света, и четыре времени года, и четыре стихии: огонь, воду, воздух, землю. Позже христианство принимает крест как символ религии, а в исламе крест сохраняет древнейшее значение символа четырех сторон света.

Наиболее интересной формой креста является свастика, загнутые концы которой символизируют, по мнению исследователей, движение солнца по небосводу, движение всего сущего в природе. У древних народов свастика была символом вечной жизни, символом бессмертия, универсальным оберегом. Изображения свастики встречаются на чеченских башнях в различных вариантах: прямоугольные, криволинейные, стилизованные, спиралевидные. Классическая прямоугольная свастика выгравирована на дверном проеме жилой башни в селении Химой. Подобный знак можно видеть на древней керамике в Центральной Европе. Свастика с закругленными концами выгравирована на арочном камне жилой башни в селении Итум-кале, на жилой башне в селениях Зенгали и Гурой в Западной Чечне. Она также обнаружена на Северном Кавказе на керамике и металлических изделиях I тыс. до н.э.²¹⁹

Довольно распространенной является свастика в форме трискеле, которая часто встречается на камнях средневековых построек в Чечне и на самом востоке, и в западных районах.

С культом неба и солнечного диска связано изображение круга, к кото-

рому восходят многие языческие ритуалы и магические талисманы. Более поздним по отношению к кругу и к кресту является символ – крест в круге. Это идеограмма символизирует непрерывность движения солнечного диска по небесному своду, знак мифологической солнечной колесницы. Такие петроглифы можно видеть на многих башнях горной Чечни: в Мелхисте, Аргунском ущелье, в Чеберлое.

К солярным символам относятся и так называемые розетки и ромашки. Их изображение связано с сельскохозяйственным календарем: ромашки с четырьмя лепестками символизируют календарный год, с тремя – сельскохозяйственный.

Все эти символы, связанные, прежде всего, с древними сельскохозяйственными культами умирания и воскрешения солнца, смертью осенью и воскрешением живой природы весной, родились вместе с сельскохозяйственными цивилизациями.

Если кресты и свастики наносились в основном на арочные камни дверных проемов, то спирали чаще всего двойные, изображались на угловых камнях. Двойные спирали в различном виде и стилизациях также относятся к наиболее распространенным петроглифам на башнях горной Чечни. Они встречаются на многих боевых и жилых башнях в ущелье Тазбичи, Шарое, Итум-кале, Мелхисте, Майсте и других районах, а на камне боевой башни у селения Хаскали выгравирована тройная спираль.

Двойные спирали одни исследователи считают также солярными знаками, символизирующими движение Солнца по небу от восхода до заката. Другие полагают, что они символизируют форму Вселенной. Но в любом случае тот факт, что в основном их наносили на камни или стены башен, наводит на мысль о том, что они должны были придавать постройке устойчивость, вечность.

Со спиралью как с символом связан знак лабиринта, который также часто встречается на склеповых постройках горной Чечни.

Петроглиф в виде двух пересекающихся колец (символ планеты Сатурн) выгравирован на стене боевой башни у селения Хаскали. Он интересен тем, что подобного знака нет не только на других чеченских башнях, но и вообще на Кавказе.

Петроглиф в виде руки или раскрытой ладони встречается в наскальных росписях древней Европы уже со времен верхнего палеолита. Он существует почти на всех чеченских боевых башнях. Изображение человеческой руки символизировало силу, власть, создающее начало. Кроме того, одним из значений ладони было владение, собственность. Оттиск ладони, по всей видимости, был древнейшим видом личной печати владельца.

На чеченских башнях широко распространены петроглифы, изображающие антропоморфные фигуры в различном виде.

Нередко на башенных постройках горной Чечни можно увидеть и петроглиф в виде всадника, порой в стилизованной форме. Он относится к древнейшим изображениям человека и животного и встречается в наскальных росписях IV тыс. до н.э.

Очень часто камни с изображениями являются более древними, чем сами башни, и отличаются уровнем обработки и отделки. Особенно это бросается в глаза на жилой башне в селении Васеркел в Майсте. В стену башни вмонтирован целый ряд камней с петроглифами. Эти камни отличаются от других камней башни и фактурой, и цветом, и уровнем отделки.

²¹⁹ Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. С.131 – 135.

На чеченских башнях, например на стене жилой башни в ущелье Тазбичи, можно увидеть также петроглиф, изображающий охотника или сцену охоты. Часто это изображение стилизованной человеческой фигуры с луком со стрелой.

Встречаются и фигуры отдельных животных, в основном стилизованные. Наиболее распространено изображение оленя. Оно встречается по всей Чечне – от селения Хой на самом востоке до ущелья Цеча-ахк на западе. По всей видимости, олень принадлежит к числу наиболее древних культовых животных у нахов. Бронзовые фигурки оленей, относящиеся к кобанской культуре, найдены на территории Центрального Кавказа, который с древнейших времен населяли предки нахов. Изображение сцены охоты на оленя встречается и на редких для Чечни наскальных рисунках. О древности культа оленя свидетельствует и то, что название оленя «сай» в чеченском языке относится к такому лексическому ряду, как «са» – душа или «са» – свет. Олень был тотемным животным у скифов и сарматов, и, вероятно, первый этноним связан с названием оленя. С названием оленя – «сай» (диал. «се») связано древнее название неба «се», а также древний этноним чеченцев «са-с», откуда «сасан, пашан, цапан, чечен». Это говорит о том, что чеченцы также считали оленя тотемным животным, что подтверждается изображением на камне в селении Харкарой.

Встречается среди петроглифов и изображение коня, который считается у чеченцев священным животным. Например, вплоть до середины XX в., то есть до выселения в Казахстан, чеченцы не употребляли в пищу конину, хотя она не считается запретной для мусульман. Обычно культ коня связывают с культом солнца. Древние люди воспринимали солнце как божество, которое передвигается по небесному своду на колеснице, запряженной золотыми конями. По всей видимости, именно этому мифу посвящен петроглиф, изображающий человека, колесо и лошадь, на камне жилой башни в ущелье Тазбичи. У чеченцев существовал обряд захоронения коня вместе с умершим хозяином, который позднее сменился обрядом посвящения коня, когда в могилу клали элементы конской сбруи.

Бык относится к числу наиболее распространенных тотемных и священных животных в Передней Азии, на Кавказе и в Средиземноморье. Священный бык был символом плодородия и связан с культом Великой Матери. В чеченской мифологии сохранилось множество сюжетов, в которых бык является собой священное начало, например легенда о возникновении озера Галанчож²²⁰. Изображение барана также можно найти на чеченских башнях и в виде петроглифа, и в виде каменной скульптуры. Каменной головой барана украшен фасад жилой башни в селении Химой, святилища «кашков» в Терти, двумя подобными скульптурами (большой и маленькой) – фасад боевой башни на горе Бекхайла. Петроглиф со стилизованным изображением барана можно увидеть на камне в селениях Хой и Никарой. Они имеют прямые аналогии в бронзовых изделиях кобанцев и алан.

Довольно распространенными были петроглифы, связанные с различными культами, например с охотничьим культом, культом плодородия и другими земледельческими культами, восходящими к эпохе неолита.

Самым длинной является петроглифическая надпись на стене жилой башни в Майсте, расположенной на высоком, крутом берегу Майстойн-эрок. Надпись впервые была опубликована австрийским ученым Бруно Плечке. Она, вероятнее всего, является одним из видов древнего нахского идеографиче-

ского письма и состоит из двадцати символов, среди которых встречаются и различные солярные знаки, и сцена охоты, представляющая собой стилизованные фигуры человека и оленя, между которыми изображен лук. Завершается она концентрическими кругами, символизирующими небо и двойным S-образным знаком. Аналогичную композицию можно увидеть и на камнях боевой башни в селении Шунди.

Следует заметить, что многие петроглифы на башнях, особенно связанные с солярной символикой, выполняли календарные функции.

У чеченцев с древнейших времен существовал довольно точный календарь, который в раннем средневековье подвергся определенному влиянию христианства. Год состоял из двенадцати месяцев и насчитывал триста шестьдесят пять дней. По временам года он делился на четыре части.

Сутки у чеченцев в прошлом делились, так же как и год, на четыре периода, по вертикали и горизонтали. Утро связывалось с добрым началом, с приходом света, солнца, вечер – с духами тьмы. Ночью миром властвовали темные, злые силы, и поэтому в это время суток запрещалось работать, а также начинать какое-либо серьезное дело.

Время суток чеченцы определяли различными способами: по вершинам гор (гора Иуьйре-Дукъ в обществе Терлой), по солнечным часам (селение Химой), по специально установленным каменным стелам, по зарубкам на стенах башен или входных и оконных арках.

Если башни являлись семейной собственностью, на них обязательно были фамильные знаки, или тамги. Они наносились на арочные камни нижних дверных проемов или просто на стены фасада. Фамильными знаками могли служить любые изображения, в том числе буквы грузинского или греческого алфавитов, стилизованные фигуры животных, различные символы. Фамильные знаки как бы напоминали гостям о древности и силе семьи, проживающей в башне.

Несмотря на то что петроглифы на чеченских башнях и склепах являются предметом науки уже более ста лет, они относятся к наиболее слабо изученной области чеченской культуры.

ЧЕЧЕНСКАЯ СВАСТИКА

Свастика является древнейшим символом, связанным в сознании древнего человека с устройством мироздания. В древности она имела свое название в языках всех народов. В германских языках свастика называлась «fulfoþ», что в переводе означало «много ног»²²¹. Интересно, что в чеченском языке этот символ назывался «битьког», буквально «четыре ноги», а триквестр – «кхоког – три ноги». В наше время для обозначения этого символа получило распространение санскритское слово «swastika», что означает «несущая добро, счастье, удачу»²²². В самой Индии, и вообще в Юго-Восточной Азии, свастика появилась значительно позже, чем в Передней Азии и Европе, хотя в наше время она в этом регионе мира широко употребляется и в качестве религиозного символа, и в качестве элемента декора.

В индуизме свастика является символом слонноголового божества Ганеши, воплощающего четыре рода существ, четыре касты и четыре Веды. При этом свастика в различном виде присутствует в атрибутике почти всех индуистских божеств (Вишну, Кришна, Рама). Фигура свастики используется жрецами в индийских деревнях в различных религиозных ритуалах.

В джайнизме свастика является одним из основных религиозных символов и используется почти во всех его ритуалах и праздниках, а также в качестве оберега на дверях домов, на воротах храмов, на предметах быта. В этой религии существуют даже обряды поклонения свастике.

В буддизме свастика является обязательным атрибутом Будды, она часто изображается у него на груди, ступнях, на постаментах его скульптурных изваяний.

Это является основанием для многих исследователей свастики считать ее символом, зародившимся первоначально среди индоиранских племен.

Попытки трактовки свастики как древнейшего индоарийского символа приводили некоторых исследователей к абсолютно абсурдным с точки зрения логики выводам. Так, например, французский ученый Г. де Мортилье, исследовавший пути проникновения бронзы в Европу, доказывал, что первоначально бронза появилась в Индии, а оттуда была вывезена в Месопотамию, Египет, Европу, исходя только из того, что на бронзовые изделия были нанесены изображения свастики²²³.

Свастика как символ является предметом длительного научного исследования, однако до сих пор среди ученых нет единого мнения об ее семантике. Одни исследователи воспринимают ее как эмблему языческих божеств, другие как свет, третьи видят в ней древний арийский символ, обозначающий

солнце, небо, зигзагообразную молнию и рассматривают ее как «явление наследия древних индоиранцев и славян в контексте общего феномена культуры трех индоевропейских народов»²²⁴.

При исследовании семантики этого символа многие исследователи опирались на индийские и буддистские религиозные традиции, забывая о том, что свастика в Юго-Восточной Азии появляется не ранее II тыс. до н.э.²²⁵, тогда как в Передней Азии и на Кавказе она появляется в эпоху неолита и энеолита (VII – V тыс. до н.э.).

Орнаментальные мотивы, напоминающие свастику, встречаются в древнекаменном веке, а свастика как символ появляется на керамических и металлических изделиях Передней Азии и Кавказа уже в эпоху неолита и энеолита.

Наиболее древние круглые пряслица со спиралевидной свастикой, найденные в Северной Месопотамии, датируются VI тыс. до н.э.

Малоазиатские пряслица со свастикой, обнаруженные Г. Шлиманом при раскопках Трои, относятся к эпохе бронзы. Пряслица со свастикой, по всей видимости, были связаны с каким-то религиозным ритуалом. Ведь прядение в древности у многих народов соотносилось с жизненным процессом. Согласно древнегреческой мифологии, сюжеты которой часто переключаются с мифами древних народов Передней Азии и Кавказа, нить жизни прядут три мойры – сестры Лахесис, Клото и Атропос. Лахесис определяла судьбу человека еще до рождения и следила за тем, чтобы его жребий был исполнен. Клото прядла нить жизни, на которую нанизывались события настоящего. Атропос обрывала нить жизни человека именно в тот момент, который был предопределен его судьбой. Все это дает возможность предположить, что свастика в древности была связывалась у древних людей с течением времени.

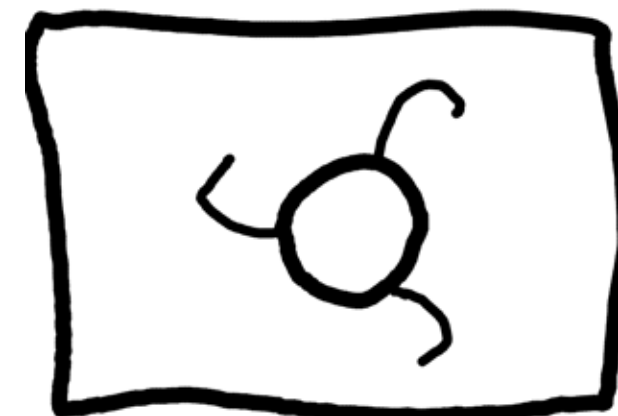
По мнению Т. Уилсона, «свастика, за исключением некоторых обрядов буддистов и ранних христиан, а также значительно менее культово ориентированных действий североамериканских индейцев, не может признаваться особым рода священным символом, а скорее к ней следует относиться (за вышеупомянутыми исключениями) как к оберегу, талисману, амулету, вероятно могущему принести его обладателю счастье или удачу, в качестве украшения и в качестве атрибута магической защиты»²²⁶.

Некоторые исследователи (М.Мюллер, Ч.Бирдвуд) пытались противопоставить правостороннюю и левостороннюю свастики, трактуя первый символ как знак добра и благополучия, а второй – как зла и разрушения.

Однако эта трактовка не получила поддержки среди большинства ученых, так как нет определенного различия в толковании смысла этих знаков, по крайней мере с оттенком этической оценки.

Д. Атаев и В.И. Марковин считали свастику наиболее распространенным символом огня и солнца. Основным аргументом в пользу этого, по их мнению, служит добывание ритуального огня в Индии с помощью специального инструмента в виде свастики²²⁷. Но необходимо отметить, что в данном случае инструмент вторичен по отношению к символу и, соответственно, не может быть

Ошни-7

²²¹ Багдасаров Р. Мистика огненного креста. М, 2005. С.42.

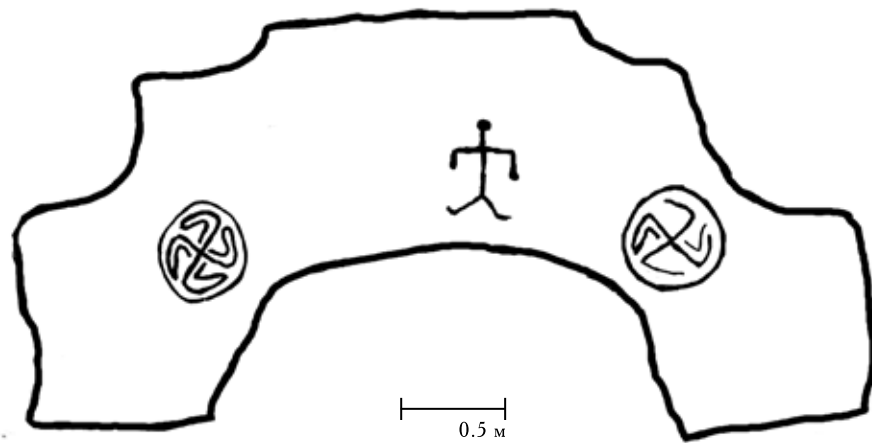
²²² История свастики с древнейших времен до наших дней. Нижний Новгород, 2008. С. 15.

²²³ Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб., 2010. С. 102.

²²⁴ История свастики с древнейших времен до наших дней. С. 16.

²²⁵ Там же. С. 22.

²²⁶ Там же. С. 292.

Талкали

ключом к разгадке его смысла.

В свое время А. Бобринский в своем докладе «Новая теория происхождения свастики в связи с мотивами кавказских ковров» сделал попытку дополнительно обосновать теорию немецкого ученого К. фон Штейнена о происхождении свастики из изображения летящего аиста на деревянной керамике. По мнению этнографа, ковровые узоры Кавказа, в которых свастики сопровождаются схематически-линейными изображениями птиц с длинной шеей и длинными ногами²²⁸, являются дополнительным аргументом в пользу гипотезы Штейнена.

А. Голан также предполагает, что свастика связана с образом солнечной птицы, что подтверждается и древнеиндийскими источниками, в которых «знак свастики с загибом концов креста влево («женский») символизировал полет солнечной птицы осенью и зимой на север, а с загибом вправо («мужской») - весной и летом на юг. Исследователь считает, что изображение птицы со свастикой на груди, как и птицы с крестом, у американских индейцев является образом солнечного божества. Но, интерпретируя свастику как солярный символ, он совершенно неожиданно приходит к выводу о том, что это был символ бога преисподней, поднявшегося в небо.

В Древней Индии и в Древней Греции свастика была символом добра, и, исходя из этого, А. Голан предполагает, что это же значение этот символ мог иметь в раннем средневековье на Северном Кавказе²²⁹.

Необходимо отметить, что к символам божества преисподней А. Голан относит без всяких оснований многие древние знаки. Но это божество во всех политеистических религиях играло третью степеньную роль, и вряд ли можно предполагать, что символ, связанный с ним, мог стать настолько популярным и в течение тысячелетий распространиться практически по всей территории Евразии и Америки. С другой стороны, достаточно уязвима гипотеза о трансформации семантики свастики, когда она из символа преисподней вдруг становится знаком добра.

Интересно, что архетип свастики воспроизводится на всех уровнях мироздания. Структура микромира на уровне молекул имеет форму трех- и четырехконечной свастики. Форму свастики имеет структура галактики Млечного пути, как и многих других спиральных галактик.

По мнению Р. Багдасарова, свастика как символ рождается у древних арийцев в Заполярье и на севере Сибири, куда они мигрировали в эпоху мезолита из более южных областей. Исследователь считает, что именно под

небом Арктики сложилось мировоззрение древних индоевропейцев, на которое оказало сильное влияние движение солнца и звезд вокруг полярной оси. Усиление роли монополярных розеток как духовных символов, по его мнению, могло произойти именно в районе, близком к полюсу, так как символика в древности всегда имела прикладной характер²³⁰.

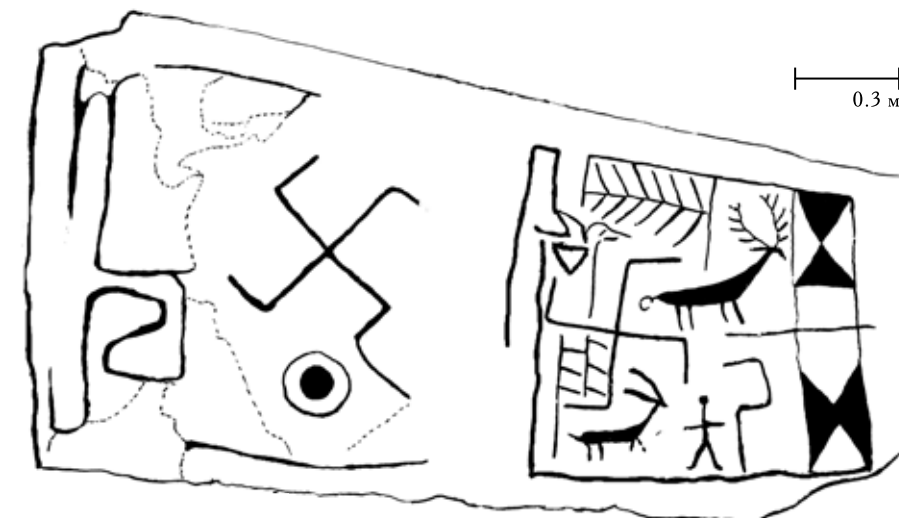
Однако не выдерживают никакой критики аргументы, которые приводит Р. Багдасаров в качестве основной причины миграции индоевропейцев в Заполярье в период потепления климата на земле и улучшения условий жизни древних племен, населявших ее. Ученый полагает, что древние индоевропейцы ушли на север в поисках более суровых условий жизни. Этот тезис противоречит логике жизни и мировосприятия древнего человека, для которого улучшение условий жизни было главной целью существования, и технический прогресс человечества можно объяснить только его стремлением облегчить себе жизненный процесс.

С другой стороны, стремление европейских ученых любыми способами доказать, что свастика впервые появляется у индоевропейских племен, не подкрепляется археологическими материалами. Первые изображения свастики возникают на глиняных печатях у земледельческих племен Анатолии и Месопотамии в VII–V тыс. до н.э., которые не были индоевропейцами, а вероятнее всего, были носителями кавказских языков.

Это подтверждается и археологическими материалами. Например, материалами куро-араксской археологической культуры, которая зародилась в междуречье Куры и Аракса в IV тыс. до н.э. На керамических изделиях куро-араксской обнаружена свастика с четырьмя точками, которая используется в современной ведической традиции.

Характерна свастика и для триалетской культуры, создателями которой, по предположению И.М. Дьяконова, были нахские племена.

Свастика является одним из основных символов в кобанской археологической культуре эпохи поздней бронзы и раннего железа, в материалах которой этот символ встречается в самых разных вариантах (четырёхконечная, трехконечная, с закругленными, прямоугольными концами, в виде лошадиных голов, в виде птичьих голов). Древние кобанцы наносили ее на керамику, оружие, женщины носили налобные бляхи с изображением свастики, были

Харкарой

²²⁷ Атаев Д., Марковин В. Петрография горной Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Т. XIV. С.353.

²²⁸ Багдасаров Р. Мистика огненного креста. С.42.

²²⁹ Голан А. Миф и символ. С. 122.

²³⁰ Багдасаров Р. Мистика огненного креста. С. 45 - 66.

широко распространены амулеты в виде свастики, которые нашли свое продолжение в материалах аланской археологической культуры.

Свастика была священным символом населения Кавказской Албании, основным этносом которой были гаргары (одно из нахских племен). Многие древние авторы писали о генетических связях албанов и алан. Албаны наносили изображение свастики на культовую керамику, оружие, ритуальные хлебцы.

Таким образом, свастика как символ имеет тысячелетние традиции на Кавказе, особенно у чеченцев. Хотя некоторые исследователи для того, чтобы доказать индоевропейское происхождение свастики, связывают ее распространение на Кавказе с влиянием христианства²³¹.

Например, Р. Багдасаров вслед за А. Голаном повторяет ошибочный тезис В.И. Марковина о том, что свастика встречается в высокогорной области, включающую западную часть Дагестана, восточную часть Чечни и северо-восточную часть Грузии²³². На самом деле свастика встречается на всей территории Чечни от озера Кезеной на самом востоке до ущелья Цеча-ахк на западе. И можно сказать, что свастика встречается на Кавказе в тех районах, где в древности проживали нахские племена или было сильно их культурное влияние.

Постановка рук мужчины в чеченском народном танце также напоминает форму свастики, а движение женщины и мужчины в парном танце имеет структуру лабиринта. При этом необходимо отметить, что чеченский народный танец является одним из древнейших в мире, что подтверждается фиксацией его движений на петроглифах, которым не менее трех тысяч лет, а также бронзовыми статуэтками эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Свастика на средневековых постройках Чечни встречается в самых разных формах и вариациях (левозакрученная, правозакрученная, с закругленными концами, с прямоугольными концами, четырехконечная, трехконечная, т-образная, спиралевидная). Этот символ зафиксирован нами в селениях Хой, Макажой, Харкарой, Талкали, Пакоч, Моцарой, Гурой, Зумс, Джагалдой, Хакмадой, Химой.

Довольно распространенной является на каменных постройках Чечни трехконечная свастика – трискеле. В этом отношении довольно интересным является изображение этого символа на надмогильной стеле в селении Ошни. Погребение является языческим, что можно определить по изображению стилизованной фигуры человека на этом же камне. При этом оно относится к позднему средневековью, когда захоронения в грунтовых ямах вытесняют более древние формы могил. Из этого следует, что все эти символы в XIV и XV вв. продолжают играть культовую роль.

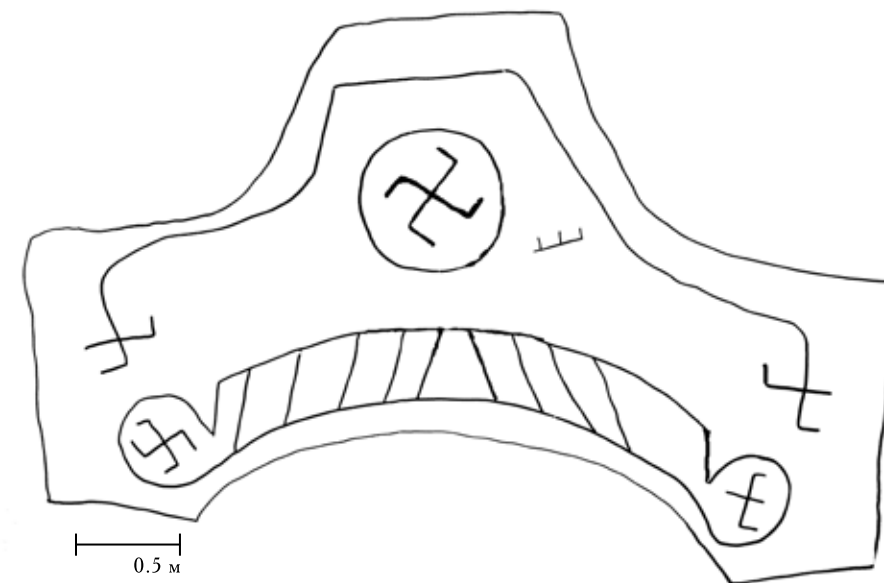
Можно предположить, что такое разнообразие форм свастики не встречается ни в одном районе мира. А это дает возможность говорить о том, что чеченцы генетически связаны с теми народами, которые в глубокой древности создали этот символ.

Несмотря на то что чеченский язык теоретически относится к кавказской семье языков и не входит, по мнению лингвистов, даже в сообщество так называемых ностратических языков²³³, он обнаруживает удивительную лексическую и даже структурную близость ко многим индоевропейским языкам, в большей степени к германским и балто-славянским, и отчасти к древним италийским языкам. И речь идет не о заимствовании лексики, и не об изоглоссах, а об основном словарном фонде языка, большую часть которого

²³¹ Там же. С. 137.

²³² Там же. С. 139.

²³³ НЕ УКАЗАНА СНОСКА!!!!

Химой -1

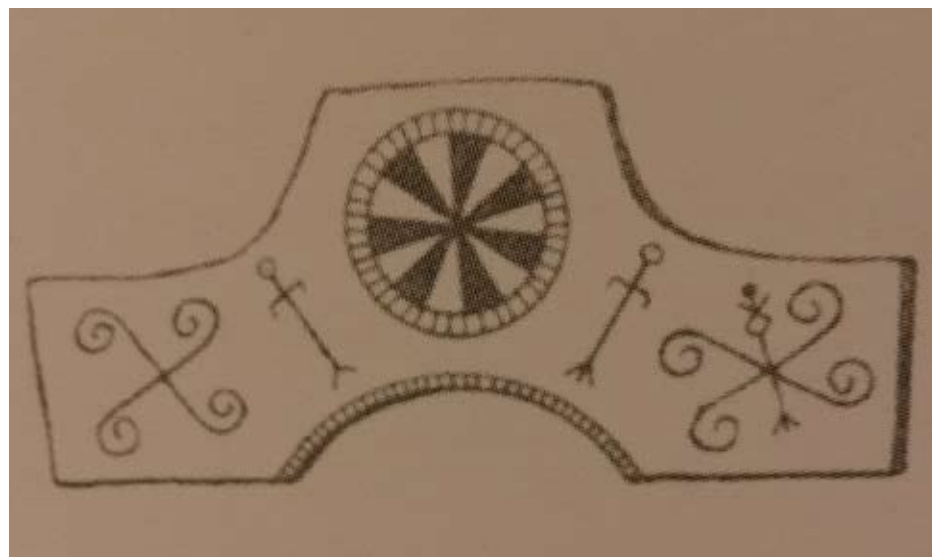
всегда составляют слова, обозначающие, прежде всего, названия частей тела, древних растений, древнейших абстрактных понятий, связанных с первичными культурами.

Основной проблемой, которая мешает лингвистам выбрать правильное направление в исследованиях подобного рода, является попытка реконструкции пранахско-дагестанского языка, существование которого является не только сомнительным, но и невозможным с точки зрения истории языка. Данные хурритских языков дают возможность предположить, что нахско-дагестанской языковой общности не существовало уже в IV тысячелетии до н.э.

Определенная близость в лексическом составе и синтаксисе чеченского языка с некоторыми лезгинскими языками может объясняться адстратно-субстратными отношениями, восходящими к эпохе существования Кавказской Албании, в которой большинство населения составляли нахские и лезгинские племена, а государственным языком, возможно, был нахский язык. Можно предположить, что в глубокой древности существовал язык, который был источником и индоевропейских, и кавказских языков. То есть, так называемые арии были предками и некоторых индоевропейских, и нахских народов.

Подтверждением этому является уникальное изображение свастики, которое обнаружено на камне древней постройки в селении Харкарой. Этот петроглиф является ключом к пониманию семантики этого древнейшего символа. В каждом из четырех углов лево-закрученной свастики размещено изображение феноменов, который образуют мир человека. В левом верхнем углу – птица, которая символизирует небесный, Божественный мир; в правом верхнем углу – олень²³⁴, олицетворяющий мир предков; в левом нижнем углу – изображение злака, символа земли, растительного мира, мира природы, в левом нижнем углу – изображение человека с копьём, охотящегося на тура, мир людей, мир настоящего. Свастика, согласно семантике этого петроглифа, представляет структуру мироздания, четырехмерного устройства мира, которое имеет единый источник, Единого Творца, и которое благодаря круговращению, обретает вечность. Свастика – это символ вечности, вечности

²³⁴ Как мы писали выше, название оленя связано с древним этнонимом «сас», откуда «сасан, шашан, цацан, чечен», что свидетельствует о том, что олень был тотемным животным у чеченцев.

Селение Пакох.
Из работы В.И. Марковина
"Памятники зодчества
в горной Чечне"

мироздания, а вращение ее в левую или правую сторону связано со сжатием и расширением Вселенной. В связи с этим можно вспомнить вайнахский миф о том, что «когда Бог создал Землю и Небо, то земля оказалась в три раза больше неба; тогда Бог сжал землю, и от этого образовались земляные горы. Чтобы укрепить шатавшуюся туда и сюда землю, Бог образовал еще каменные горы»²³⁵. В этом мифе слышны отголоски каких-то древних, смутных знаний о расширении и сжатии Вселенной.

Круг в центре свастики появляется в связи с поклонением солнцу, но почитание солнца сохраняется и после возвращения к религии Единого Творца. Несомненно, свастика – это символ Всевышнего, символ Творца миров и всего сущего, в круговороте вечности. Именно поэтому любая попытка использовать этот символ в каких-то неудобных для Всевышнего делах, во зло людям, оборачивается для тех, кто это делает, абсолютным поражением, а для всех, кто их поддерживает, – трагедией.

В философском смысле свастика является символом рождения и гибели Вселенной. В Коране смысл свастики и двойной спирали раскрывается в аяте «Ты выводишь живое из мертвого и выводишь мертвое из живого» (Коран, 3:27). Чеченцы наносили стилизованный знак свастики на надмогильные камни вплоть до депортации в феврале 1944 г.

Семантика и структура таких символов, как свастика и крест, дают основание предположить, что в глубокой древности людям был известен культ Единого Творца, который был утрачен ими вследствие каких-то сильнейших катаклизмов и последовавшей за ними нравственной деградацией.

Также очевидно, что по мере изменения религиозных представлений менялись в восприятии людей и семантика, и функциональное назначение древних символов.

²³⁵ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893. С. 129.

²³⁶ В.Б. Мириманов датирует появление креста эпохой мустье, опираясь на его изображение на каменном диске из Тата (Венгрия). См.: Мириманов В.Б. К классификации палеолитических изображений // От мифа к литературе. М., 1993. С. 43-60.

²³⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Нахская женщина эпохи
поздней бронзы - раннего
железа. Реконструкция.

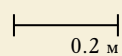
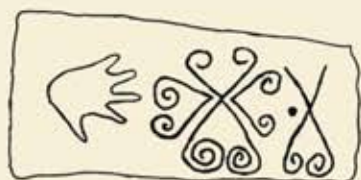

Селение Васеркел

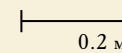
Селение Гурой

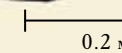
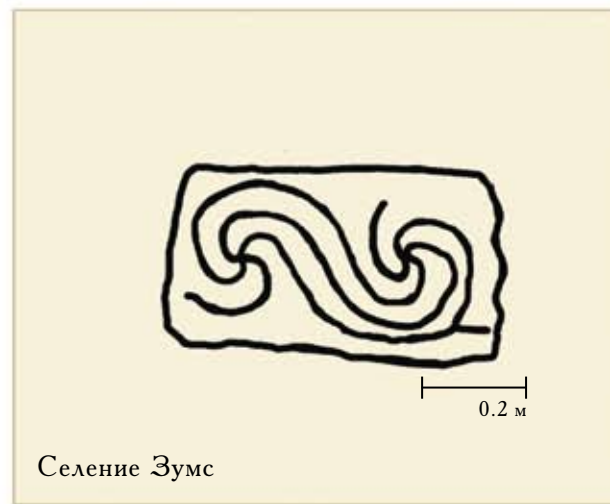
Селение Гурой

Селение Жогалдой

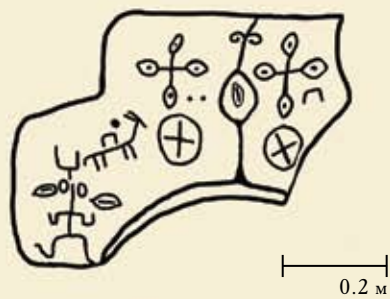

Селение Гурой

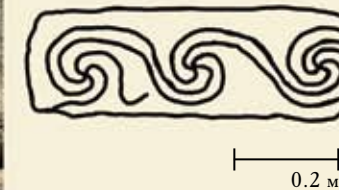

Селение Зумс

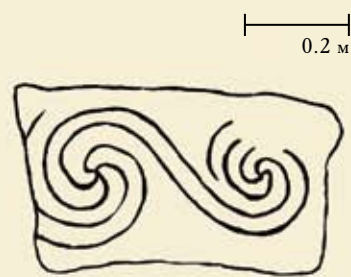

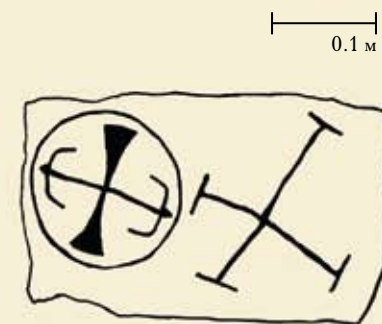
Селение Зумс

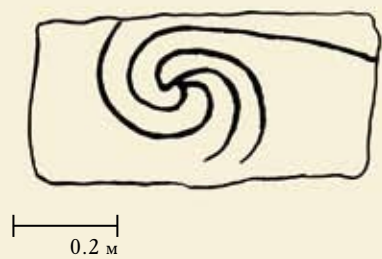
Селение Зумс

Селение Зумс

Селение Макажой

Селение Зумс

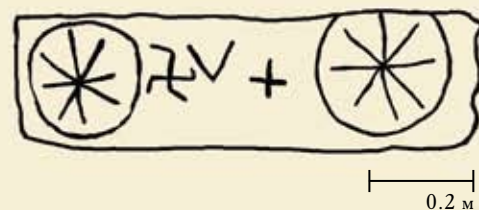

Селение Макажой

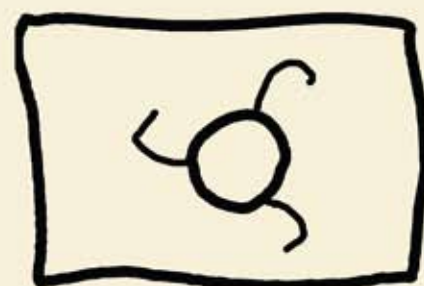

Селение Макажой

Селение Моцарой

Селение Ошни

0.6 м

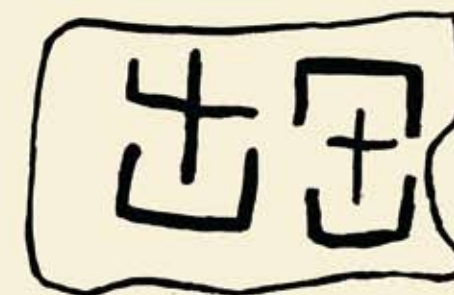

Селение Талкали

Селение Пакоч.
Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские
петроглифы. Париж, 2005Свастикообразные знаки, напоминающие
по форме аланские амулеты, на
надмогильном камне. Селение Тазбичи

Селение Тертие

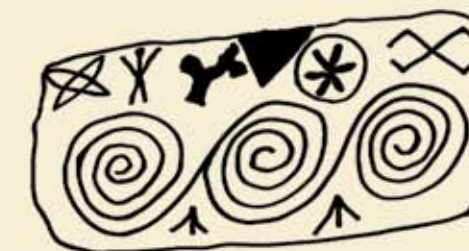
0.2 м

Селение Харкарой

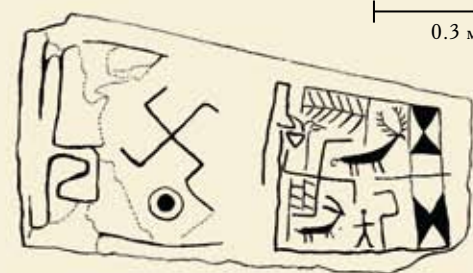

0.2 м

Селение Хакмадой

Селение Хаскали

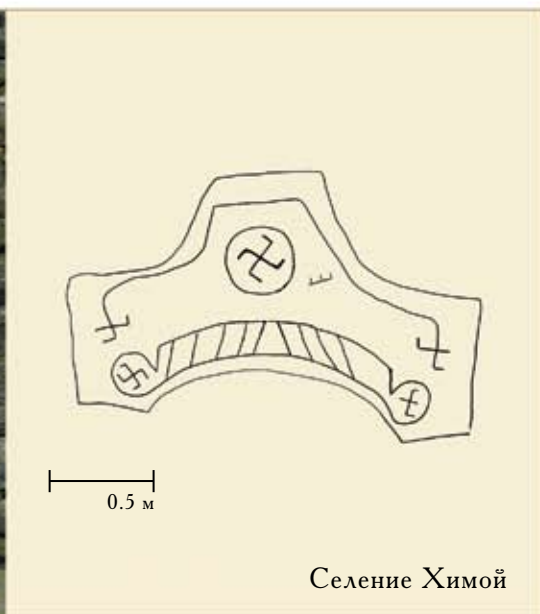
0.3 м

Селение Харкарой

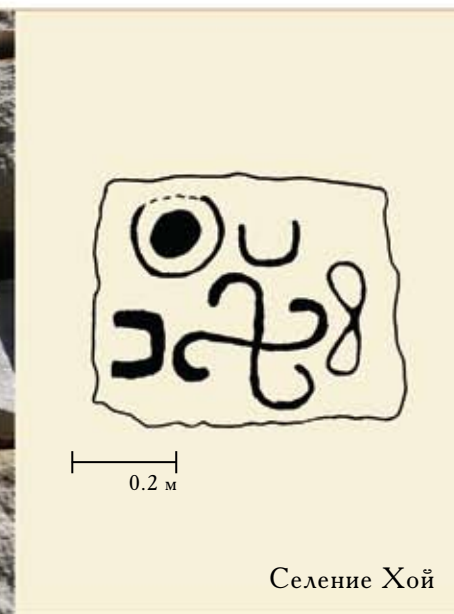

Селение Химой

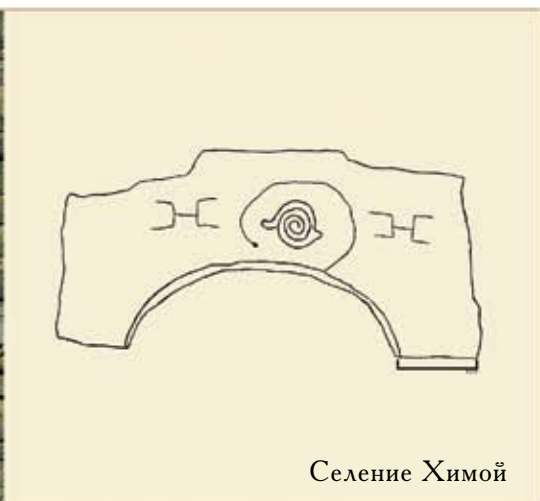

Селение Химой

Селение Хой

Селение Химой

Селение Хой

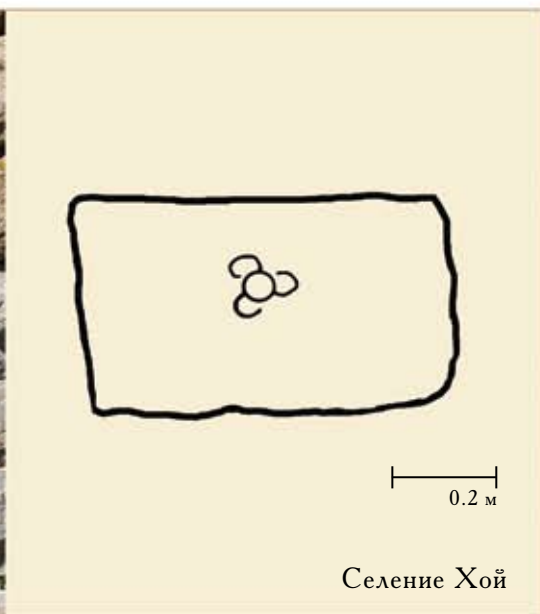

Селение Химой

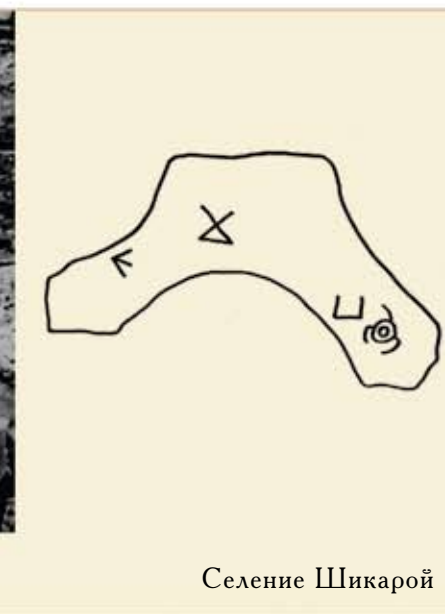

Селение Хой

Селение Хой

Селение Шикарой

Селение Ца-кале

Селение Макажой. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

Селение Цой-педе. Склеп

Селение Макажой. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

КРЕСТ

Петроглифы в виде креста встречаются на средневековых постройках Чечни так же часто, как и свастика, нередко они изображаются вместе. Наиболее распространенным является равноконечный крест, также широко представлены разные вариации этого символа: крест в круте, крест с точками вокруг, крест в прямоугольнике, который является завершенной свастикой, крест с расширяющимися концами, крест с раздвоенными концами, крест с расширяющимися концами (мальтийский крест), ж-образный крест, т-образный крест.

Крест как символ связывается с христианством, но, конечно, он рождается задолго до появления христианской веры. Изображение креста появляется в эпоху неолита²³⁶, и обычно его трактуют как древнейший символ огня и солнца²³⁷. Трудно согласиться с мнением, что крест появляется как стилизация первобытного инструмента для добывания огня, который представлял собой два сложенных крест-накрест куска дерева²³⁸. Рождение символов как феноменов не связано непосредственно с какими-то конкретными инструментами, наоборот, многие культовые и ритуальные вещи обретают определенные формы под влиянием символики. Типологически возникновение символов можно сравнить с рождением человеческой речи. К тому же примитивные племена добывали огонь сверлением, то есть, вращая деревянную палочку, вставленную в углубление на другом куске дерева, и такое приспособление напоминало букву «Т», а не крест²³⁹.

Крест трактуется также как знак четырех сторон света, четырех времен года (то есть как календарный символ). Древние люди, действительно, придавали большое значение ориентации своих построек по сторонам света, не только культовых, но и жилых построек. Также чаще всего строго ориентировались по сторонам света и погребальные сооружения. Особое значение этому придается в монотеистических религиях, в таких как, например, ислам и христианство. Поэтому нельзя исключить возможность трактовки креста как символа четырех сторон света. Но это совершенно не означает, что крест можно считать символом земли²⁴⁰. Земля однозначно воспринималась древними как прямоугольник или квадрат, поэтому ее символы связаны с этими фигурами. В ее прямоугольной форме древние люди видели основу ее устойчивости. Поэтому они постепенно переходят от строительства овальных и круглых домов к прямоугольным, хотя строить последние было значительно сложнее. Небо воспринималось древними как купол, в вертикальном срезе как полукруг, а в горизонтальном как круг. Поэтому вызывает глубокие сомнения возможность трактовать крест также как символ неба²⁴¹.

В эпоху бронзы, когда культ солнца становится одним из главных, а солнце воспринимается как Единый Творец, крест становится солярным символом, а крест в круте символизирует солнце на небесном своде. Но изначально, на наш взгляд, равнозначный крест (наиболее древняя форма креста) был символом Единого Творца, который является источником жизни и началом всего сущего в этом мире. И как символ четырех сторон света, и как символ четырех времен года он олицетворял трансцендентальность Творца. Именно поэтому он становится главным символом христианства как религии единобожия (ведь Христос проповедовал религию Единого Бога-Творца), то есть изначально крест становится символом христианства не как инструмент мучительных пыток и смерти, а как знак Единого Творца. Поэтому в раннем исламе достаточно лояльно относились к этому символу и часто использовали его как орнаментальный мотив даже на мечетях, не говоря о коврах и одежде. Крест довольно часто встречается на мусульманских мечетях в Чечне вплоть до начала XX в.

Подтверждением тому, что крест является символом Создателя, может служить знак древнейшего шумерского алфавита, представляющий два скрещенных креста и имевший значение «звезда», «небо», «Бог».

В эпоху, когда солнце становится главным божеством у многих народов, и люди начинают воспринимать его как творца, источник жизни и благодати, крест так же, как и свастика, становится солярным символом. А с появлением христианства крест осмысливается как христианский знак.

Крест на чеченских средневековых постройках встречается как языческий солярный знак и как христианский символ.

Как мы писали выше, культ солнца был главным культом у чеченцев в течение нескольких тысячелетий, поэтому солярные знаки являются наиболее распространенными изображениями на камнях древних строений. Крест как солярный знак обычно встречается в виде креста в круте, а также креста с точками вокруг. Крест в круте символизирует солнце на небесном своде. Крест с точками вокруг считается календарным знаком. В зависимости от количества точек он может отражать или календарный год (12 точек), или сельскохозяйственный год (9 точек), или четыре времени года (четыре точки). Например, на арке входного проема боевой башни в селении Цой-Педе нанесен крест с девятью точками вокруг, который является обозначением сельскохозяйственного года. Таким образом, языческими символами на средневековых постройках являются крест в круте, крест в квадрате, крест с точками вокруг.

Крест как христианский символ имеет более разнообразные варианты: равноконечный крест, крест с расширяющимися концами, цветущий крест (крест с раздвоенными концами), ж-образный крест, т-образный крест.

Первыми христианами почитался крест в форме буквы «X», затем к нему присоединили первую букву имени Христа «Г». Таким образом, возник ж-образный крест²⁴². Позже, когда христиане стали почитать распятие, появился т-образный крест. Оба эти креста мы видим на камне боевой башни в селении Цой-Педе. В топонимике этих мест сохранились следы бытования христианства, а также поклонения кресту. К югу от Цой-Педе находятся руины селения Джарие, название которого переводится как «Крестовое».

Мы уже писали выше, что христианство стало распространяться среди чеченцев (как среди горцев, так и равнинных алан) начиная с VIII в. н.э. Христианство оставило глубокие следы в чеченском языке, не только в названиях дней недели и религиозной атрибутики, но и в исламской религиозной лек-

²³⁸ Панарина О.А. Символика креста и ее отражение в этнографической науке // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, С. 322.

²³⁹ Голан А. Миф и символ. С. 99.

²⁴⁰ Там же. С. 108.

²⁴¹ Там же. С. 108.

²⁴² Панарина О.А. Символика креста и ее отражение в этнографической науке // Археология и этнография Северного Кавказа. С. 324.

сике.

Крест как христианский символ очень часто встречается на жилых башнях, например в селениях Шикарой, Макажой. Христианскими крестами являются знаки на боевой башне в селении Цой-Педе, которые В.И. Марковин назвал буквами «Ж» и «Т». Встречаются на средневековых постройках и равноконечные кресты с расширяющимися концами (византийско-сирийского типа), например на камне мусульманской мечети в селении Макажой, перестроенной из средневековой жилой башни.

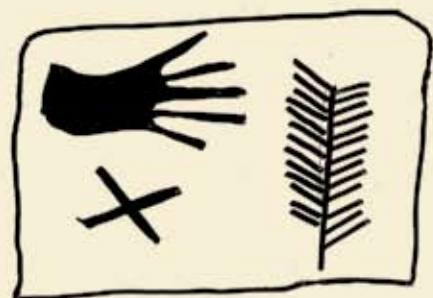
Очень часто кресты являются обязательным элементом сюжета, изображающего сцену охоты, например, в селениях Опни и Васеркел. По всей видимости, крест в таких случаях олицетворял молитву об удачной охоте. По мнению некоторых исследователей, изображение креста в сочетании с солнечными знаками, спиралями и свастиками, растениями и животными выражают просьбы или молитвы об изобилии, урожайности и благополучии²⁴³.

Нередко на камнях чеченских средневековых построек можно увидеть косой крест, иногда заключенный в прямоугольник или квадрат. Есть мнение, что он был первоначально символом Великой богини, который в более позднее время был переосмыслен как символ солнца. На чеченских средневековых постройках этот знак был оберегом, то есть символизировал преграду, стоящую на пути темных сил и оберегающую постройку и ее обитателей. На некоторых петроглифах косой крест состоит из двух, трех, четырех линий, тем самым, видимо, усиливалась его магическая сила.

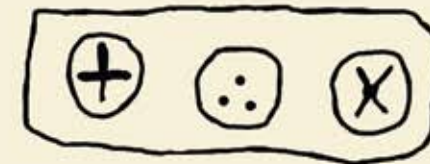

Боевая башня на горе Бекхайла

²⁴³ Атаев Д., Марковин В. Петроглифика горной Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Т. XIV. С.350.

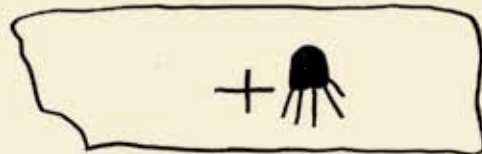

Селение Гурой

0.2 м

Селение Макажой

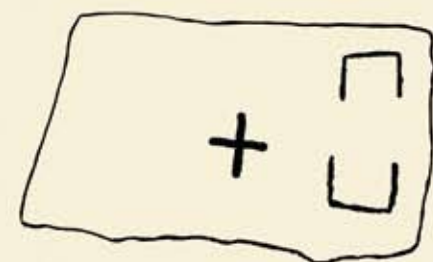

Селение Жоголдой

0.2 м

Селение Макажой

0.2 м

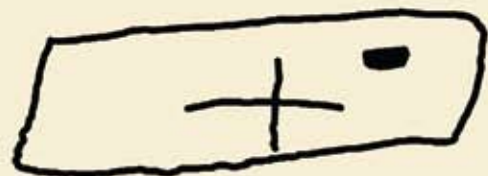
Селение Зумс

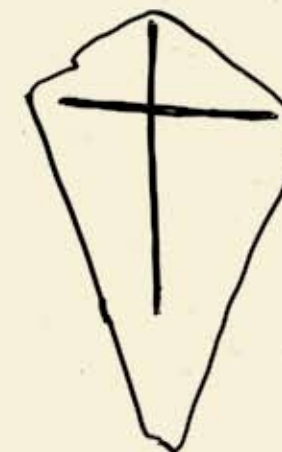
0.2 м

Селение Макажой

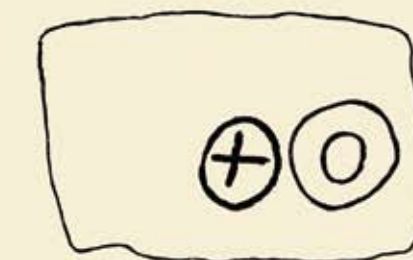
Селение Макажой

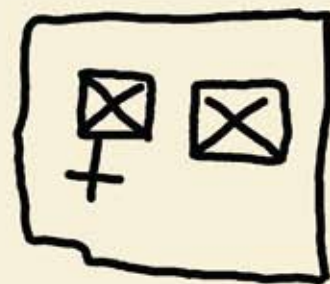
Селение Никарой

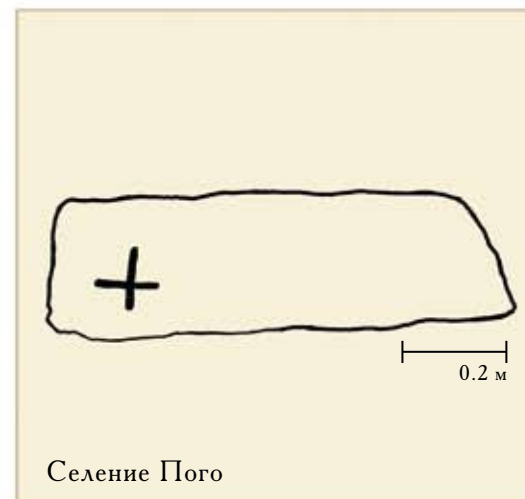
Селение Макажой

Селение Ошни

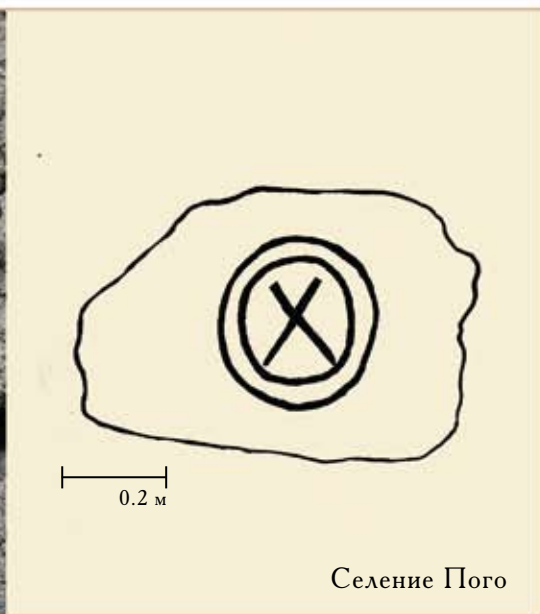

Селение Никарой

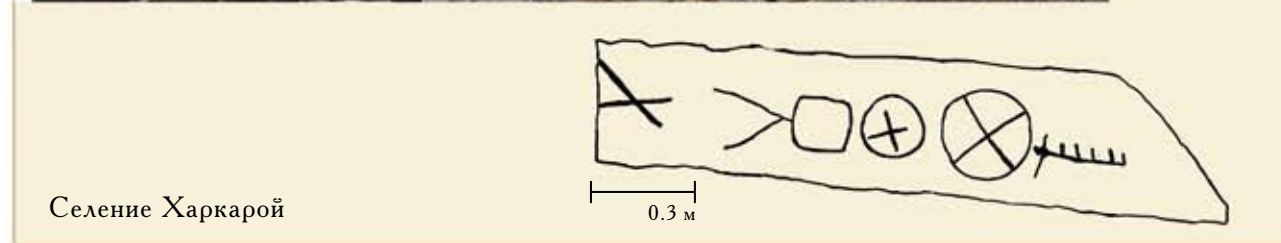

Селение Пого

Селение Пого

Селение Харкарой

Селение Терлой

Селение Хакмадой

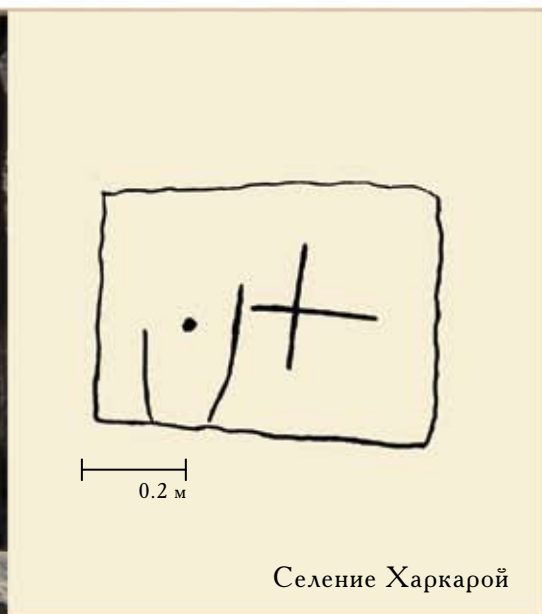

Селение Тертие

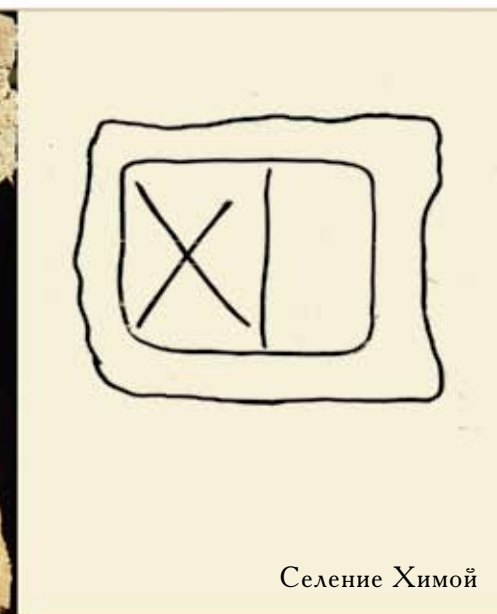

Селение Харкарой

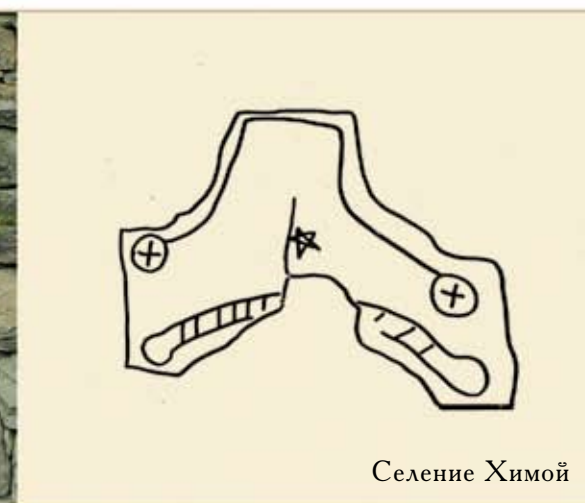
Селение Харкарой

Селение Химой

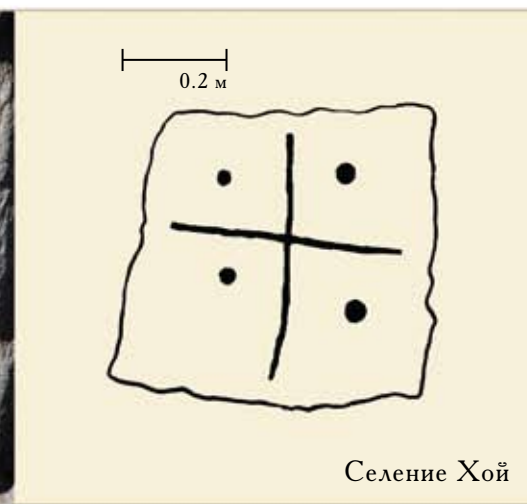
Селение Хаскали

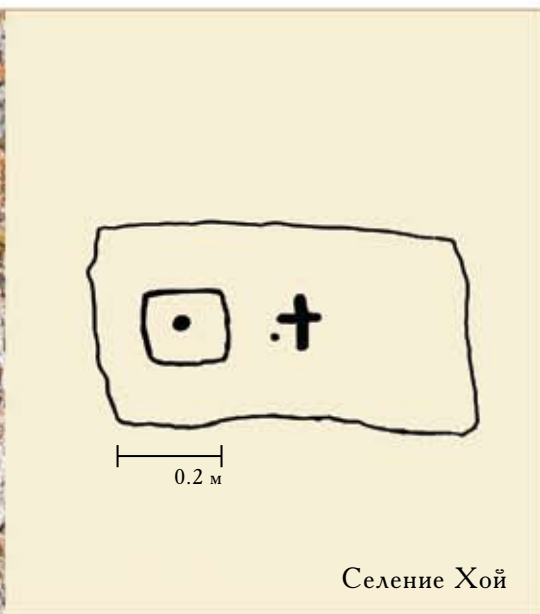
Селение Химой

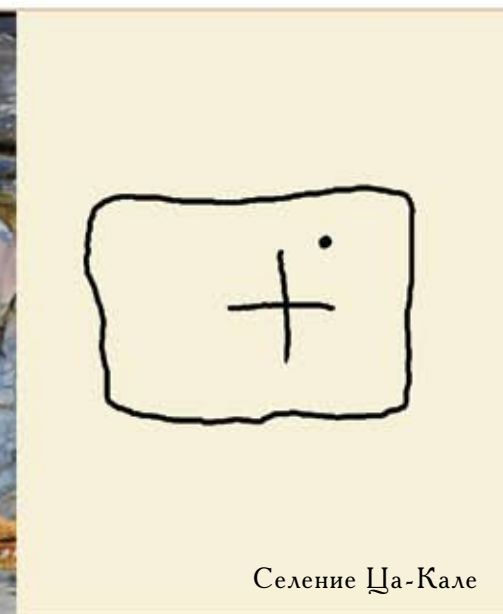
Селение Хаскали

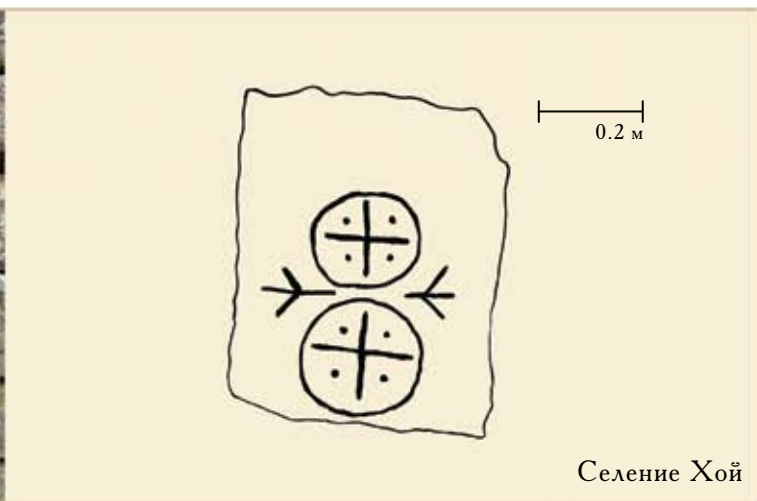
Селение Хой

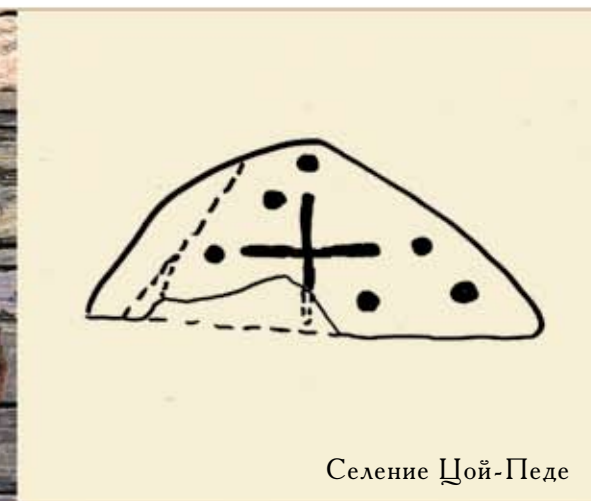
Селение Хой

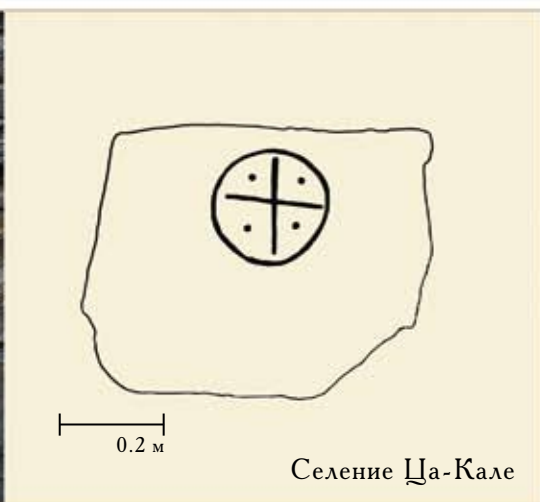
Селение Ца-Кале

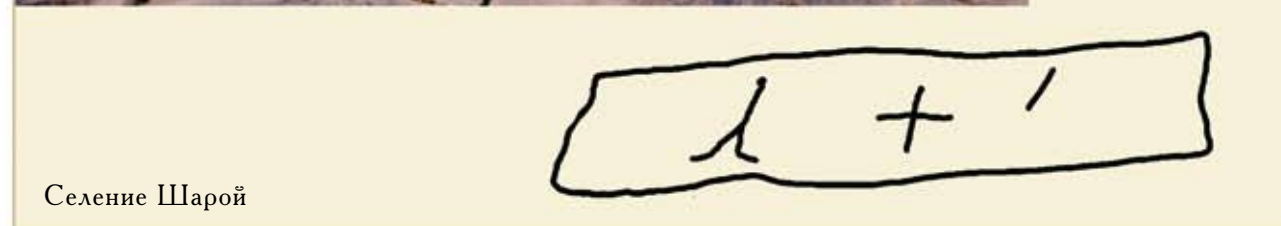
Селение Хой

Селение Цой-Педе

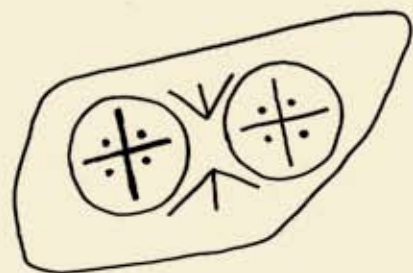
Селение Ца-Кале

Селение Шарой

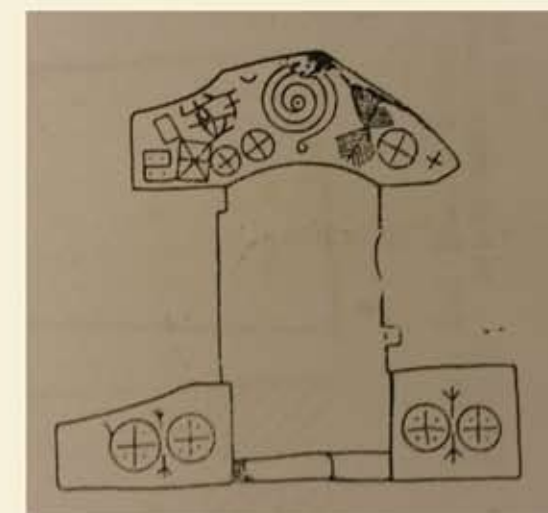
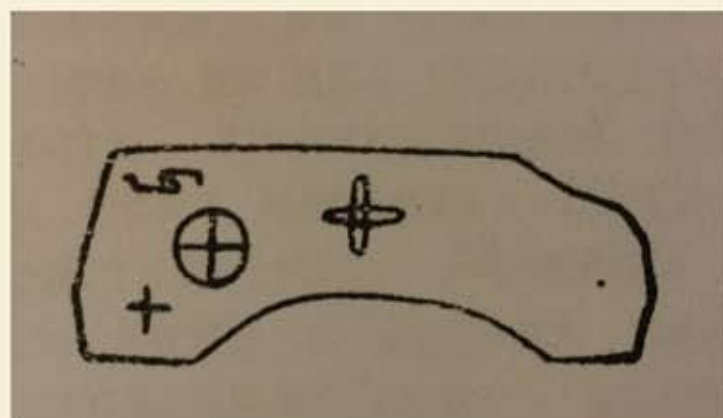

Селение Васеркел

Селение Васеркел

Селение Кезеной.
Из работы В.И. Марковина
Архитектурные памятники
чеченского исторического
общества Чеберлой

Селение Хой.
Из работы В.И. Марковина
Архитектурные памятники чеченского
исторического общества Чеберлой

СПИРАЛЬ

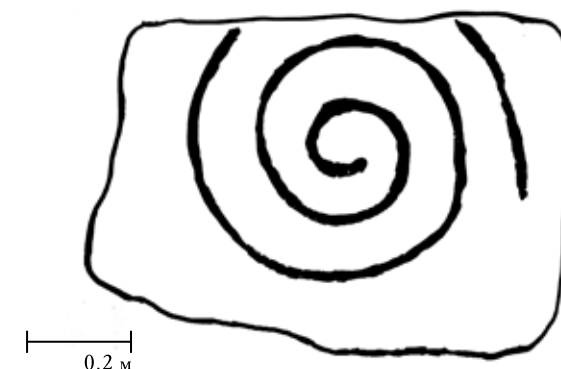
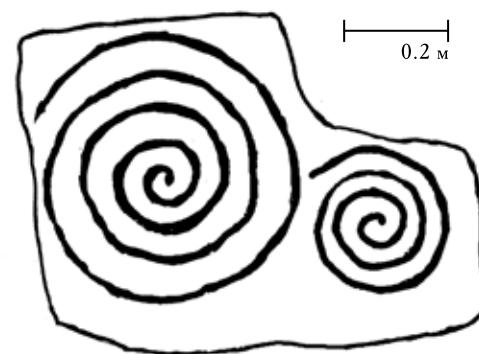
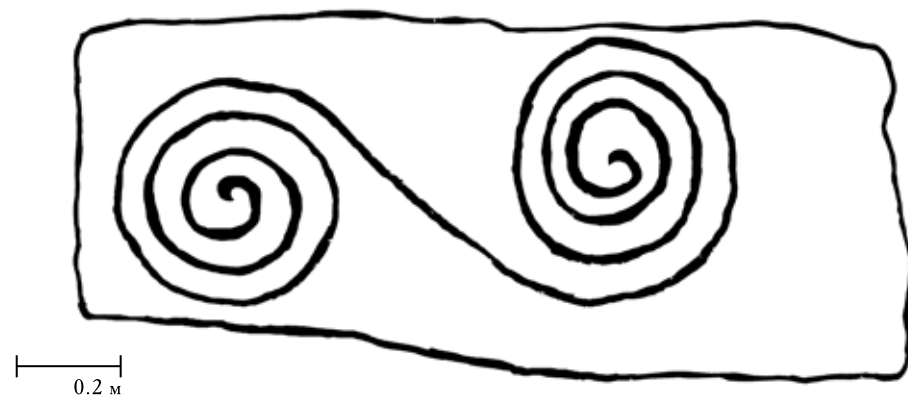
Спираль как символ встречается в археологических материалах со времен палеолита. Немецкий ученый Х. Кюн определил ее семантику следующим образом: «Спираль означает возвращение, приход и уход, рождение и смерть, восход и заход, возникновение и умирание. Спираль не имеет начала и конца, она образ рождения и воды, волны, движения, верха и низа, неба и ада, Янь и Инь»²⁴⁴.

В этой образной характеристике древнейшего символа отражены представления современных ученых об его семантике. Спираль также сравнивают со змеей, исходя из существования изображения змеи в виде спирали в искусстве каменного века²⁴⁵.

В одних регионах мира в определенный период времени спираль воспринималась как символ грома, в других – молнии.

Одним из графических вариантов спирали является двойная спираль, которая, кстати, встречается гораздо чаще, чем простая спираль. В этот же ряд обычно включают и S-образный символ, который встречается и в виде отдельного знака, и в виде множества соединенных друг с другом элементов. S-образный знак исследователи также считают символом змеи, что представляется достаточно сомнительным. Использование этого талисмана в качестве оберега еще не является основанием для таких предположений. Змея, хоть и олицетворяла у многих народов мудрость, была вместе тем символом коварства, часто воспринималась как представитель темных сил, враждебных человеку. Поэтому вряд ли знак змеи мог использоваться в качестве талисмана. Однако вполне можно допустить, что змея была символом воды, символом дождя. У чеченцев почти до конца XX в. сохранялось поверье: если повесить

Ошни-8

мертвую змею на дерево, то пойдет дождь, что является отголоском связи культа дождя и символа змеи. Но вряд ли это имеет отношение к двойной спирали, которая является по семантике более сложным, философским символом.

Форма спирали и спиральный узор свойственны многим явлениям природы как в макромире, так и в микромире: галактикам, раковинам моллюсков, папиллярным линиям пальцев, двойной спирали молекулы ДНК.

Этот символ, который появляется в эпоху палеолита и используется в Древнем Египте, на Крите, в Древней Греции, Месопотамии, в Юго-Восточной Азии, доколумбовой Америке, Европе. На Кавказе он встречается на керамике ранней бронзы куро-араксской и майкопской археологических культур.

Двойная спираль, как, впрочем, и простая спираль, является наряду со свастикой и крестом наиболее распространенным петроглифом на средневековых чеченских постройках. При этом в Чечне встречается и тройная спираль, которая практически не имеет аналогий в других регионах мира.

Семантика спирали читается из графического сюжета, нанесенного на арку входного проема в средневековой постройке в селении Ошни. Рисунок на камне состоит из трех частей и, по сути дела, является пиктографической надписью, связанной с охотничьим культом. Сюжет прочитывается справа налево. В правом углу арки изображен охотник с подчеркнутыми признаками пола, который целится из лука в оленя. Слева – поверженный олень, охотник, вскинувший руки в ритуальном танце, между ними крест. Первые два сюжета соединяет изображение руки. С левой стороны арки изображена спираль. Несмотря на то, что камень в этом месте разрушен и спираль сохранилась не полностью, видно, что внешний конец спирали соединяется с изображением ладони. Справа от спирали изображен олень, уже без рогов, возносящийся вверх, к ладони. Это изображение символизирует душу оленя, которая покидает земной мир и переходит в мир мертвых. Спираль олицетворяет путь из мира живых в мир мертвых, ладонь – власть над душой оленя божества подземного мира. Следовательно, двойная спираль должна олицетворять рождение и смерть, путь человека в земном мире и его уход в мир мертвых. В этом смысле двойная спираль типологически близка по семантике свастике. Но если свастика означает рождение и смерть Вселенной, то двойная спираль – рождение и смерть человека.

Хелды, Зумс

0.2 м

Моцарой

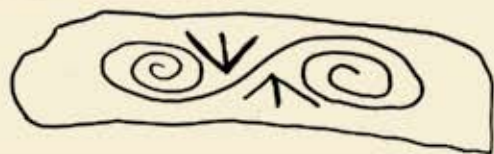
²⁴⁴ Kuhn H. Das Symbol in der Vorzeit Europas. "Symbolon". Bd.2. Basel, 1961. Цит. по кн.: Голан А. Миф и символ. С.70.

²⁴⁵ Там же. С.71.

Селение Васеркел

Селение Васеркел

Селение Васеркел

Селение Васеркел

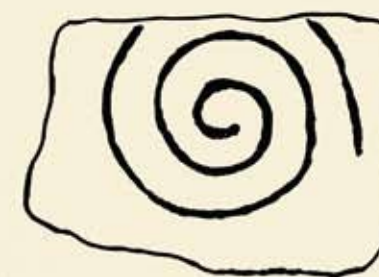

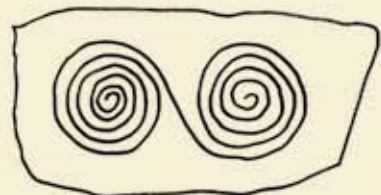
Селение Васеркел

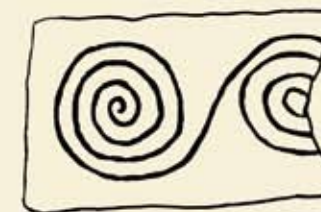
0.2 м

Селение Зумс

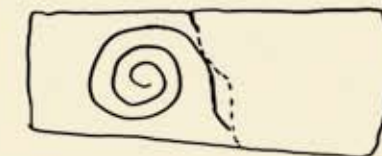
Селение Кокадой

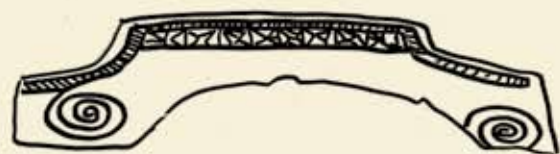
Селение Ошни

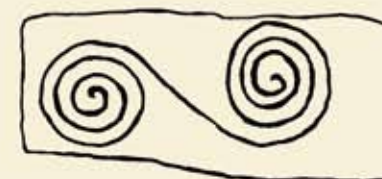
Селение Моцарой

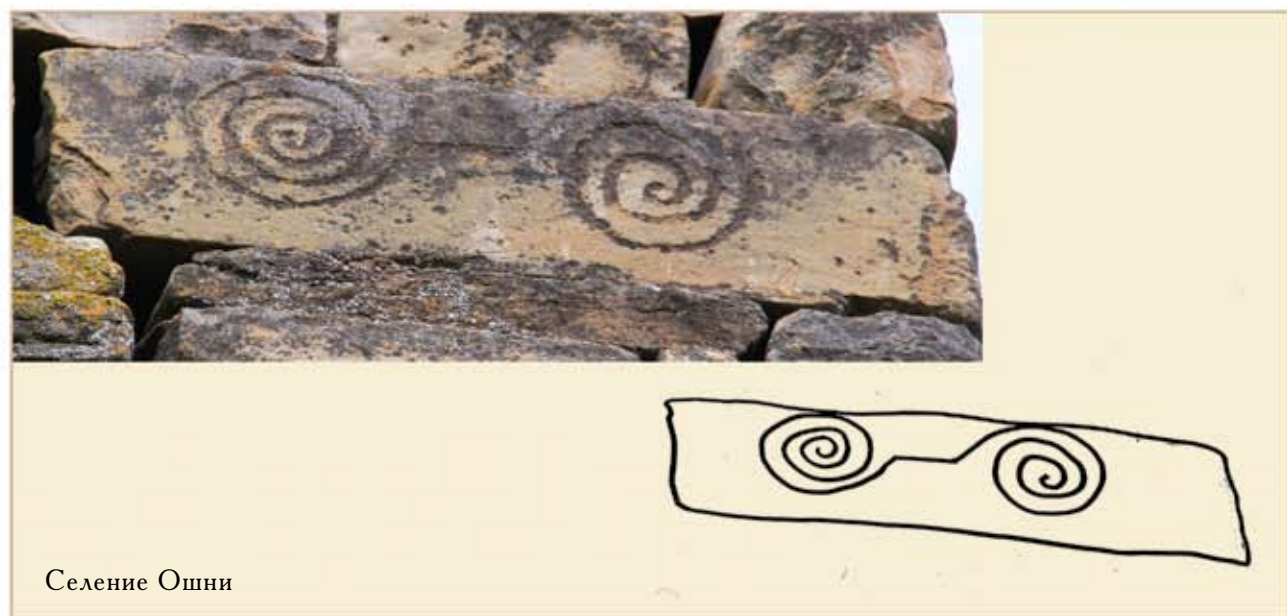
Селение Ошни

Селение Никарой

Селение Ошни

Селение Ошни

Селение Тундухой. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

Селение Ошни

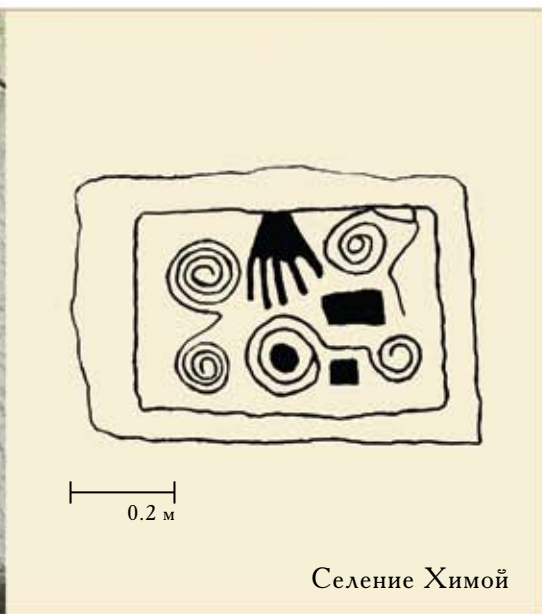
Селение Харкарой

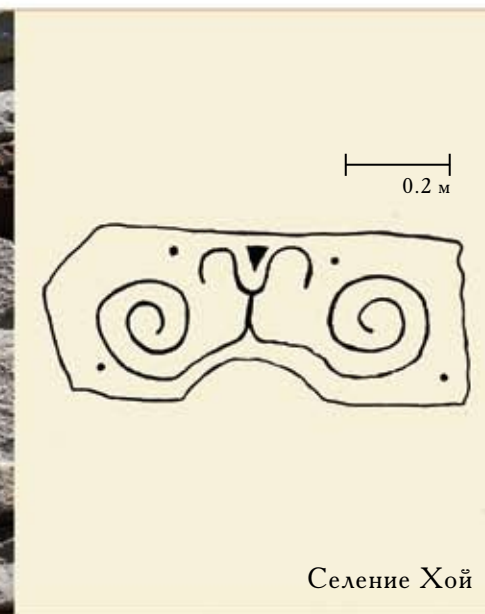
Селение Пого

Селение Хелды

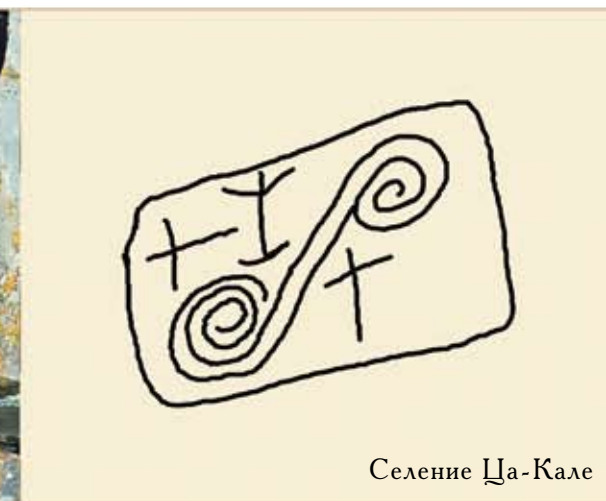
Селение Химой

Селение Хой

Селение Химой

Селение Ца-Кале

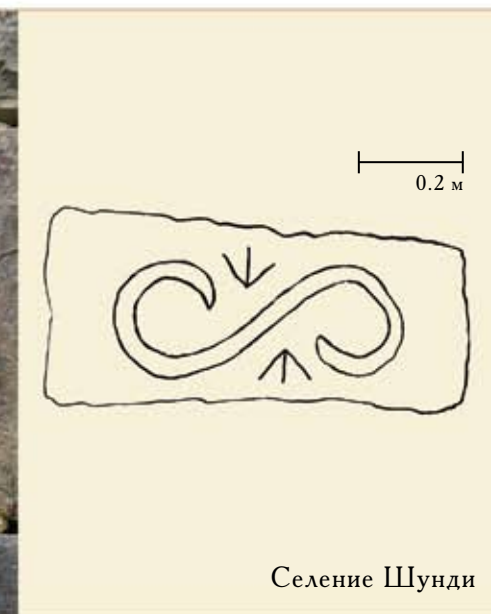
Селение Химой

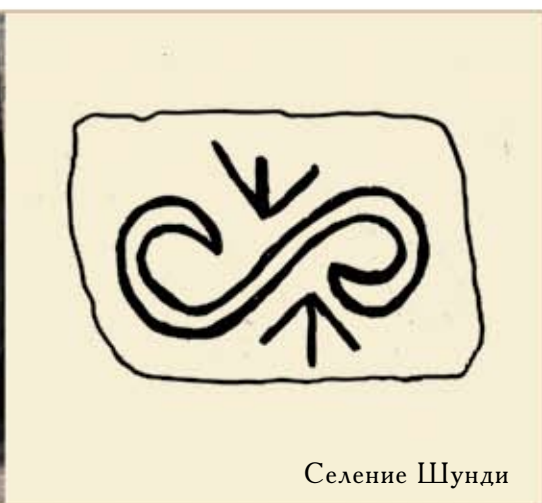
Селение Шарой

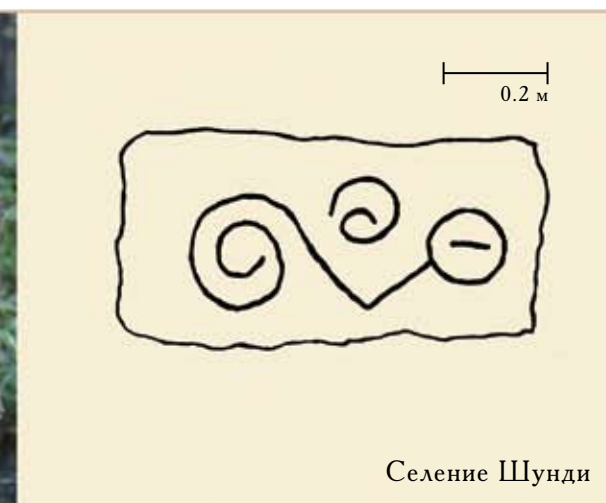
Селение Шарой

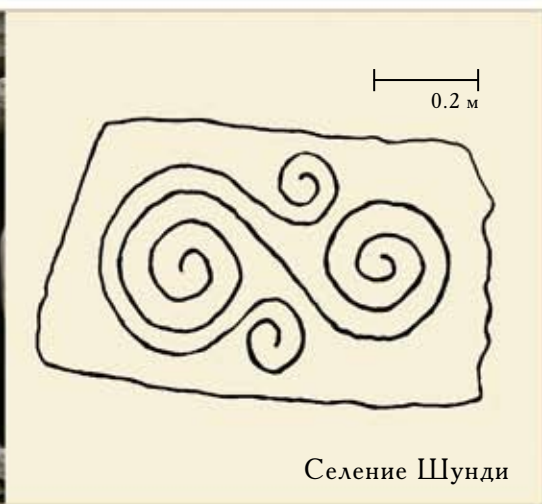
Селение Шунди

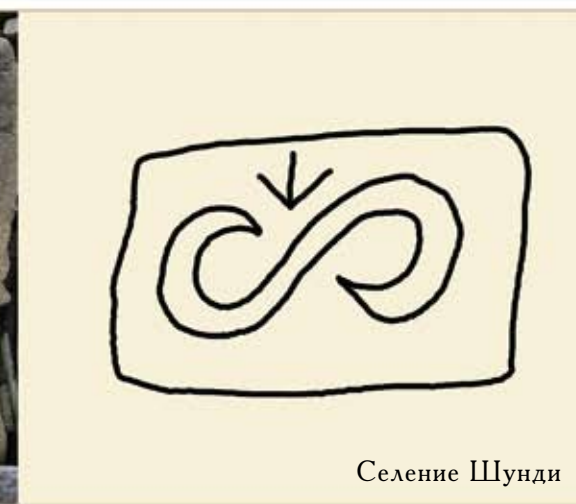
Селение Шунди

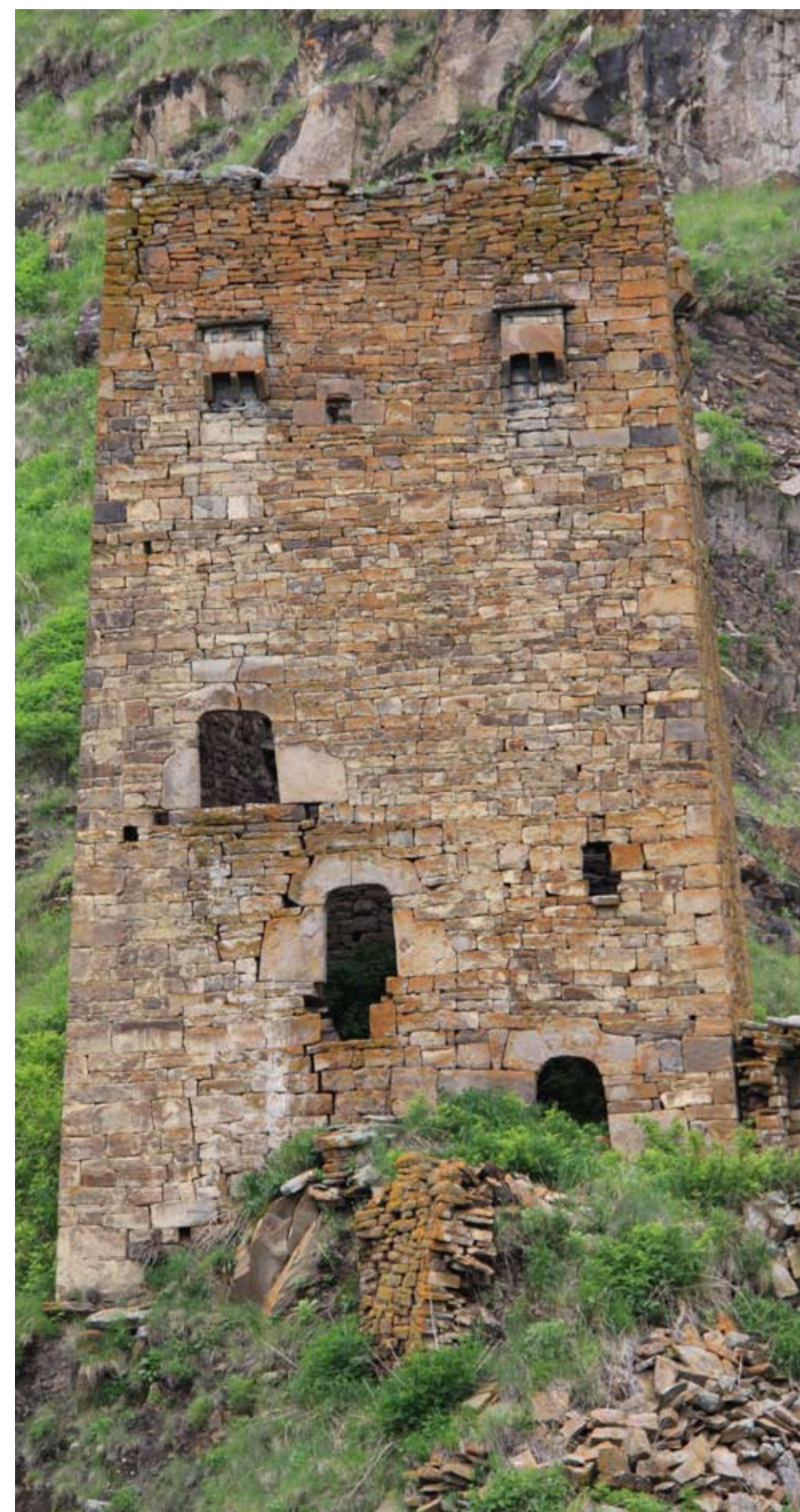
Селение Шунди

Селение Шунди

Селение Шунди

Башня в селении Никарой

РУКА, ЛАДОНЬ

Изображение человеческой руки появляется со времени палеолита. По мнению исследователей, палеолитические отпечатки рук были личным знаком человека²⁴⁶. В связи с изображениями руки в древнекаменном веке исследователь А. Любимов отмечал: «Не проявлял ли так первобытный человек свое желание оставить на камне свой отпечаток, навечно и зримо проявить себя, запечатлеть и утвердить свое присутствие?»²⁴⁷

В эпоху бронзы этот символ олицетворял власть, владение, собственность. Амулеты в виде кисти руки обнаружены в материалах кобанской археологической культуры. Эта семантика сохранилась у знака вплоть до средневековья. Петроглиф в виде руки, ладони на камнях средневековых чеченских построек также символизирует владение, собственность. Известный археолог В.И. Марковин считал, что изображение руки является своеобразной тамгой мастера, строившего башню. Исследователь также пытается связать смысл этого знака с обычаем средневековых хевсур и тушин прибавлять на фасаде дома отрубленные руки убитых врагов для того, чтобы тем самым получить силу побежденных²⁴⁸. Но у чеченцев в обозримом прошлом этот обычай не зафиксирован. Кроме того, чеченские строители не имели права оставлять свои отпечатки на башнях, которые они возводили для других людей. За строительство жилой башни хозяин должен был заплатить до 40 – 50 коров. Это было по тем временам в горах целое состояние. И единственным человеком, который мог оставить отпечаток своей руки на стенах жилой башни, был ее владелец.

Также вызывает большие сомнения трактовка изображения руки как мольбы, обращенной к какому-либо божеству²⁴⁹. На Северном Кавказе обнаружено очень много бронзовых фигурок с воздетыми вверх руками, которые, несомненно, олицетворяют человека в молитве. Но переносить это значение на изображение руки нет никаких оснований.

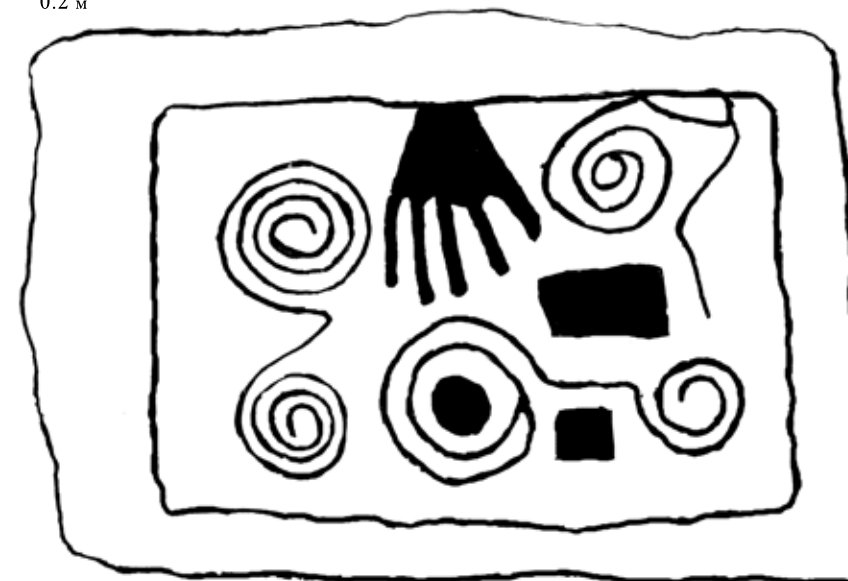
В чеченском языке слово «рука – к-уь-г» является очень древним. Об этом свидетельствует существование его в форме «к-у-х» в дигорском диалекте осетинского языка, где оно является субстратным. Сохранился ряд слов со значением «владеть» с основой «к- - рука», ср. «ков – крепость, ворота», «керт – селение, изгородь». Это также является дополнительным подтверждением того, что этот знак мог олицетворять власть и собственность. Например, стелы с изображением руки в средневековой Грузии устанавливались на границе земельных владений, символизируя право собственности²⁵⁰.

²⁴⁶ Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С.38.

²⁴⁷ Любимов Л.Д. Искусство древнего мира. М, 1971. С.22.

²⁴⁸ Атаев Д., Марковин В. Петрография горной Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Т. XIV. С. 361.

0.2 м

Химой - 3

Хой-24

Знак руки встречается на чеченских средневековых постройках в различных вариациях. Во-первых, не все знаки являются отпечатками. Большая часть их представляет именно изображение руки, а не ее копию, что дает возможность предположить и другую их семантику. Например, в вышеописанном петроглифе из селения Ошни рука пририсована к внешнему концу и символизирует власть божества мира мертвых над душой убитого оленя.

В селении Пакоч обнаружен петроглиф в виде двух скрепленных рук рядом со спиралью, которые действительно могут олицетворять молитву к божеству.

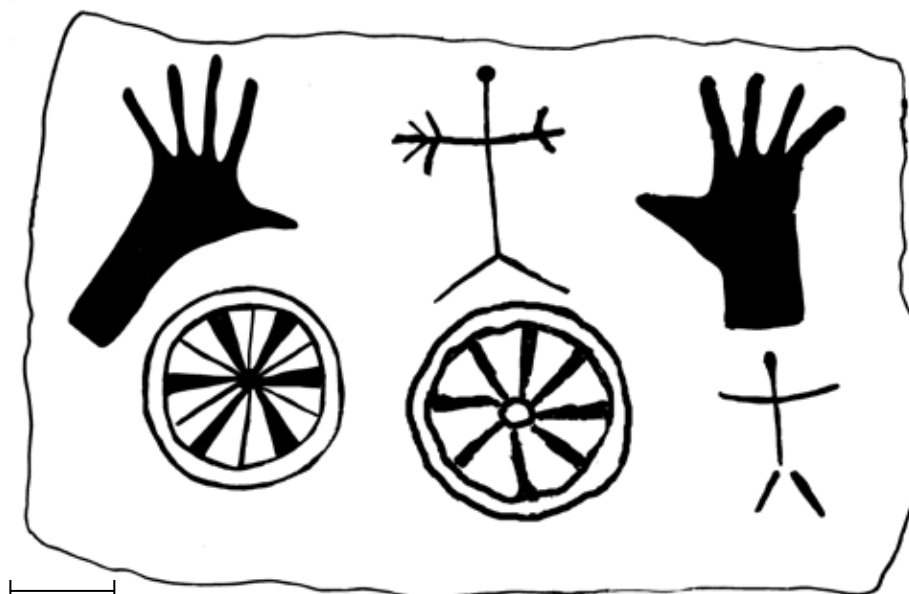
В селении Коротах на камне изображены две руки,

0.2 м

Ца-Кале-1

0.4 м

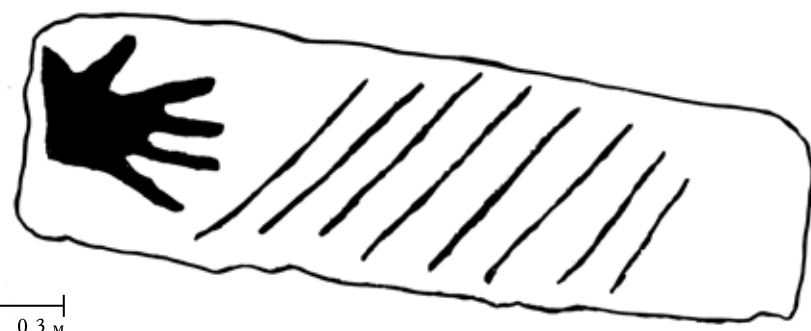

²⁴⁹ Мусаев Т. А., Мусаева Н.Ф. Семантика культовых изображений в древней и средневековой культуре горного Дагестана. Махачкала, 2012. С.118.

²⁵⁰ Меликсет-Бек Л.М. Рельефы руки на памятниках материальной культуры феодальной Грузии // Материалы по этнографии Грузии. Вып.9. Тбилиси, 1957. С.109.

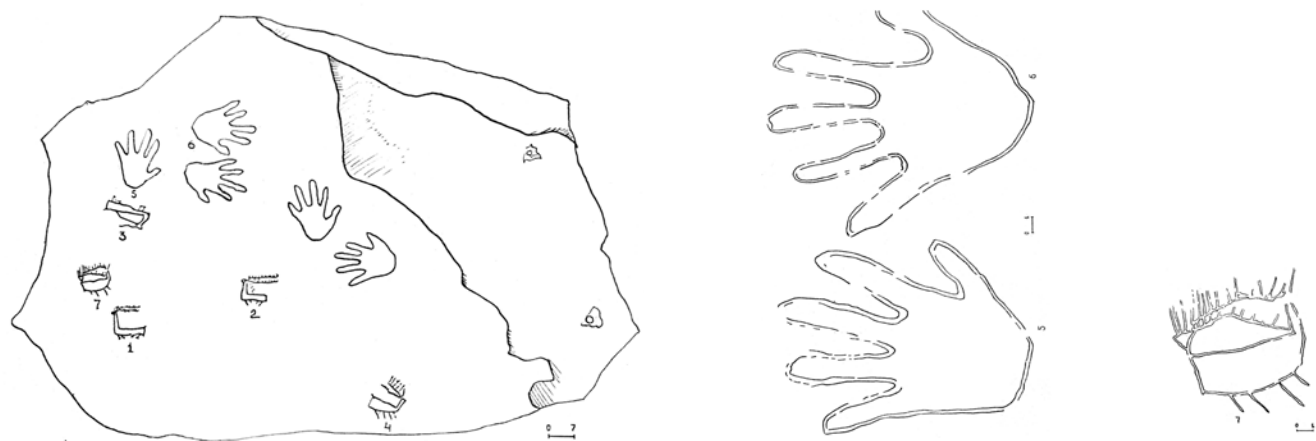

Шикарой-4

одна из которых имеет стилизованное тело с двумя руками и ногами. Близкое по стилистике изображение руки с ногами и с подчеркнутыми признаками мужского пола найдено на камне в селении Эльдинхарой. В обоих случаях рука представлена как самостоятельное существо, по всей видимости, обладающее магической силой.

Таким образом, символика руки на камнях чеченских средневековых построек имеет три основных значения: собственность; власть, в том числе и власть божества; магическая сила.

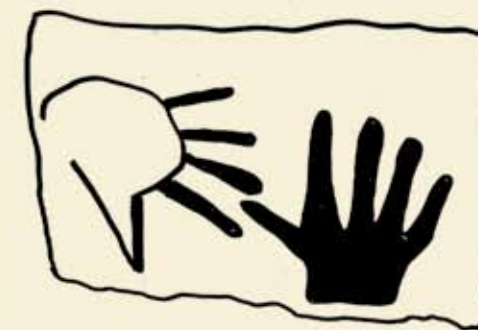

Копия наскальных рисунков. Из материалов экспедиции М. Ошаева

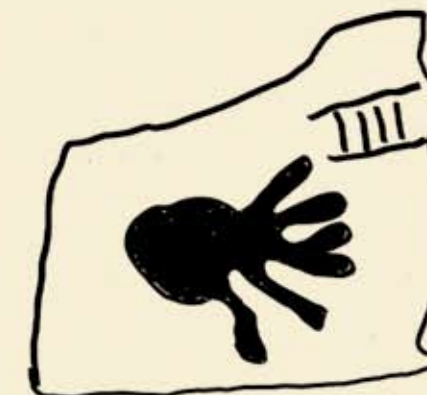

Цой-Педе-3

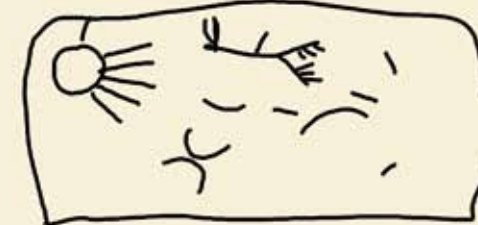
0.2 м

Селение Басхой

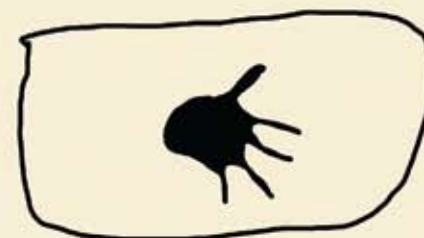
Селение Басхой

Селение Гурой

Селение Гухой

Селение Дере

Селение Коречу

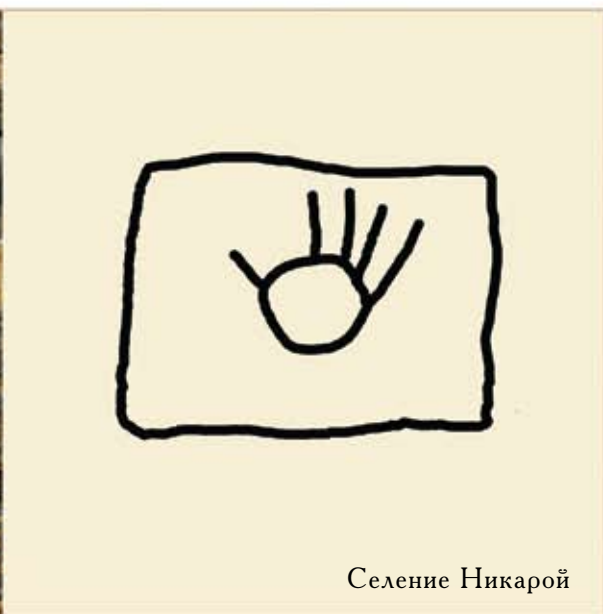
Селение Коротак

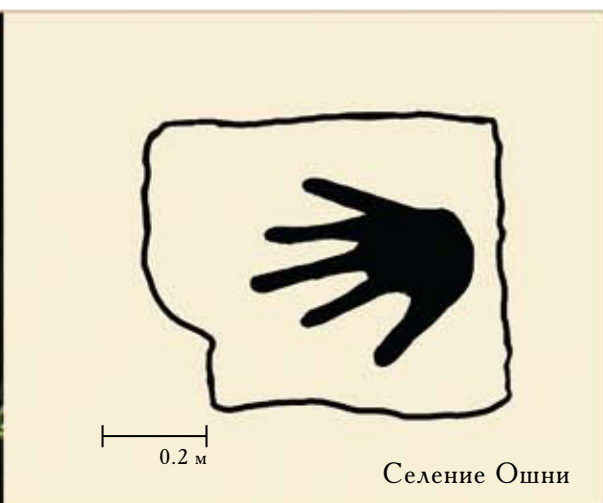
Селение Макажой

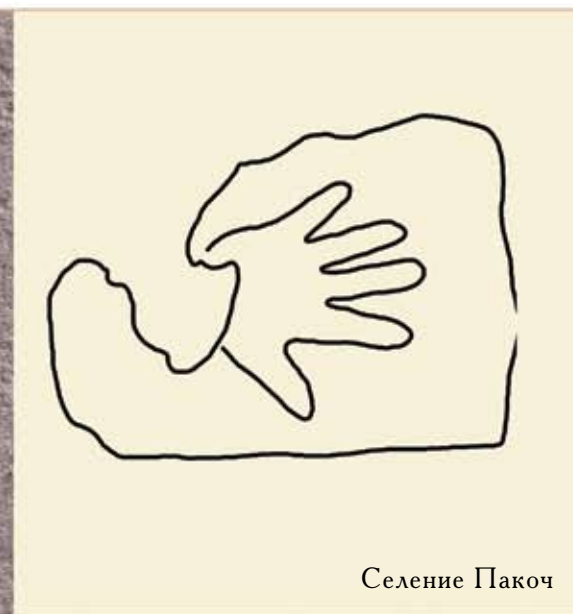
Селение Моцарой

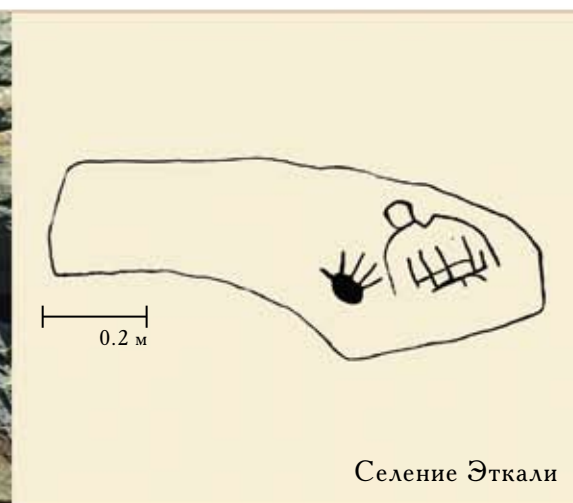
Селение Никарой

Селение Ошни

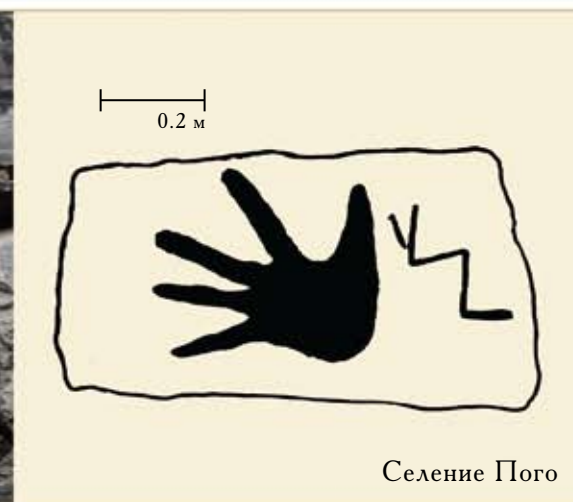
Селение Пакоч

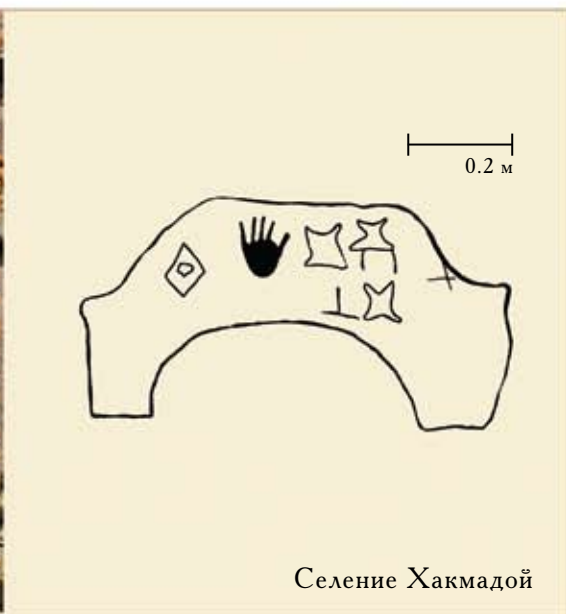
Селение Эткали

Селение Пакоч. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

Селение Пого

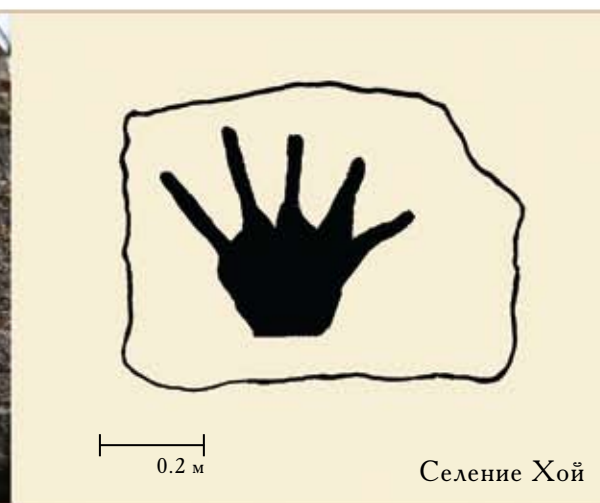
Селение Хакмадой

Селение Хакмадой

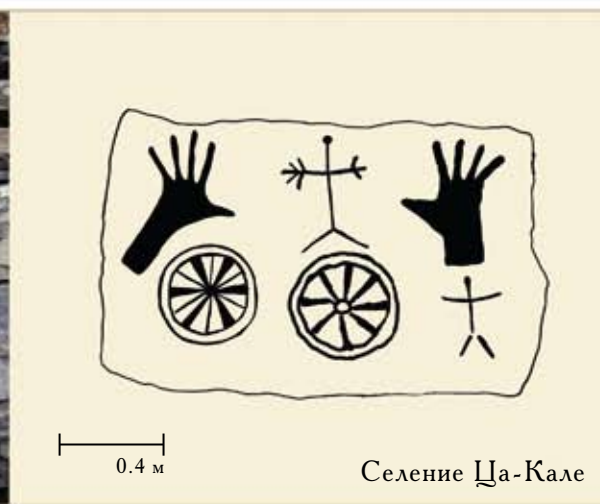
Селение Хакмадой

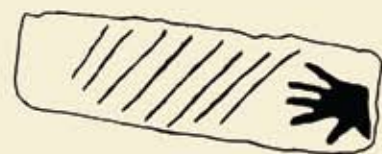
Селение Хой

Селение Хакмадой

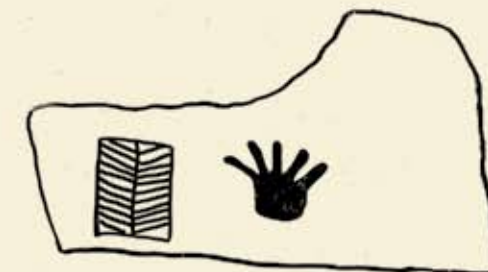

Селение Ца-Кале

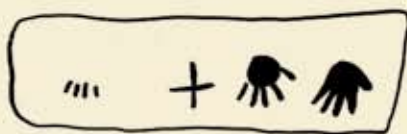

0.3 м

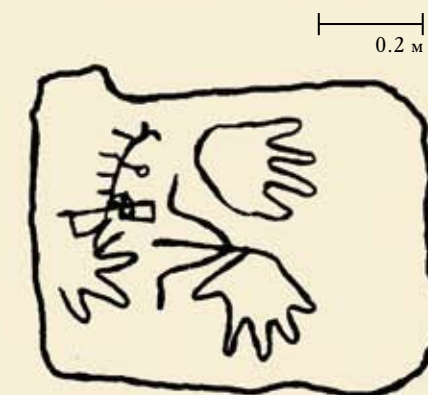
Селение Шикарой

Селение Шула

Селение Шикарой

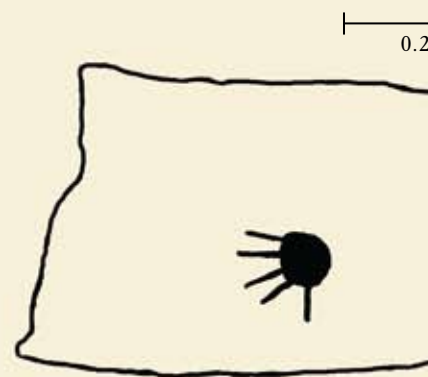

0.2 м

Селение Эльдипхарой

Селение Шула

0.2 м

Селение Эткали

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Антропоморфные изображения встречаются также на всей территории горной Чечни от селения Хой на востоке до ущелья Цеча-ахк на западе. Они различаются по стилистике, семантике, связаны с различными культурами. Более древние изображения человека имеют аналогии в бронзовой пластике кобанской археологической культуры.

Наиболее древний пласт связан с культом плодородия. Стилизованные человеческие фигуры изображаются с подчеркнуто увеличенными признаками пола, что должно было по представлениям древних нести благодать, увеличивать приплод домашних животных, гарантировать богатый урожай. Фаллические культы были широко распространены по всему Северному Кавказу, в Ингушетии они сохранялись вплоть до начала XIX века. Еще один признак антропоморфных фигур, связанных с культом плодородия – это несоразмерно большие ладони, такие как, например, на арке оконного проема жилой башни в селении Хаскали. Аналогии этому рисунку мы находим на европейской керамике III тыс. до н.э. В селении Хой на арке входного проема жилой башни обнаружено стилизованное изображение женщины, рожающей ребенка. Возможно, что семья, живущая в этой постройке, была бездетной, и магический рисунок должен был способствовать появлению у нее детей. Кроме того, найдены камни с изображениями мужчины и женщины, которые также связаны с культом плодородия.

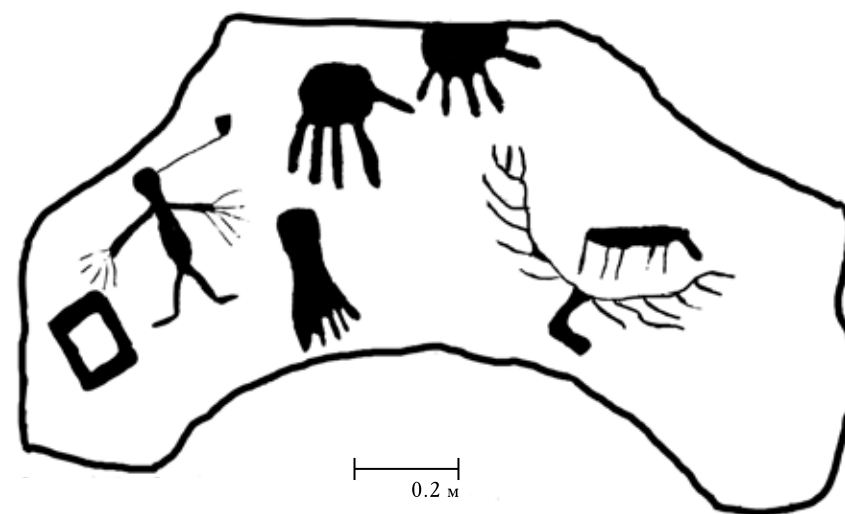
Определенный ряд изображений человека, несомненно, связан с охотничьим культом. В основном, это стилизованные фигуры, чаще всего, целящиеся из лука в оленя или тура. В наиболее древних рисунках охотник изображается с копьём.

Как мы уже писали выше, на арке входного проема жилой башни в селении Ошни изображен охотничий сюжет, в котором особый интерес представляет фигура танцующего охотника. Его движение аналогично движению танцора в чеченском народном танце. Это говорит о древности чеченского народного танца и о его связи с древними культурами, в том числе и с охотничьим.

Об архаичности и связях народного танца с охотничьим ритуалом говорят и названия его элементов или вариантов: «ча болар – поступь медведя», «ка болар – поступь барана», «сай болар – поступь оленя».

В селении Макажой обнаружен камень с изображением парного танца, рисунок которого ничем не отличается от современного. О древности петроглифа говорит то, что признаки пола нарисованы отдельно от фигур.

Жогадой

Это также свидетельствует о существовании абстрактного мышления у людей того времени. Рисунок также несет информацию об одежде танцующей пары. У мужчины длинные, свисающие вниз рукава, женщина одета в широкие брюки. По всей видимости, это был ритуальный танец, связанный с культом солнца.

Достаточно часто встречаются петроглифы с изображением всадника. Нередко всадник изображается перевернутым вниз головой или расположенным перпендикулярно по отношению к горизонту. В.И. Марковин считал, что камни с изображением всадника оказываются случайно перевернутыми при вторичном использовании. Однако подобная трактовка вряд ли может быть принята, так как камни с петроглифами сохраняли свое культовое значение и при дальнейшем использовании в новых постройках.

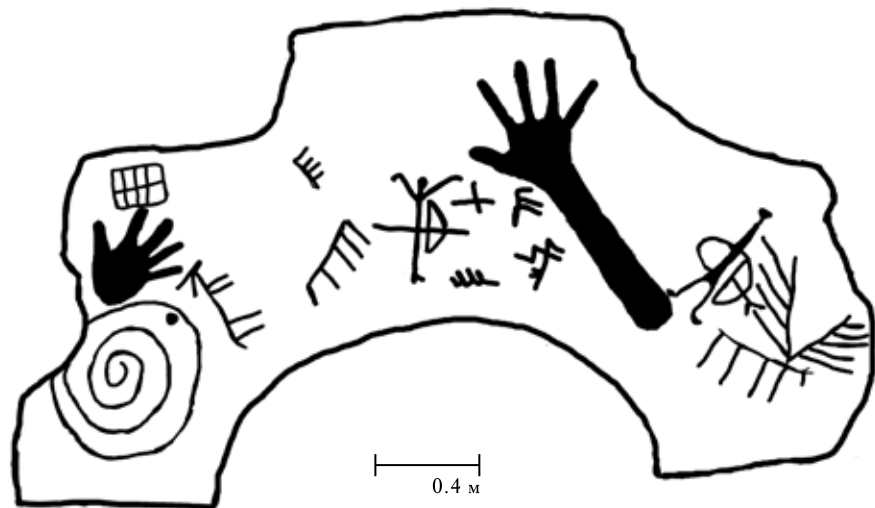
На самом деле средневековые строители укладывали камень с петроглифом в новую кладку осмысленно, осознавая культовое значение рисунка. И, конечно, они не могли случайно перевернуть камень. Положение всадника по отношению к горизонту зависело от смысла, который вкладывался в изображение. По всей видимости, такие камни считались священными и обязательно переносились при строительстве в новое строение.

К тому же необходимо учитывать, что люди не только в средневековье, но и в наше время относятся к символике с большим уважением и страхом.

Макажой-12

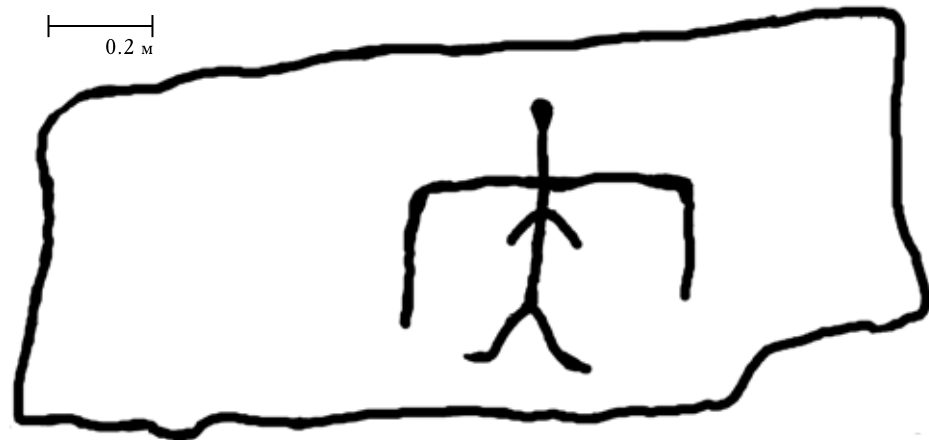
Ошши

Поэтому трудно представить, что средневековые строители могли случайно перевернуть камень с изображением. Или могли использовать при строительстве камни с незнакомой или чуждой им символикой.

Всадник чаще всего изображается рядом со спиралью, которая символизировала путь в мир мертвых или дорогу в царство живых, то есть смерть человека или его появление на свет. Расположение его по отношению к горизонту было связано с семантикой рисунка. Если всадник изображался едущим вертикально вниз, то это свидетельствовало о том, что он спускается в мир мертвых. Долгое время чеченцы считали, что мир мертвых ничем не отличается от мира живых. Там человек также нуждается в одежде, пище, во всем, что необходимо для жизни в мире живых. Спираль рисовали для того, чтобы душа умершего не заблудилась между мирами и не блуждала без приюта. Спираль указывала путь в мир мертвых, а всадника рисовали для того, чтобы человек следовал в мир мертвых верхом на коне, а не пешком. Это подтверждается и тем, что в древности у чеченцев существовал погребальный обряд захоронения коня вместе с умершим хозяином. Такие погребальные традиции были свойственны кобанцам, скифам, сарматам. В более поздние времена вместо коня стали класть в могилу кончик отрезанного у коня уха или снятую с него подкову, тем самым посвящая коня умершему. Считалось, что в этом случае он не останется в мире мертвых без лошади. Культ коня

Талкали-3

был настолько распространенным среди чеченцев, что они даже приняв ислам, не употребляли конину в пищу вплоть до депортации в 1944 году.

Кроме того, всадник рядом со спиралью, олицетворявшей путь в мир мертвых, мог быть и божеством, сопровождавшим душу умершего или появившегося на свет человека.

Встречаются среди чеченских петроглифов и изображения человекоподобных существ, по всей видимости языческих божеств. Например, на камне в селении Талкали обнаружен рисунок с антропоморфным изображением, который помещен между двумя волнистыми линиями. Существо имеет огромные глаза, а также руки и ноги с перепонками. По стилистике изображения видно, что изображено существо, связанное с водной стихией. Волнистая линия символизировала воду, дождь. Божеством, посылающим дождь, считался Села. Его земной ипостасью был олень, который также нарисован на этом камне. По всей видимости, это изображение Селы, божества грома и молнии, который также мог наслать неурожай, гибель приплода домашних животных. Поэтому в своих молитвах к Селе горцы просили дождя, урожая, приумножения семьи. Изображение антропоморфного существа, олицетворявшего божество, найдено и в селении Шула. Существо имеет огромные ладони и подчеркнутые признаки пола. Под его поднятыми горизонтально руками изображены маленькие фигурки людей. Люди как бы отдавали себя под покровительство божества или молили его о защите и покровительстве.

Рядом с крестом и свастикой часто изображаются стилизованные фигуры людей, которые таким образом находятся под защитой этих символов, олицетворяющих божественные силы.

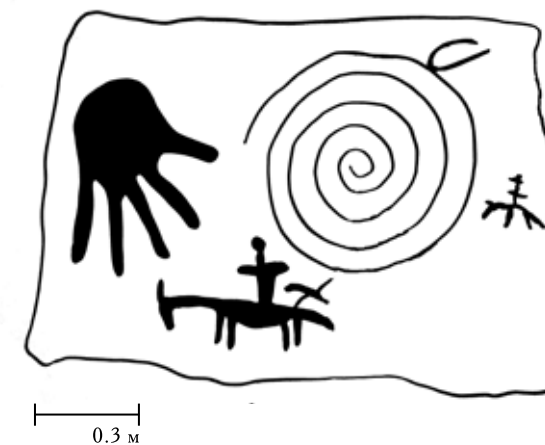
В селе Ца-Кале на камне обнаружено изображение антропоморфной фигуры над солнечным колесом. При этом на одной руке у существа пять пальцев, на другой – три. Трехпалые антропоморфные существа, по мнению многих исследователей, являются божествами. Возможно, перед нами изображение персонифицированного божества солнца. Тем более, что это было свойственно религиозным представлениям чеченцев, как об этом свидетельствует их мифология.

Есть изображения людей, появившиеся, по всей видимости, под влиянием христианства: это фигуры, напоминающие распятие. Вместе с трансформацией христианства в язычество, эти изображения стали использовать в языческих культах.

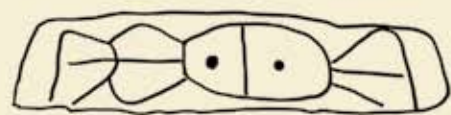

Талкали-1

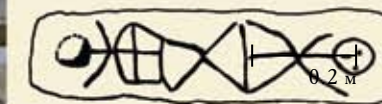
Эткали-3

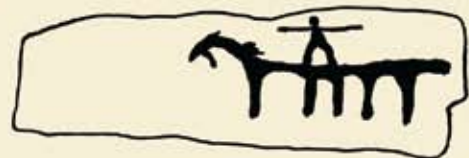

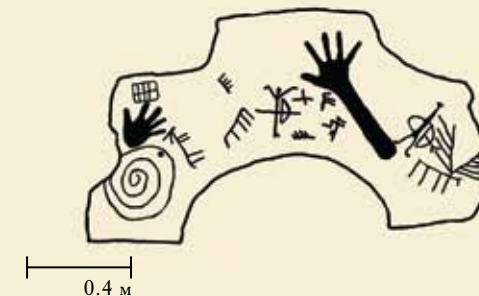
Селение Жоголдой

Селение Макажой

Селение Макажой

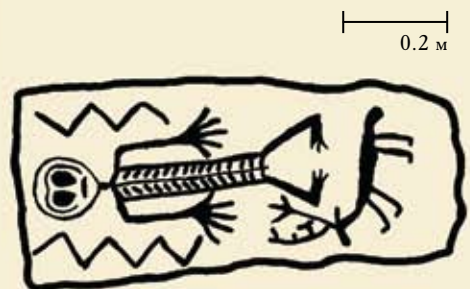
Селение Ошни

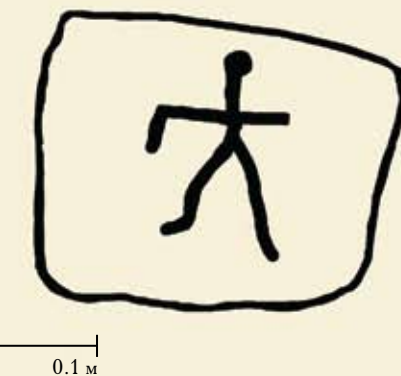
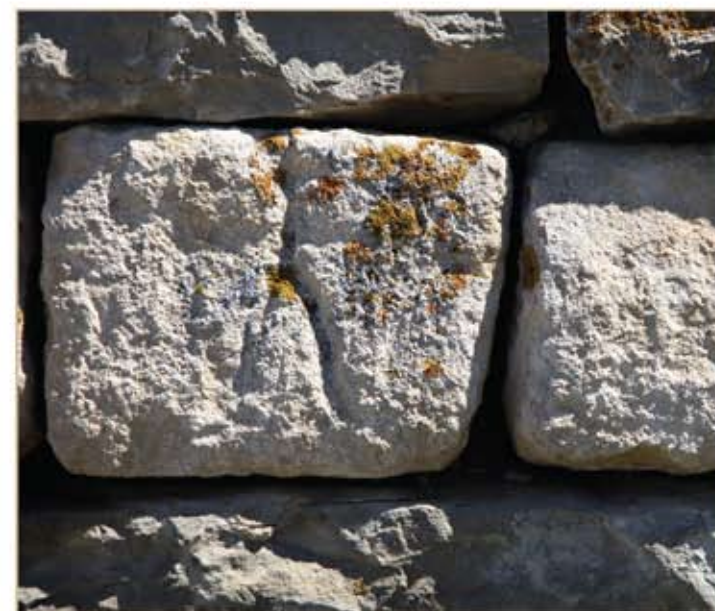
Селение Макажой

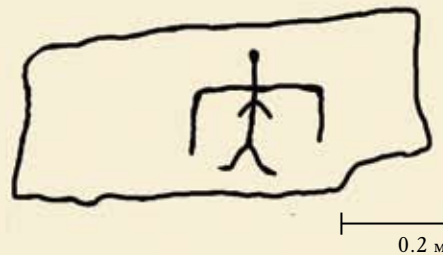
Селение Талкали

Селение Талкали

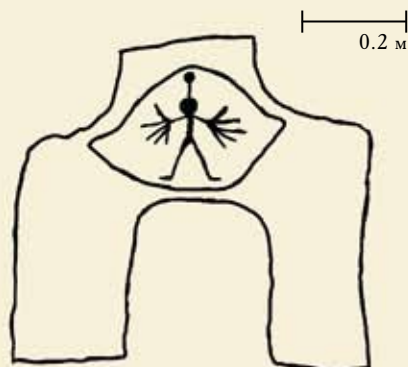
Селение Хой

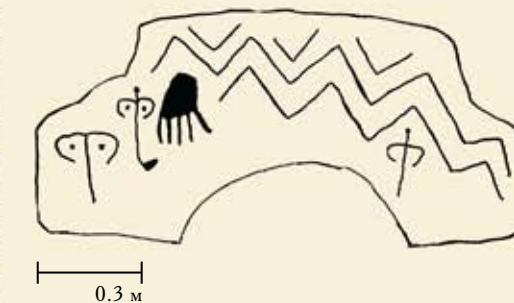
Селение Талкали

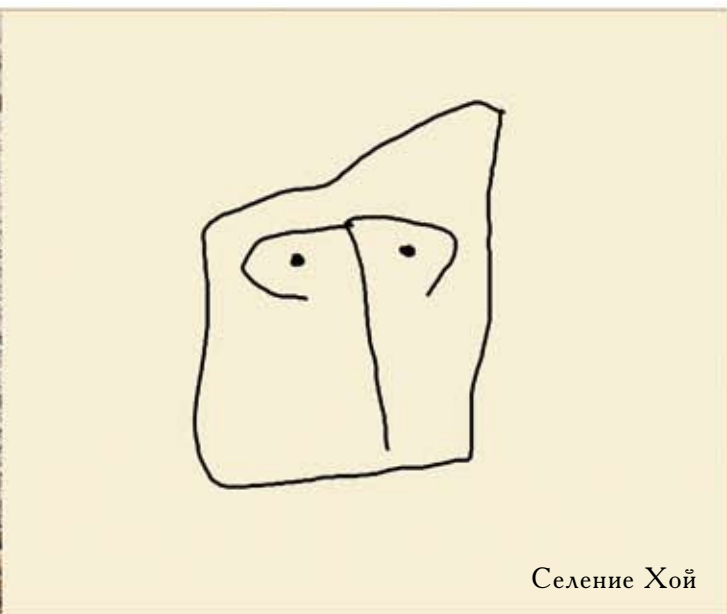
Селение Хой

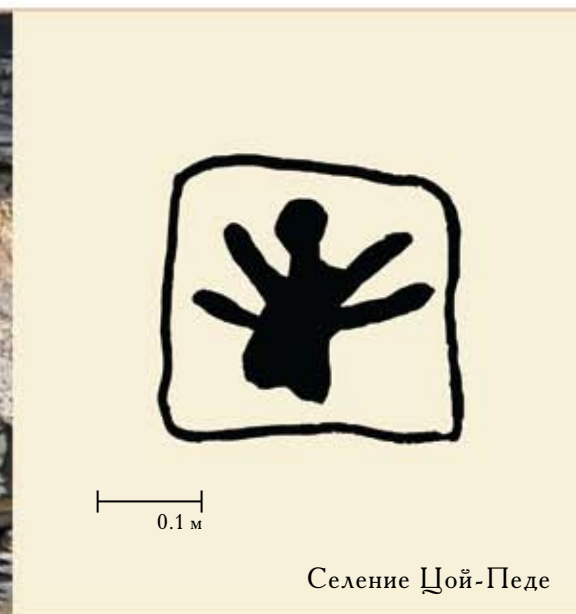
Селение Хаскали

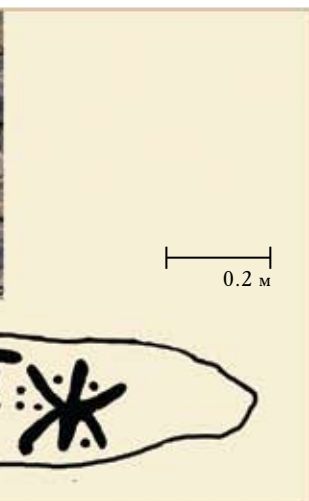
Селение Хой

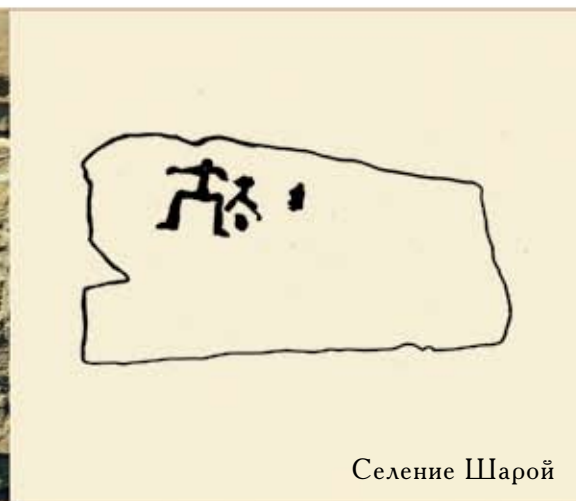
Селение Хой

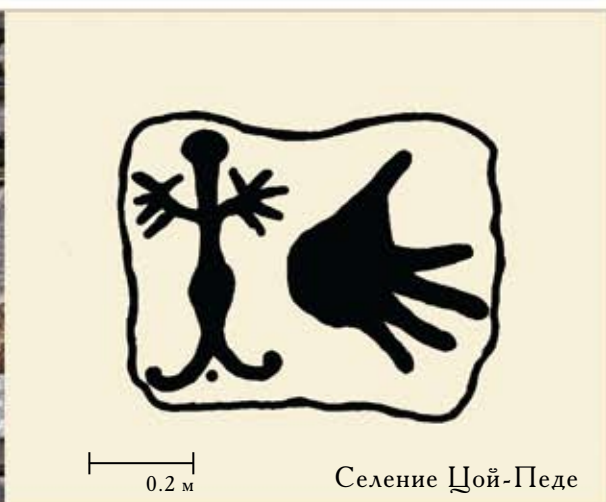
Селение Цой-Педе

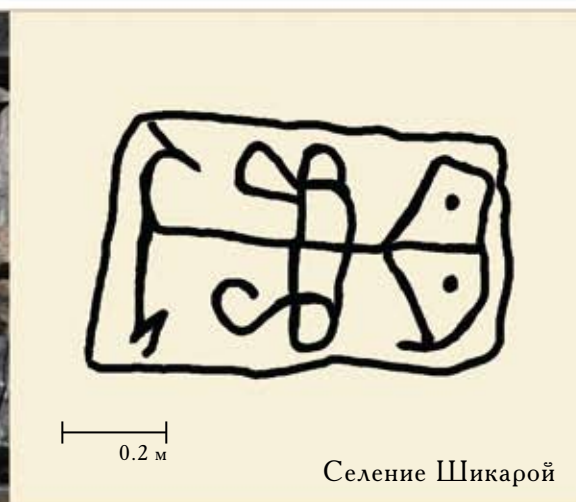
Селение Цой-Педе

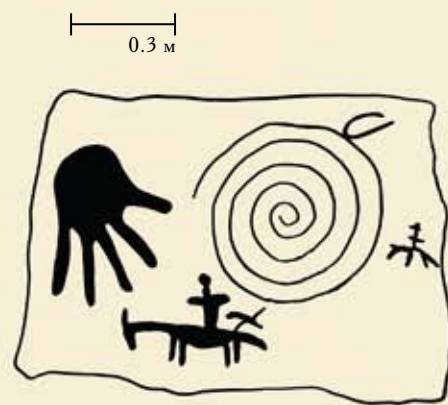
Селение Шарой

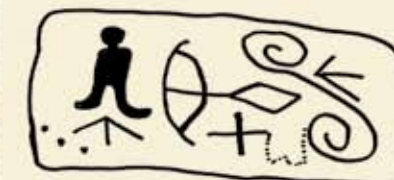
Селение Цой-Педе

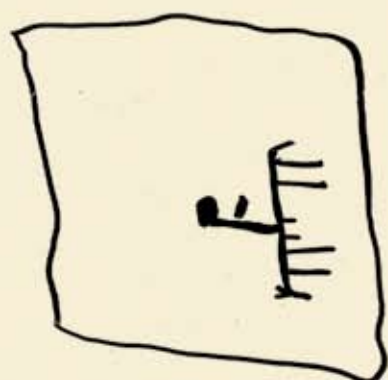
Селение Шикарой

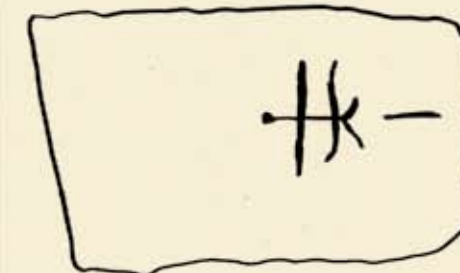
Селение Эткали

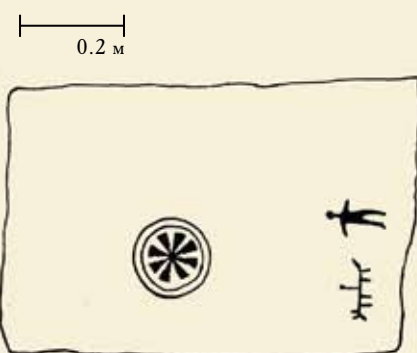
Селение Васеркел

Селение Эткали

Селение Дерё

Селение Эткали

Селение Жогалдой

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Изображение оленя является одним из самых распространенных зооморфных изображений в чеченской петроглифике. Очень часто олень изображается в сцене охоты, когда в него целится из лука стилизованная фигура охотника. Этот сюжет является очень древним. Подобные изображения мы встречаем на стенах святилищ поселения Чатал-Гуюк в Малой Азии, которое датируется VII тыс. до н.э.

А. Голан считает, что сцены охоты на оленя восходят к древнейшему мифу, в котором бог-змея преследует оленя, похитившего солнце-деву. С мифом о солнценосном олене, по мнению исследователя, связан образ «культурного героя», осуществлявшего цивилизаторскую миссию по отношению к человечеству. В конце концов, ученый возводит этот символ к божеству преисподней, как, впрочем, и многие древние символы²⁵¹.

Однако чеченский материал дает основание для совершенно противоположной трактовки образа оленя. Название оленя у чеченцев «сай» (более древняя форма «се») восходит к древнему названию неба «се-», откуда имя божества грома и молнии Селы. То есть название оленя в чеченском языке этимологически связано с именем божества неба, грома и молнии, которому приносили жертвоприношения в виде оленьих рогов. Из всего этого можно сделать вывод, что олень был атрибутом божества Селы, который являлся еще и властелином дождя. Ритуальная сцена охоты на оленя была молитвой божеству грома и молнии с просьбой о дожде.

То, что образ оленя был связан с небом, подтверждается и исследованиями Б. Рыбакова. Исследователь считает, что в эпоху мезолита охота на оленей играла важную роль в хозяйственной жизни людей. В связи с этим у них возникло представление о том, что оленей порождает божественная мать-олениха, живущая на небе²⁵².

Помимо изображения оленя у чеченцев был символ, олицетворявший оленя – S-образный знак. То, что этот знак был символом оленя, подтверждается петроглифами на стене жилой башни в селении Васеркел в Майсте. На этом камне изображена человеческая фигура, которая целится из лука в S-образный знак. Во всех графических сюжетах, в которых есть изображения лука со стрелами, стрела всегда направлена на оленя или стадо оленей. И сам S-образный знак на камнях чеченских средневековых построек также всегда изображается со стрелами, направленными на него с двух сторон.

Распространенным петроглифом был и двухволотный символ, олицетворявший барана, который у чеченцев ассоциировался с физической силой,

Макажой-1

плодородием, упорством. Изображения барана, амулеты в виде бронзовых бараньих голов были широко распространены среди кобанских племен – далеких предков чеченцев. По мнению К. Берладиной, амулеты в виде бараньих голов являлись для древних кобанцев символом благополучия, богатства, связанного со скотоводческим хозяйством²⁵³.

Кроме того, среди чеченских петроглифов встречаются изображения собаки рядом с человеческой фигурой. Древнее название собаки в чеченском языке «пхью» входит в ряд названий священных животных – «пхьагал – заяц», «пхьид – лягушка», произношение которых было табуировано. В исламе собака считается нечистым животным, поэтому у чеченцев не сохранилось никаких следов почитания этого животного. Но овчарка, которая была в горах верным помощником и другом пастухов и в выпасе стада, и в его охране, пользуется любовью и почетом²⁵⁴.

Стилизованное изображение птицы обнаружено на камне со свастиками в селении Харкарой. Здесь птица олицетворяет небесный, божественный мир, а олень – мир предков.

Есть на камнях, хоть и очень редкие, изображения жука рядом с соляными знаками. Их семантика пока неясна.

Васеркел-склен

Дере

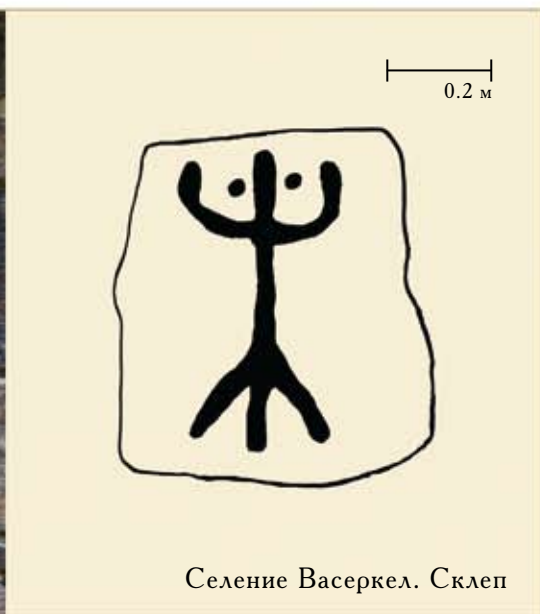
²⁵¹ Голан А. Миф и символ. С.43 – 47.

²⁵² Рыбаков Б.А. Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М, 1976.

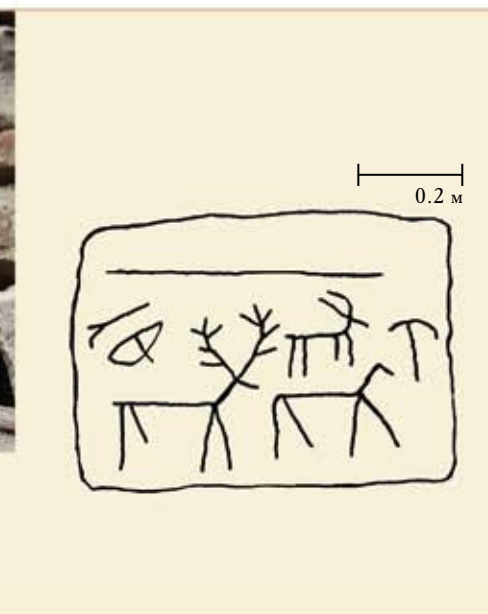
²⁵³ Хохов А. Осетинский народный орнамент. (Текст К. А. Берладиной). Дзауджикау. 1948. С.11.

²⁵⁴ Кривицкий В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб, 2012. С. 21.

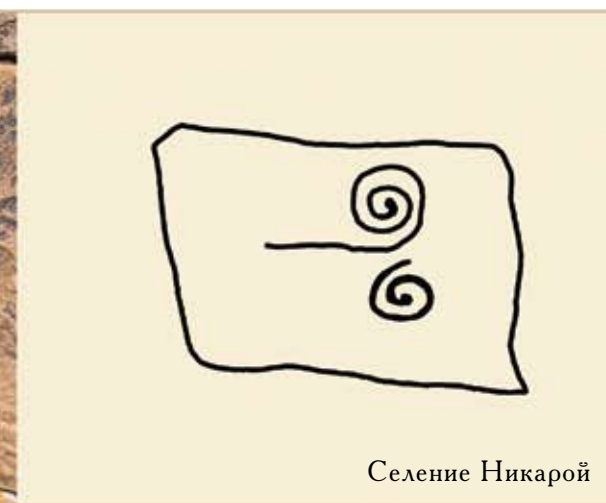
Селение Васеркел. Склеп

Селение Макажой

Селение Дерё

Селение Никарой

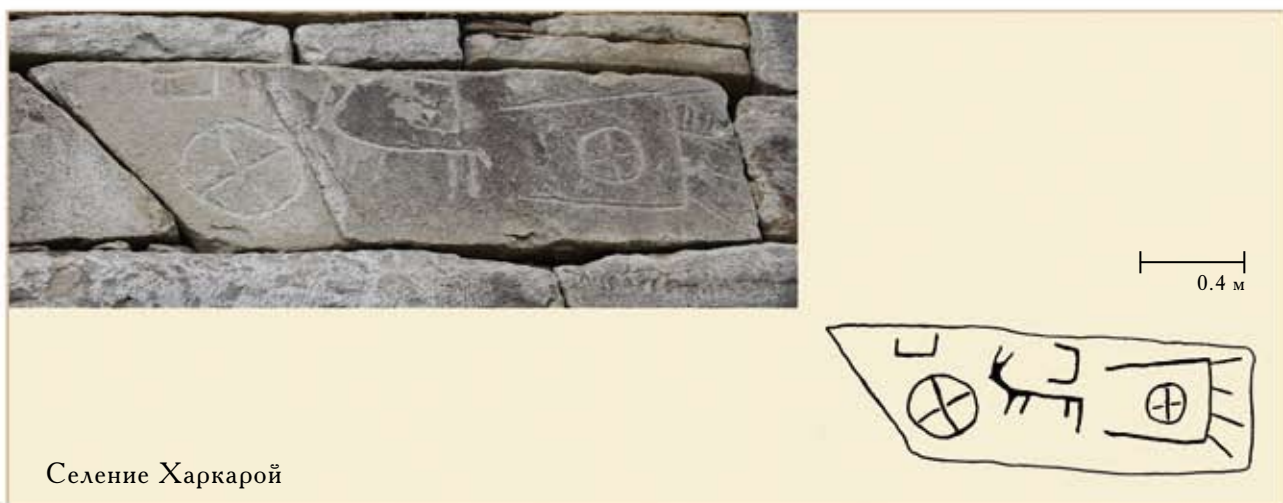
Селение Жогалдой

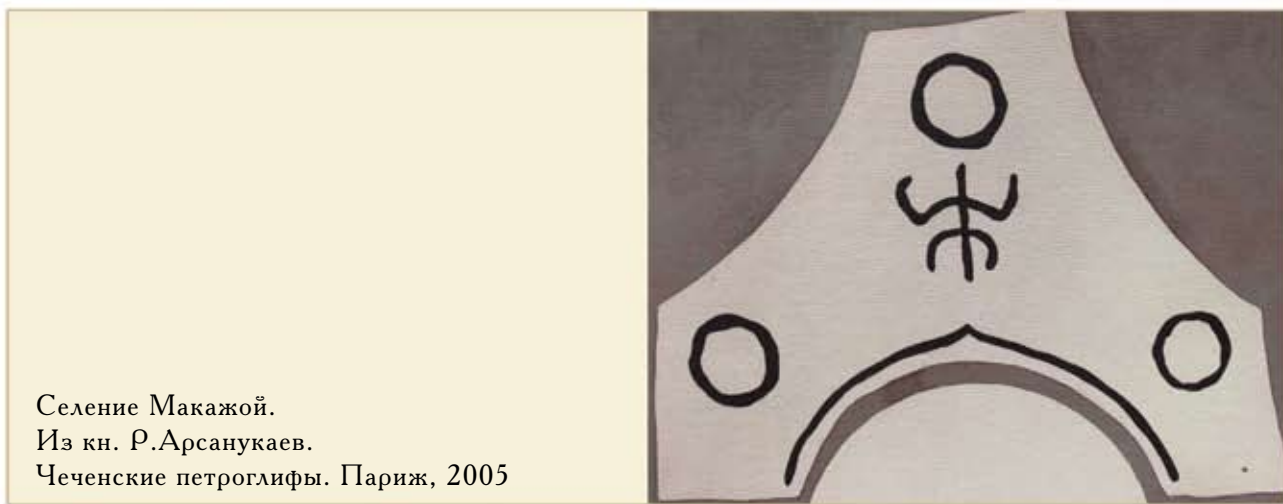
Селение Ошни

Селение Харкарой

Селение Харкарой

Селение Макажой.
Из кн. Р.Арсанукаев.
Чеченские петроглифы. Париж, 2005

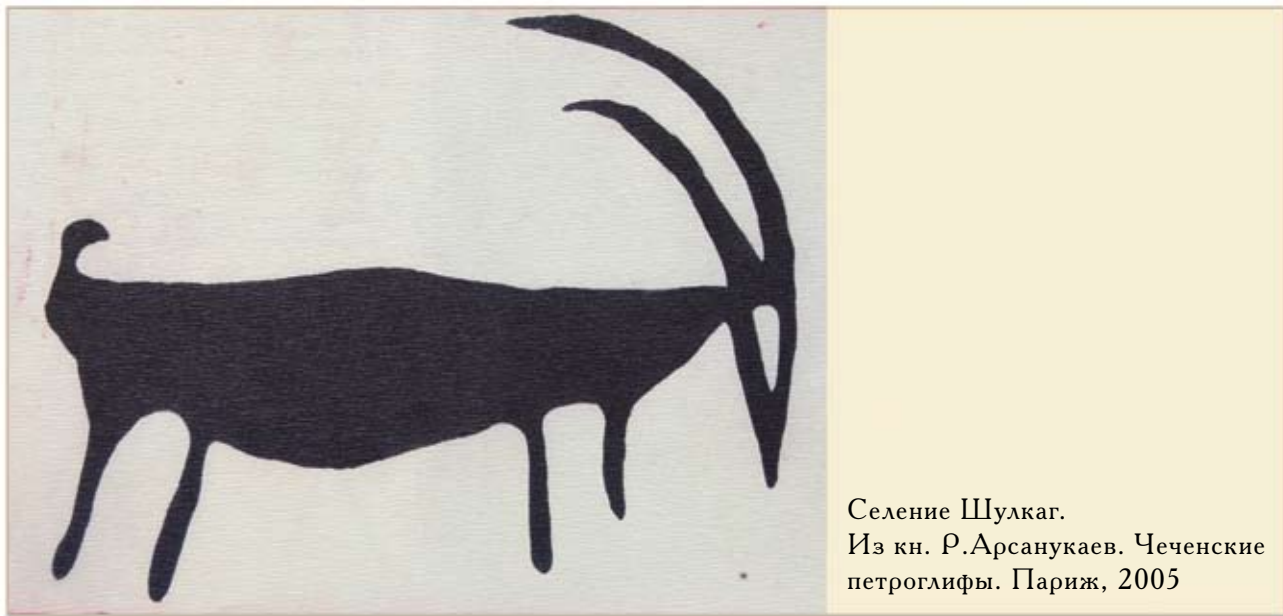
Нашх. Селение Моцарой. Из кн. Р.Арсанукаев.
Чеченские петроглифы. Париж, 2005

Селение Нижний Кей. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

Селение Тазбичи.
Из кн. Р.Арсанукаев.
Чеченские
петроглифы.
Париж, 2005

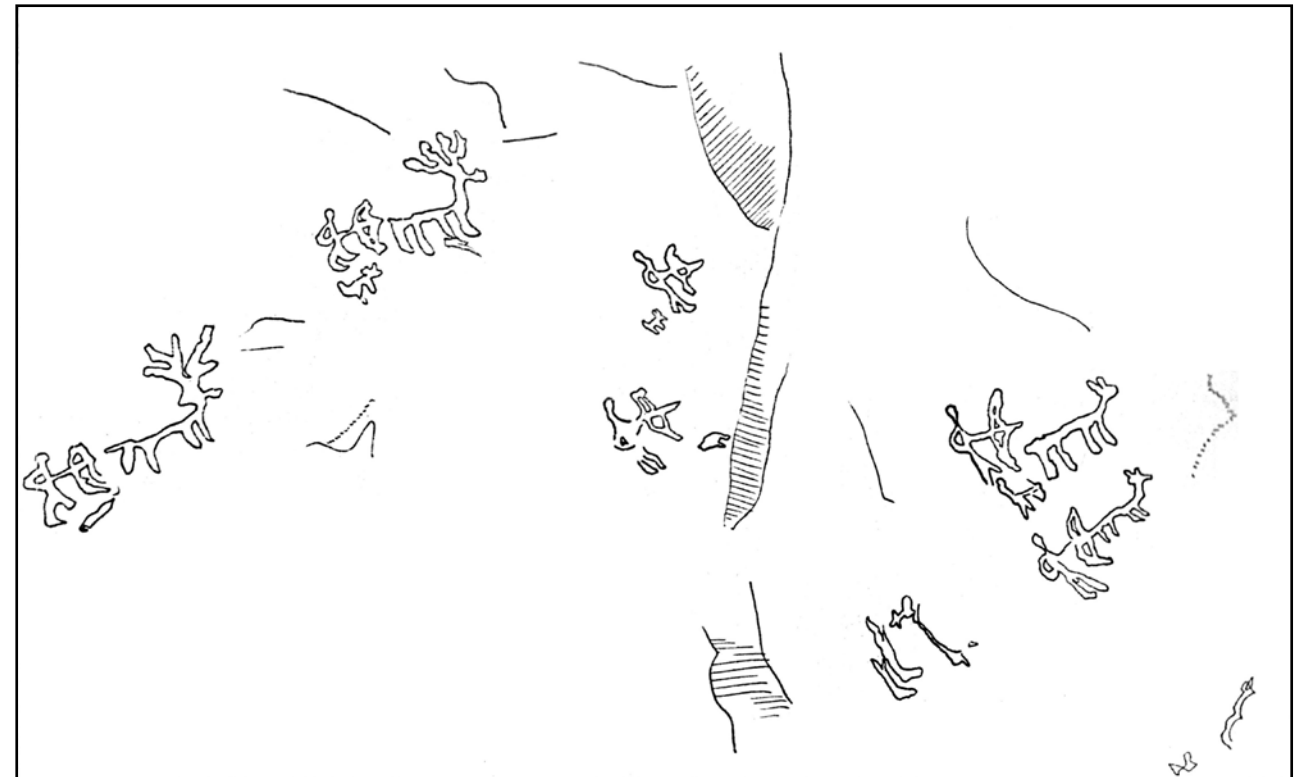
Селение Шулкаг.
Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские
петроглифы. Париж, 2005

Селение Тазбичи.
Из кн. Р.Арсанукаев.
Чеченские петроглифы.
Париж, 2005

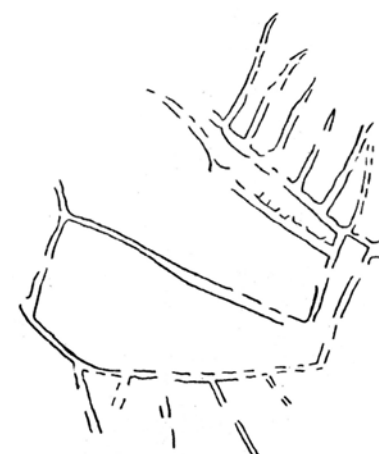
Наскальные рисунки. Нашх. Из материалов экспедиции М. Ошаева

Копия наскальных рисунков. Из материалов экспедиции М. Ошаева

Плита с петроглифами
(фрагмент). Из материалов
экспедиции М. Ошаева

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

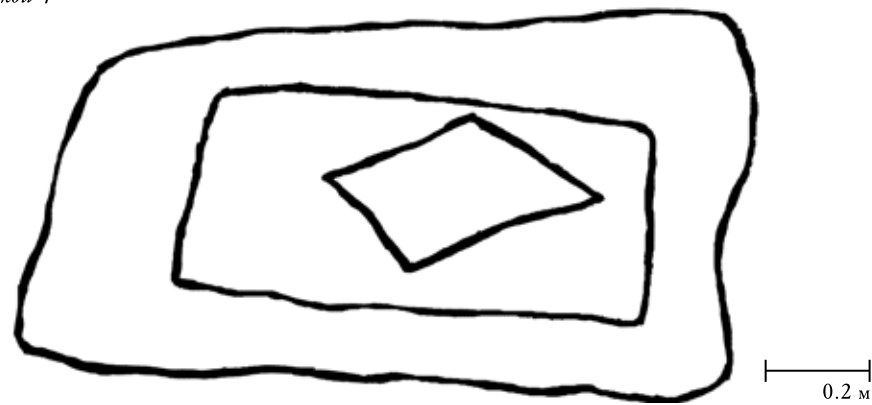
На чеченских средневековых постройках обнаружено большое количество геометрических фигур: треугольников, ромбов, прямоугольников, волнистых линий, параллельных прямых линий, семантика которых зависит от контекста. Треугольник является символом женского начала, связанного с культом плодородия. Это же значение этот знак имел в древнем шумерском алфавите. К изображению женщины, женского начала относятся и зигзагообразные линии в несколько рядов, также связанные с культом плодородия. То есть, если треугольник относится к знаковой передаче женского образа, то зигзагообразная линия является орнаментальным выражением женского начала, восходящим к эпохе палеолита²⁵⁵.

Ромбы, прямоугольники олицетворяли землю. Волнистые линии были символом воды, как и аналогичная пиктограмма у шумеров, имевшая значение «водный поток». Довольно распространенными на камнях средневековых построек являются скобообразные изображения, которые бывают одиночными, концами вверх или вниз, вертикальными, парными (когда скобы повернуты концами друг к другу или в противоположные стороны).

Эти изображения встречаются в различных районах мира со времен палеолита, например на бивне мамонта в Белоруссии²⁵⁶.

По мнению А. Голана, это следы диких лошадей, служивших одним из основных объектов охоты в эпоху палеолита, изображение которых, предвещавшее удачную охоту, сохранялось и в эпоху бронзы²⁵⁷. На наш взгляд, символы в виде скоб действительно связаны с культом лошади, но это не отпечатки копыт, а символические изображения лошадей. Это отчетливо

Макажой-4

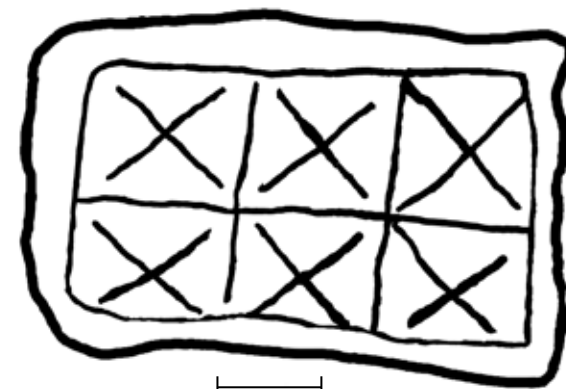
²⁵⁵ Сукачев Н.Л. Экскурсы в историю письма. М, 2010. С. 134.

²⁵⁶ Поликарпович К.М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР. Советская Археология. №5. 1940. С. 85.

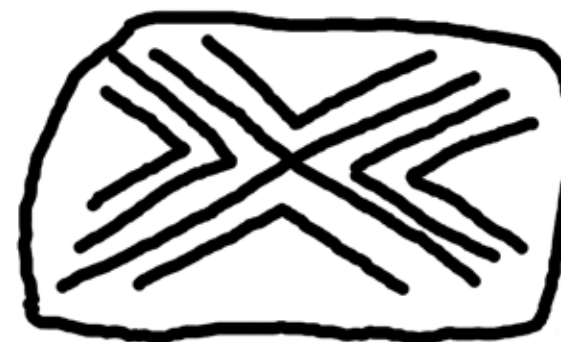
²⁵⁷ Голан А. Миф и символ. С. 123.

видно на камне в селении Зумс, когда поверх скобы с концами, направленными вниз, нарисована стилизованная фигура всадника. Нередко скобы с направленными в противоположные стороны концами соединяются горизонтальной линией. Аналогичные тамги в виде скоб, соединенных горизонтальной линией, встречаются у сарматского населения Северного Кавказа²⁵⁸, у которого, как известно, существовал культ лошади.

Геометрические фигуры так же, как и другая символика, отражали различные религиозные культы средневекового населения Чечни, восходящие к древнейшим эпохам, а также его миграции и культурные связи с цивилизациями Передней и Малой Азии и Европы.

Талкал-5

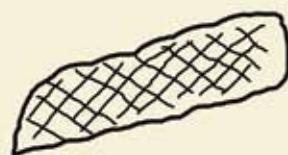

Шула-1

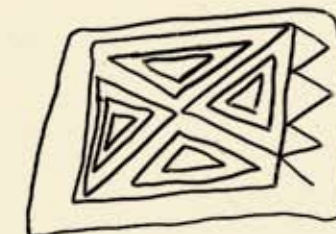

²⁵⁸ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. С. 153.

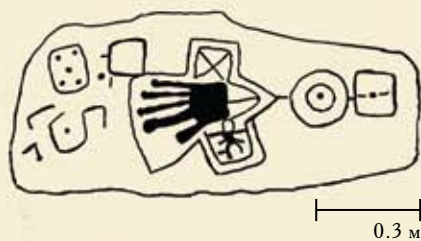

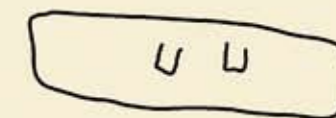
Селение Васеркел

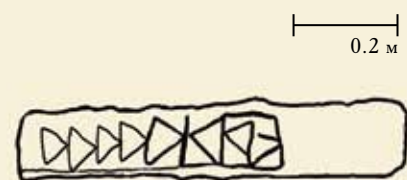
Селение Гурой

Селение Гамхи

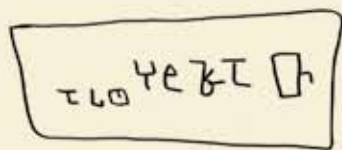
Селение Гухой

Селение Гурой

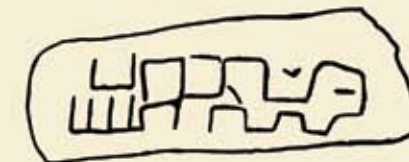
Селение Жогалдой

Селение Зумс

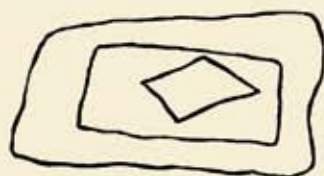
0.2 м

Селение Макажой

0.2 м

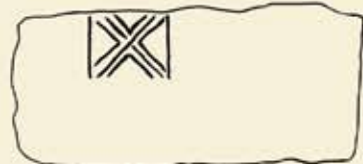
Селение Макажой

Селение Макажой

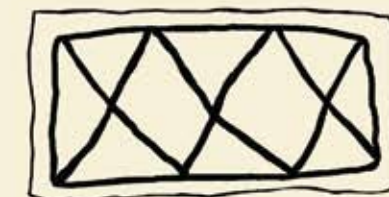
0.2 м

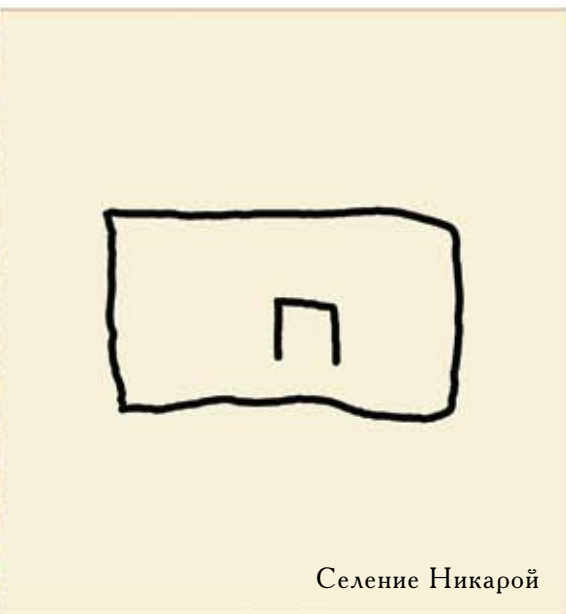
Селение Макажой

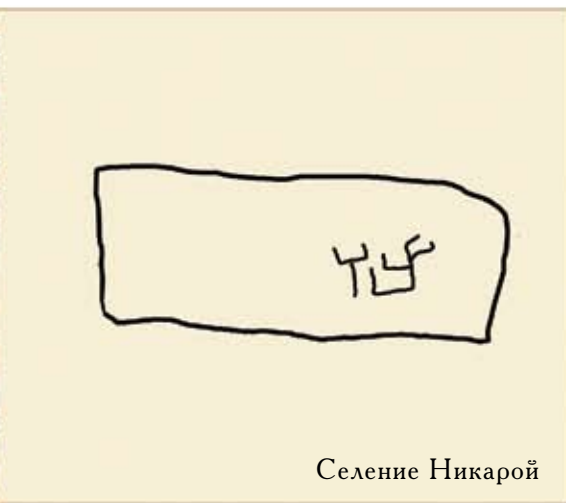
0.2 м

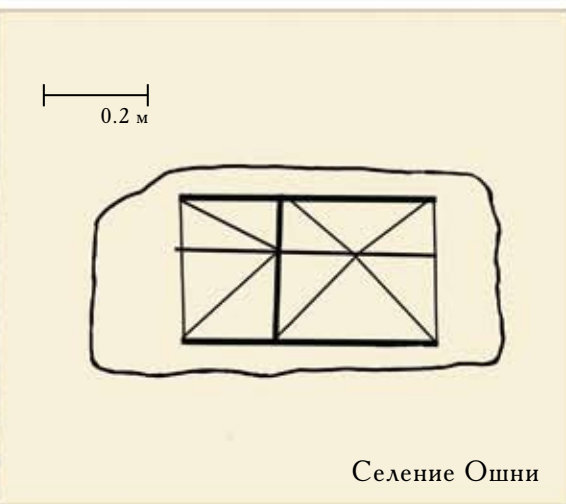
Селение Макажой

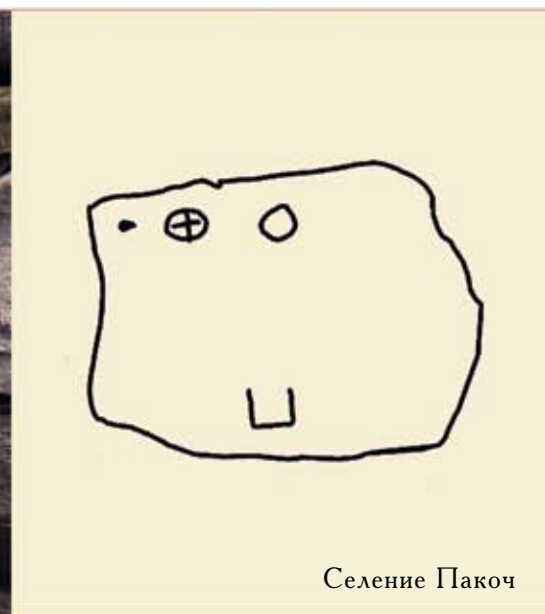
Селение Никарой

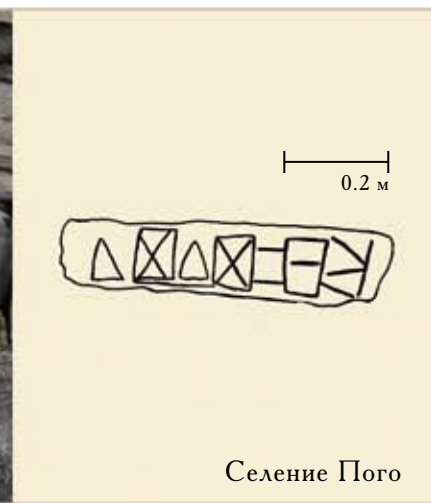
Селение Никарой

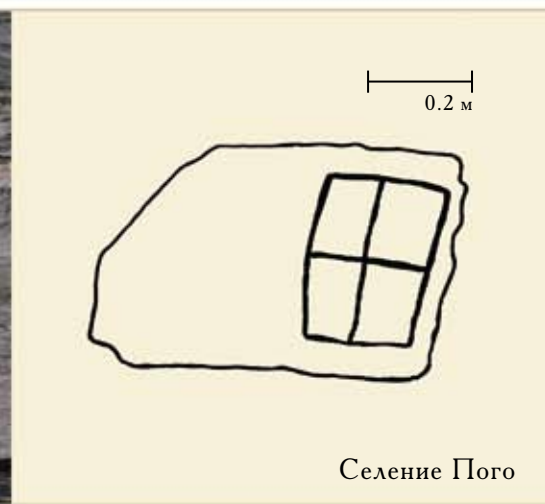
Селение Ошни

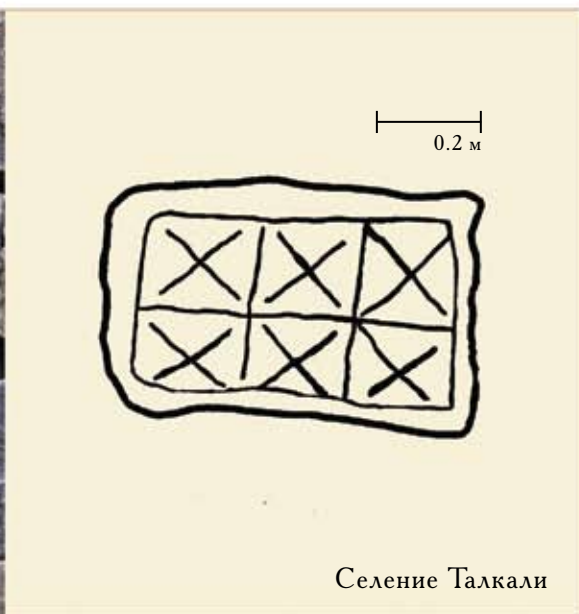
Селение Пакоч

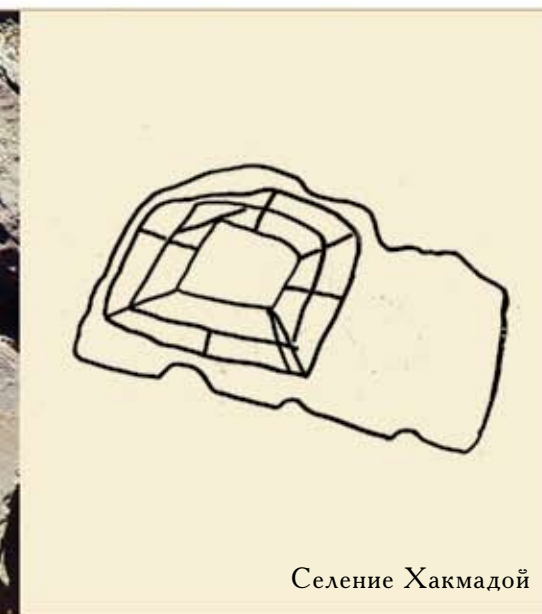
Селение Пого

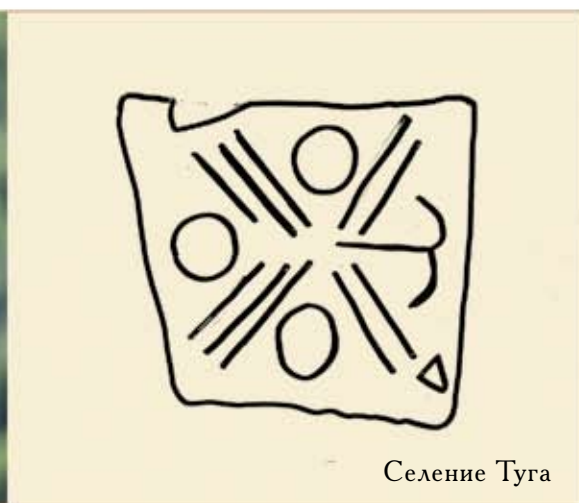
Селение Пого

Селение Талкали

Селение Хакмадой

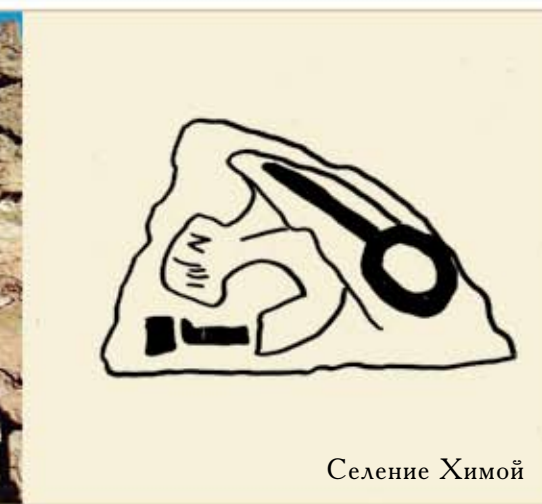
Селение Туга

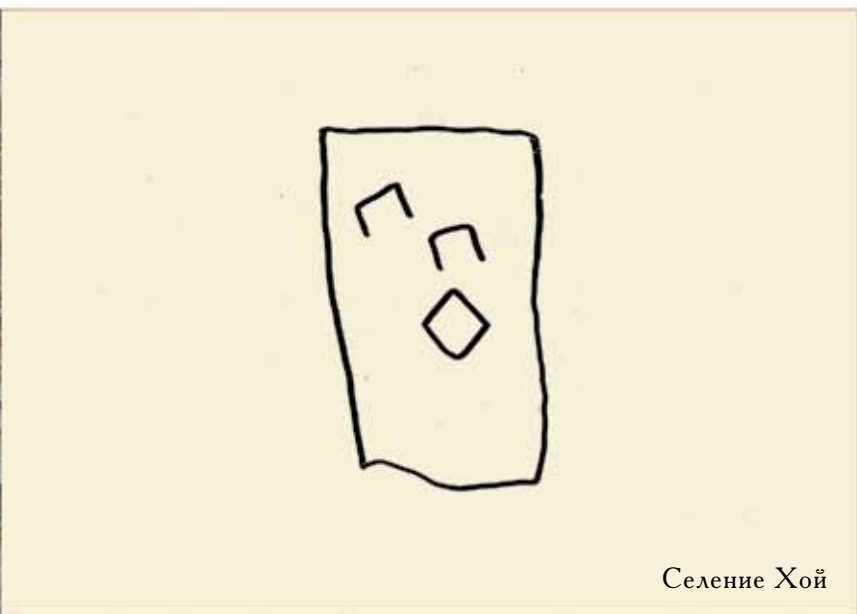
Селение Харкарой. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

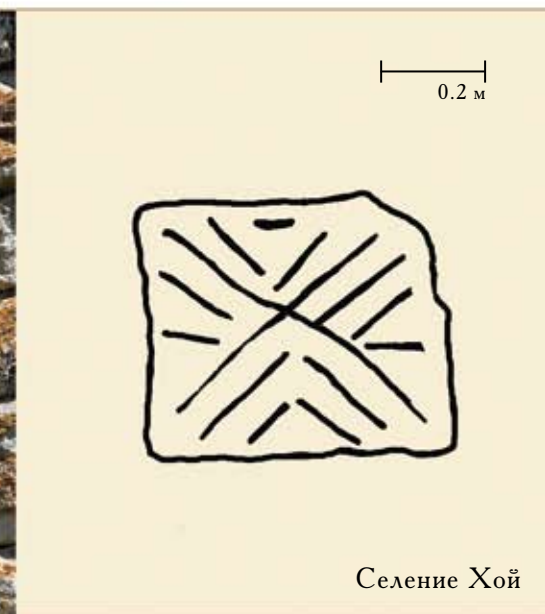
Селение Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

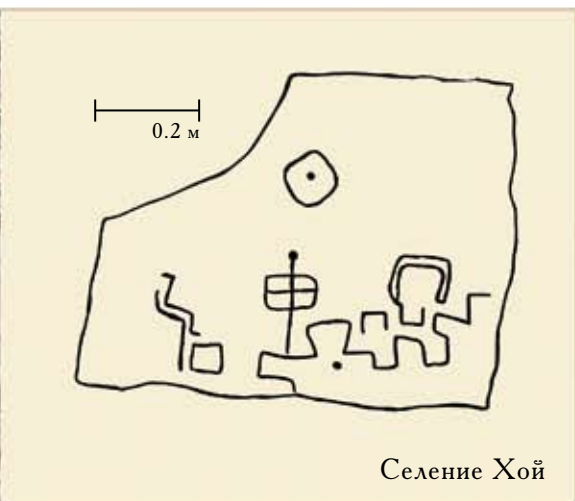
Селение Химой

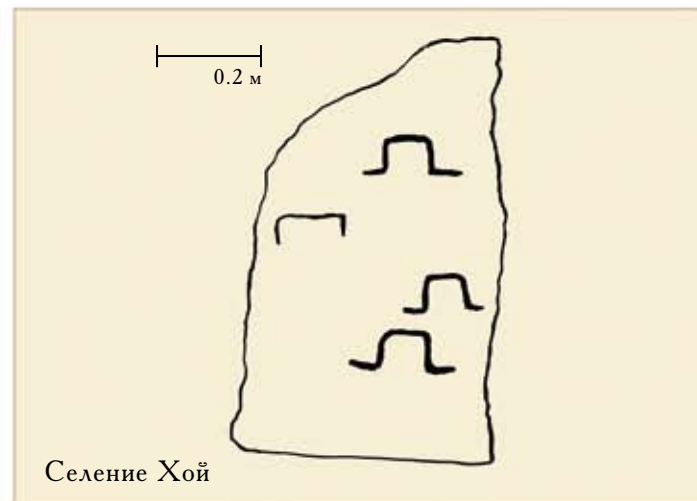
Селение Хой

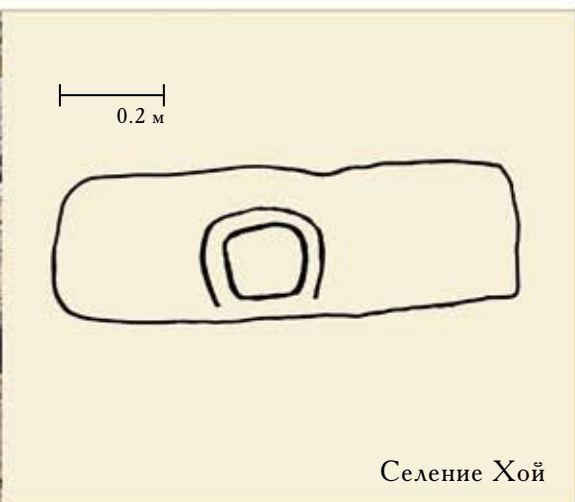
Селение Хой

Селение Хой

Селение Хой

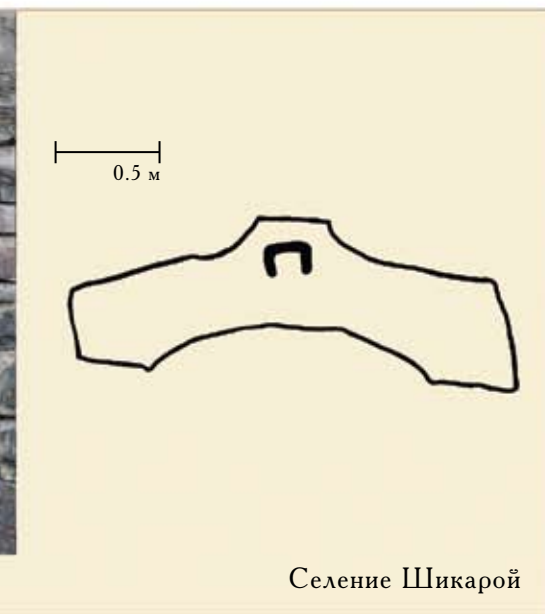
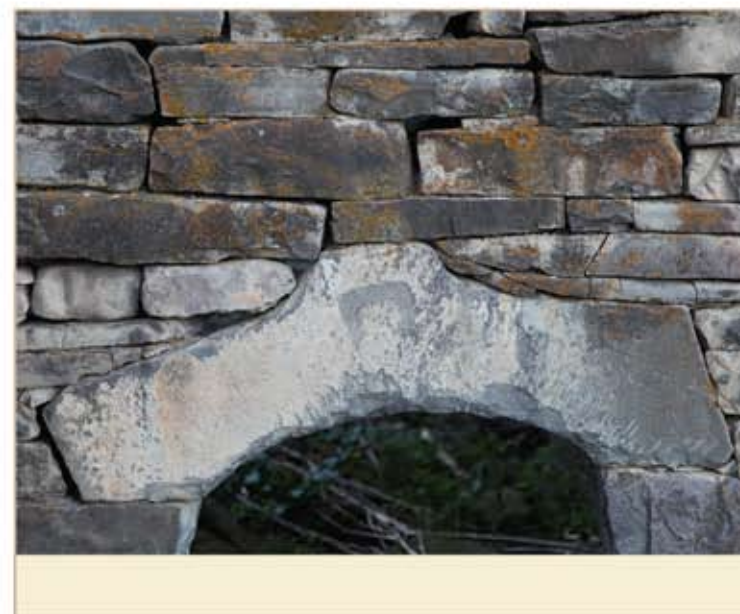
Селение Хой

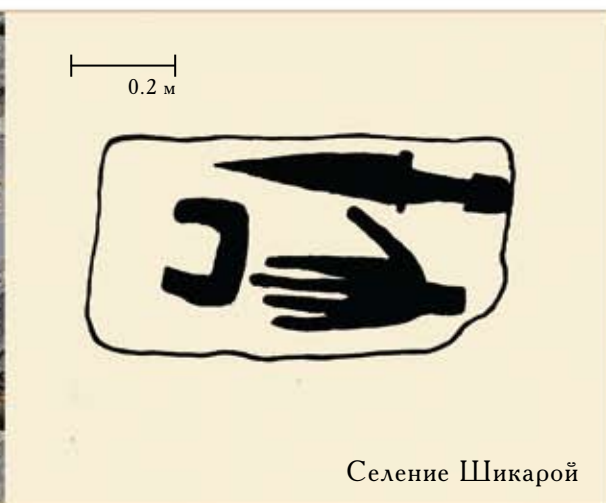
Селение Цой-Педе. Из кн. Р.Арсанукаев. Чеченские петроглифы. Париж, 2005

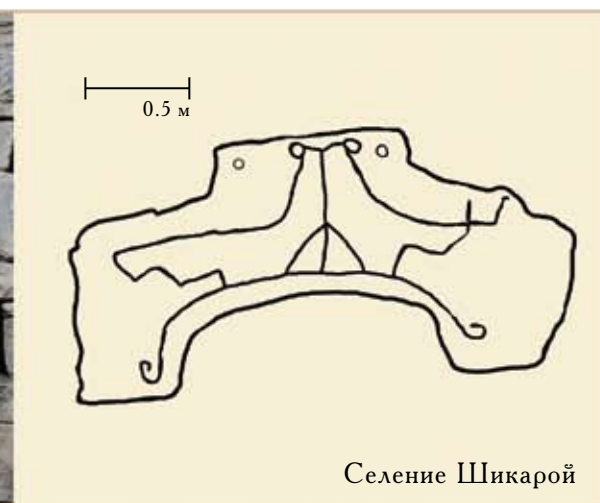
Селение Шарой

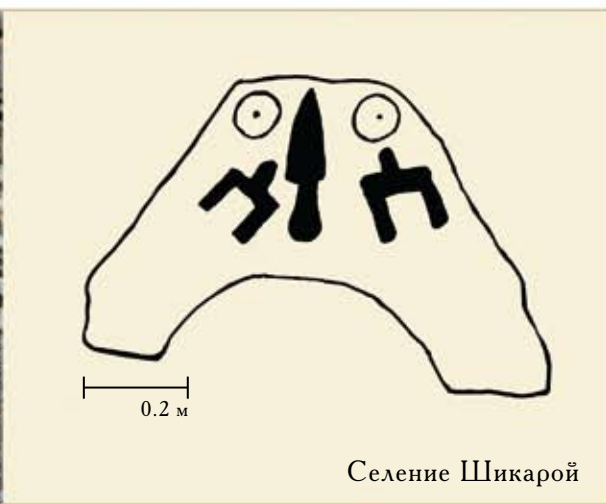
Селение Шикарой

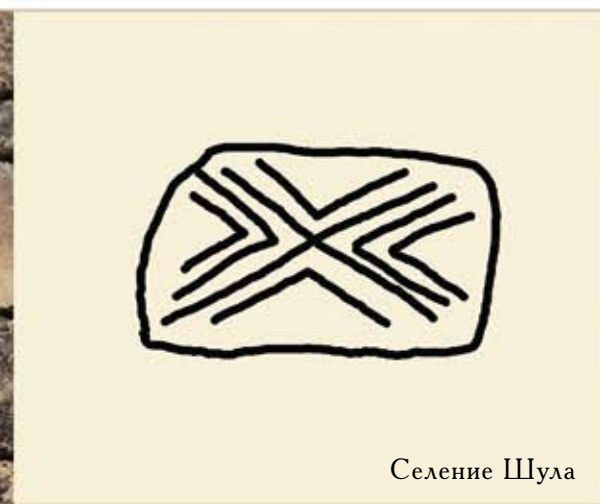
Селение Шикарой

Селение Шикарой

Селение Шикарой

Селение Шула

Члены экспедиции -
М. Лабазанов, М. Муртазов,
Р. Ижаев

Башня в селении Хуландой

ГОРЫ, РАСТЕНИЯ И ВОДНАЯ СТИХИЯ

Среди петроглифов встречаются, хотя и в небольшом количестве, изображения гор, которые в большей степени относятся к сфере реалистического графического искусства, чем к культовой символике. Такого рода изображения выполняли скорее декоративные функции, но при этом нельзя сказать, что в них полностью отсутствует магический элемент. Например, на арочном камне в селении Эйнкале горные вершины изображены вполне реалистично, однако изображение солнца имеет символический характер. Как мы уже отмечали, у чеченцев издревле существовал культ вершины. Самые высокие, покрытые снегом вершины считались обителью различных божеств.

Довольно распространенным является схематическое изображение злака, которое является растительным символом, кстати, имевшем то же значение в шумерском пиктографическом письме²⁵⁹. Такого рода петроглифы встречаются на всей территории Чечни, что является свидетельством существования древних земледельческих традиций у чеченцев. Это подтверждается и сохранившимся до нашего времени большим количеством искусственных террас на горных склонах. Встречается среди чеченских петроглифов и символика воды, водной стихии. Высокогорные озера Галанчоуж и Кезеной-ам были объектами культа, и считалось, что они имеют божественное происхождение. По преданию, на месте озера Кезеной-ам когда-то было древнее селение. Народ в нем жил вольготно и благодатно, не зная ни невзгод, ни лишений. Как-то раз в это селение пришел нищий – белобородый старец. Он стучался во многие двери, но никто не отворил ему, никто не подал даже куска хлеба. И лишь бедная вдова, жившая на окраине села в полуразвалившейся избушке, впустила его на ночлег и поделалась с ним своим скудным ужином. Утром старец сказал бедной вдове: «Я не нищий, а ангел. Жители этого селения будут наказаны за алчность и несоблюдение обычая гостеприимства – селение погибнет. Ты же должна уйти со своими детьми и подняться на склон горы». С этими словами старец исчез. И не успела вдова взойти на гору, как бурный поток воды с горных склонов обрушился на селение, и оно исчезло в волнах.

Почтительное отношение к роднику, к родниковой воде у чеченцев сохраняется и сейчас. До сих пор запрещается совершать омовение в родниковой воде, стирать вещи, ходить по руслу родника. Символом воды, водной стихии является двойная волнистая или зигзагообразная линия, которая в том же значении встречается в шумерском пиктографическом письме²⁶⁰. Символом водной стихии, небесной воды можно считать и изображение оленя, который является атрибутом божества неба, грома и молнии Селы.

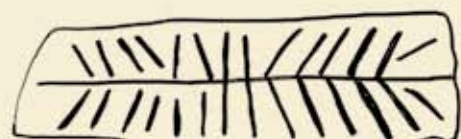
Башня в селении Хархарой

²⁵⁹ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М, 2002. С. 334.

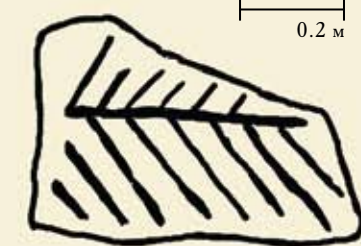
²⁶⁰ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. С. 334.

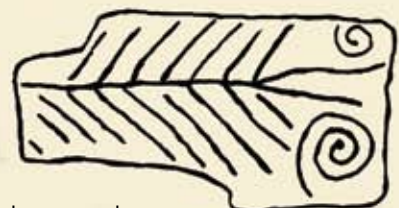
Селение Гурой

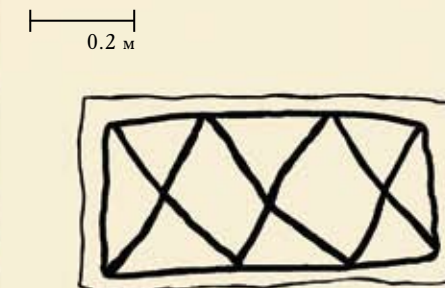
Селение Коречу

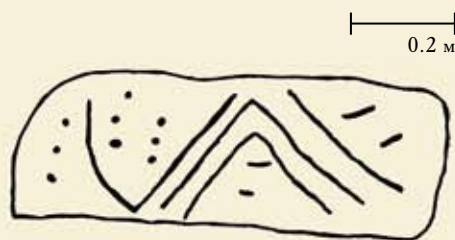
Селение Гурой

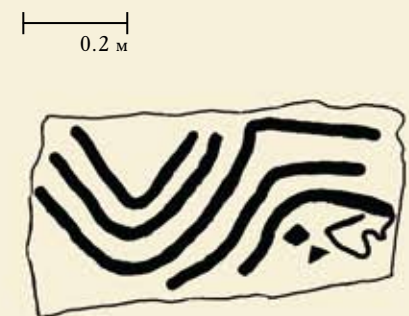
Селение Макажой

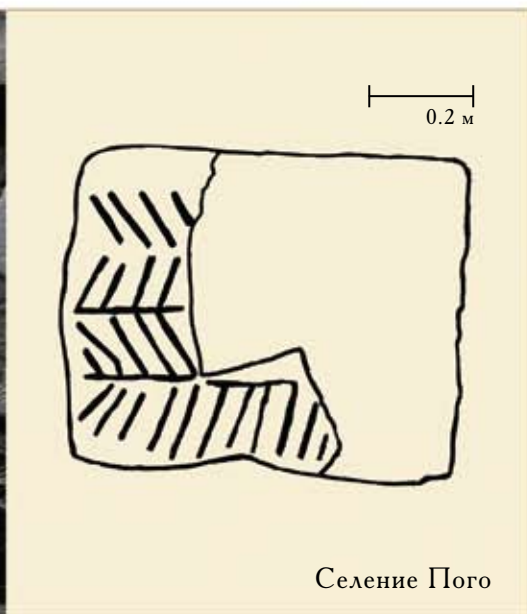

Селение Гурой

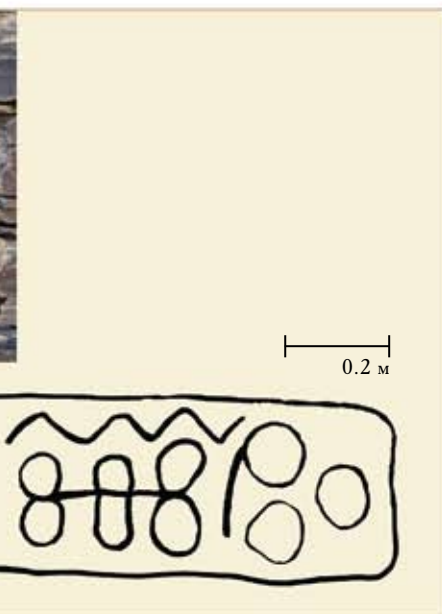

Селение Моцарой

Селение Погор

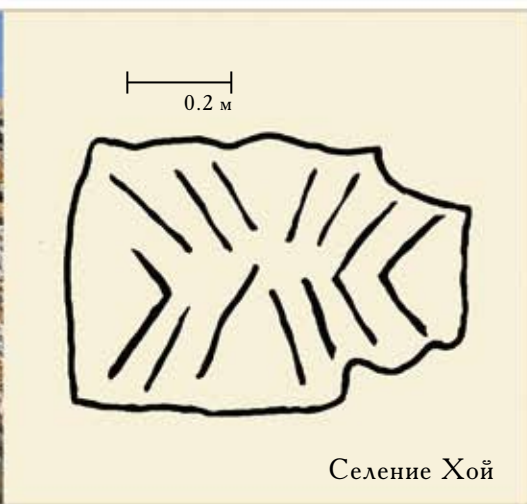
Селение Цой-Педе

Селение Харкарой

Селение Шикарой

Селение Хой

Селение Эйнкале

СОЛЯРНЫЕ И АСТРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ

Крест и свастика стали солярными символами в результате трансформации религиозных воззрений древнейшего человека, когда он начал воспринимать солнце как единого творца, как источник жизни. На чеченских средневековых постройках сохранилось множество знаков, непосредственно связанных с поклонением дневному светилу и появившихся уже после рождения культа солнца.

К ним относятся, прежде всего, так называемые розетки, ромашки, солнечные диски в виде колес со спицами, а также «звездочки». «Звездочки» представляют собой два четырехконечных скрепляющихся креста, напоминающих снежинку без поперечных линий. Конечно же, такого рода символ является более древним, чем культ солнца, и связан с культом Единого Творца так же, как свастика и крест. В шумерском пиктографическом письме он имел значение «небо», «звезда», «божество»²⁶¹. В средневековой вайнахской культовой символике этот знак был связан с солярным культом. Он встречается практически на всей территории горной Чечни от селения Хой на востоке до селения Цеча-ахк на западе.

Во многих исследованиях древних культов преобладает искусственная примитивизация и архаизация религиозного мировоззрения в различные периоды времени. На самом деле религиозная культура человечества не развивалась поступательно от политеизма к единобожию. На древнейшем этапе человечеству была свойственна вера в Единого Творца, которая затем была утрачена в связи с какими-то катаклизмами. И многие культы, связанные с почитанием вершин, рек, озер, деревьев, не всегда свидетельствуют о том, что люди обожествляли их. Они в то время еще не утратили органическую связь с природой, знали ее язык и понимали ее лучше, чем современные люди. И в солнце, и в снежных вершинах древние люди видели посредника между собой и Творцом, и поэтому относились к ним с особым почетом и обращались к ним с молитвами.

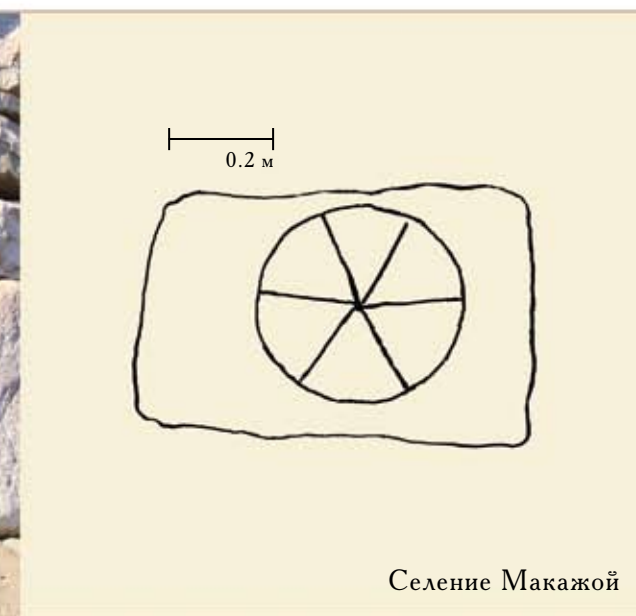

²⁶¹ Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. С. 334.

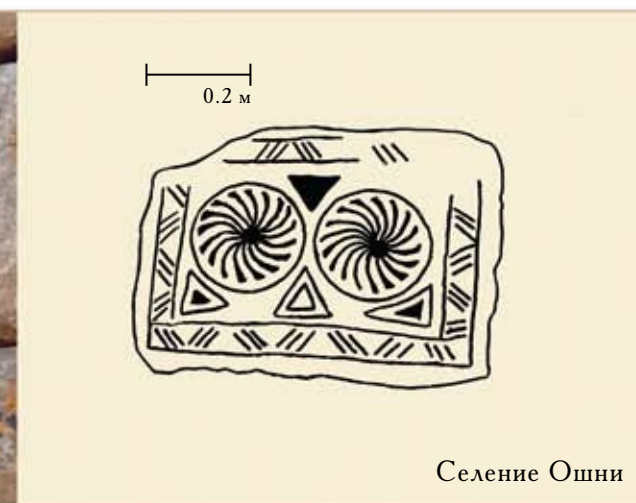
Селение Гурой

Селение Макажой

Селение Гурой

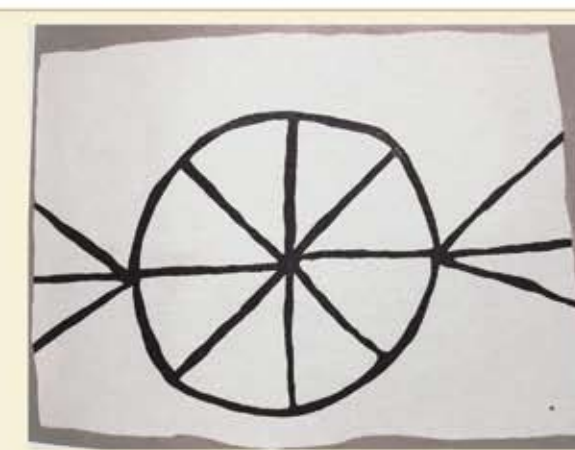
Селение Ошни

Селение Данкале

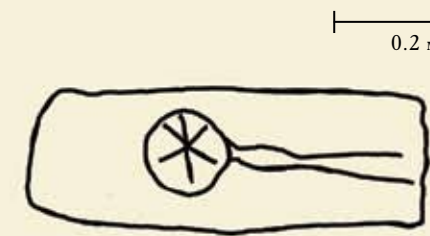
Селение Хайбах

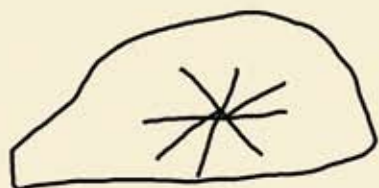
Селение Пакоч

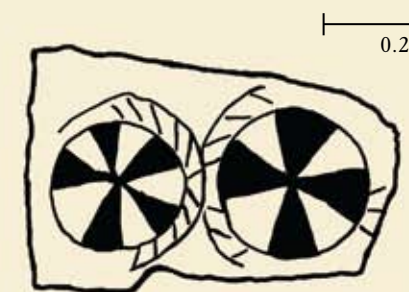
Селение Талкали

Селение Харкарой

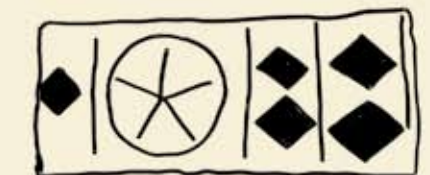
Селение Туга

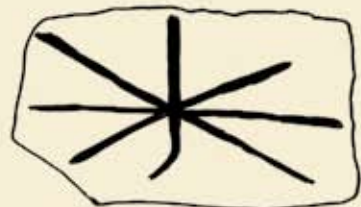
Селение Харкарой

Селение Шунди

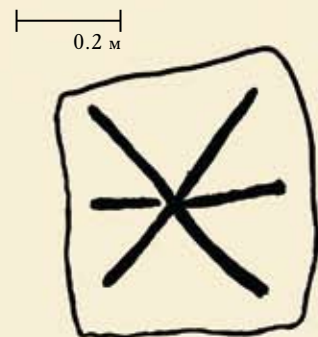
Селение Харкарой

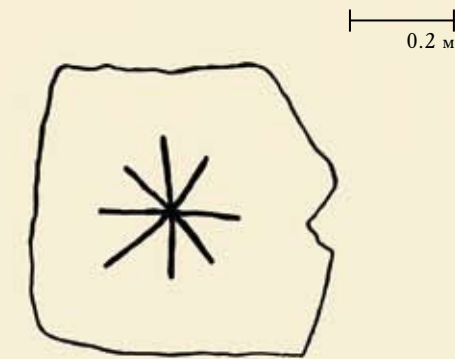
Селение Хой

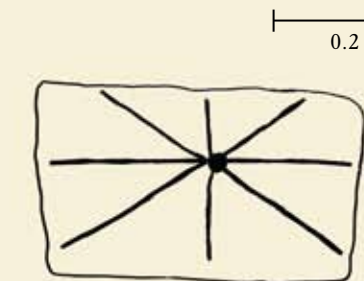
Селение Хой

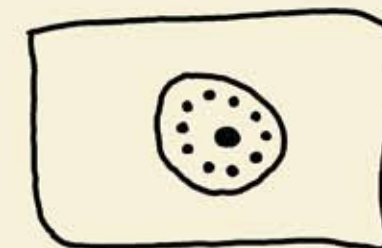
Селение Хой

Селение Ца-Кале

Селение Хой

Селение Шула

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В чеченской петроглифике отражается материальная и духовная культура всего человечества со времен палеолита и до раннего средневековья. Они свидетельствуют о генетических связях предков чеченцев с народами, создавшими древнейшие цивилизации в Передней и Малой Азии, Средиземноморье и Европе. Петроглифы несут в себе информацию о древнейших религиозных представлениях людей, об их эволюции и трансформации и дают возможность предположить, что вера в Единого Творца появляется вместе с человеком разумным. В этом отношении чеченские петроглифы являются культурным достоянием не только чеченского народа, но и всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Kuhn H. Das Symbol in der Vorzeit Europas. "Symbolon". Bd.2. Basel, 1961.
2. Plaetschke B. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.
1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. // Советская археология, 1979, №2.
3. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология, 1978, №1.
4. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М., 1997.
5. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни /К десятилетию Советской Чечни. Грозный, 1930.
6. Авторханов А.К. Краткий историко-культурный и экологический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону, 1931.
4. Аюбян А.А. Албания – Алуанк в греко - латинских и древнеармянских источниках. - Ереван, 1987.
5. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. IV. Тифлис, 1870.
6. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. IX. Тифлис, 1884.
7. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.
8. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974.
9. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
10. Алиев И.Г. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.
11. Алиев К. Кавказская Албания. Баку, 1974.
12. Анисимов С. Кавказ. Пособие по краеведению. М., 1930.
13. Анохин Г.И. Восточный Кавказ. М., 1978.
14. Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
15. Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
16. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
17. Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Баку, 2002.
18. Арсанукаев Р. Чеченские петроглифы. Париж, 2005. С. 94.
19. Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы: Аланы в раннесредневековый период истории Чечено - Ингушетии. Баку, 2002.
20. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002.
21. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
22. Арутюнян В.М., Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М., 1951.
23. Археологические памятники эпохи неолита и бронзы. М., 1966.
24. Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
25. Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
26. Атаев Д., Марковин В. Петроглифика горной Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Махачкала, Т. XIV. 1964.
27. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

28. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально - экономического развития и общественно - политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002.
29. Ахмадов Я. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.
30. Багдасаров Р. Мистика огненного креста. М., 2005.
31. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
32. Бартенев И.А., Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей. М., 1983.
33. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
34. Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. М., 2000.
35. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.
36. Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874.
37. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
38. Бетров Р.Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982.
39. Бетров Р.Ж. Происхождение и культурные связи адыгов. Нальчик, 1991.
40. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.
41. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
42. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1988.
43. Борчашвили Э.А. Общественно - экономический строй и классовые отношения в Чечено - Ингушетии в XVIII веке и в первой половине XIX века. Тбилиси, 2001.
44. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII - XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
45. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
46. Бузанда Фавстос. История Армении. СПб., 1883.
47. Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990.
48. Вагапов Я. Сарматы и вайнахи. Грозный, 1990.
49. Ванев З.В. Средневековая Алания. Сталинград, 1959.
50. Вильгельм Т. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. – М., 1992.
51. Виноградов В.Б. Вайнахо - западноазиатские историко-культурные параллели // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989.
52. Виноградов В.Б. Культурные места аланского Алхан-Калинского городища.
53. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1973.
54. Виноградов В.Б., Лосев Н.К., Саламов А.А. Чечено - Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963.
55. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у селения Мартан-чу в Чечне // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
56. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено - Ингушской АССР. Грозный, 1966.
57. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936.
58. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
59. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
60. Всеобщая история архитектуры. т.1. М., 1970.
61. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
62. Гагло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. А., 1979.
63. Гагло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV - X веков. А., 1979.
64. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I - XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.
65. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1968.
66. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис. 1890.
67. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
68. Голан А. Миф и символ. М., 1993.
69. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977.

70. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено - Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
71. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
72. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
73. Гуревич А.Я. Категории средневековой архитектуры. М., 1984.
74. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник, Владикавказ, 1893.
75. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
76. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
77. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М. - Л., 1948.
78. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1961.
79. Дешериев Ю.Д. Сравнительно - историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.
80. Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // Вестник древней истории, 1939, №4.
81. Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V-III тыс. до н.э. Тбилиси, 1970.
82. Джанберидзе Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии. М., 1976.
83. Джандиери М.И. и Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976.
84. Джандиери Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии от истоков до наших дней. М., 1976.
85. Джапаридзе О. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси, 1989.
86. Джапаридзе О.М. Археология Грузии (каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси, 1991.
87. Джапаридзе О.М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955.
88. Джаукян Г.Б. Взаимоотношения индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.
89. Дидебуладзе З.Ж. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X – XII вв. Тбилиси, 1983.
90. Доватур А. И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
91. Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
92. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1., СПб., 1871. - 454 с., Т.2., 1886.
93. Дударев С.А. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
94. Дударев С.А. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
95. Дударев С.А. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
96. Дударев С.А. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – 1 половина I тысячелетия до н.э.). Грозный, 1991.
97. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
98. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М., 1990. Дьяконов И.М. Древний Восток и мировая культура. – М., 1981.
99. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. - Л., 1956.
100. Дьяконов И.М. История Мидии. М.-Л., 1956.
101. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959.
102. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
103. Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М. - Л., 1963.
104. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967.
105. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993.
106. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. М., 1986.
107. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. - М., 1987.
108. Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969.
109. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967.

110. Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т.2. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008.
111. Иванов М. А. В горах между рр. Аргуном и Фортангой. // Известия Кавказского отдела Русского географического общества, 1904, т. 17.
112. Иванов М.А. Верховья р. Гехи // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Вып. XV. Тифлис, 1902.
113. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
114. Иллич-Свитыч В.М. Caucasica, «Этимология». М., 1964.
115. Ильина М.И. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946.
116. Ильясов А. Материальная культура чеченцев. М., 2008.
117. Ильясов А. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.
118. Ильясов А. Чеченский тейп. М., 2008.
119. Ильясов А.М. Материальная культура чеченцев. М. 2008.
120. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404). Баку, 1980.
121. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
122. Ипполитов А. Этнографические очерки Аргунского округа // Кавказские горцы. Сборник сведений. Вып. I. М., 1992.
123. Исламов А.А. Некоторые пережитки материнско-родового строя у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Том. IV, М. 1976.
124. История и этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981
125. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. М., 1988.
126. История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII века). – Сталинпир, 1962.
127. История Чечни с древнейших времен до наших дней. – Грозный, 2006.
128. История Юго-Осетии в документах и материалах. – Сталинпир, 1960..
129. История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
130. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
131. Кавказский сборник. Т.6., Тифлис, 1882. , Т.10. Тифлис, 1886.
132. Каганктваци Моисей. История агван. СПб., 1861.
133. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1977.
134. Калоев Б.А. Осетины. М: Наука, 1971.
135. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.8., М., 1830..
136. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903, Т. XXXII..
137. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
138. Карпини П.А. История монголов. М., 1957.
139. Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
140. Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1884.
141. Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967.
142. Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1965.
143. Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX – XX вв. М., 1982.
144. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.
145. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С.62.
146. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы (века и народы). М., 1984.
147. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1977.
148. Кожин И.А., Сидоров А.А. Архитектура средневековья. М., 1940.
149. Козенкова В.И. Кобанская культура. М., 1977.

150. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1978.
151. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989.
152. Козенкова В.И. Культурно - исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
153. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.
154. Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
155. Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-юрт. М., 1982.
156. Кокнев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928..
157. Коковцов П.К. Еврейско - хазарская переписка в X в. Л., 1932.
158. Кольцов Л.В, Марковин В.И. Новые местонахождения эпохи камня в горной Чечне. // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976.
159. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
160. Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
161. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
162. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
163. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
164. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М., 2002. С. 334.
165. Кривицкий В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб, 2012. С. 21.
166. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
167. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
168. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено - Ингушской АССР. Грозный, 1961.
169. Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станции Мекенской. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
170. Кузнецов В.А. Алания в X – XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
171. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
172. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
173. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1977.
174. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (к проблеме современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000.
175. Кузнецова Т.М. Эпосы по скифской истории. М., 1991.
176. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
177. Кулаковский Ю. Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского общества Истории и Древностей. Одесса, 1898, т. XXI, отд. II.
178. Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.
179. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917 – 1967 гг.). М., 1968.
180. Культура Чечни. М., 2006.
181. Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб., 2010.
182. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVIII вв. М., 1963.
183. Лавров Л.И. Историко - этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
184. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982.
185. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Вып.1, 2. СПб., 1992.
186. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1949, №3.
187. Леонтович Ф.И. Алаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883, вып. II.

188. Ллойд С. Археология Месопотамии. (От древнекаменного века до персидского завоевания). М., 1984.
189. Лосева И.М. Искусство древней Месопотамии. М., 1946.
190. Любимов Л.Д. Искусство древнего мира. М., 1971.
191. Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
192. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.
193. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
194. Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990.
195. Максимов Е. и Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892.
196. Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
197. Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.
198. Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура). Вестник древней истории, 1994, №1.
199. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969.
200. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.
201. Марковин В.И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
202. Марковин В.И. Культура племен Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1960.
203. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.
204. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.). // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
205. Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура). // Вестник древней истории, 1994.
206. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. М., 2003.
207. Марр Н.Я. Термин «скиф» // Марр Н.Я. Избранные работы. Т.5. М.-Л., 1935.
208. Материалы по археологии Кавказа. М., 1888.
209. Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994.
210. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
211. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
212. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
213. Меликишвили Г.А. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954.
214. Меликсет-Бек Л.М. Рельефы руки на памятниках материальной культуры феодальной Грузии // Материалы по этнографии Грузии. Вып.9. Тбилиси, 1957.
215. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. - Л., 1936.
216. Мещанинов И.И. Халловедение. Баку, 1927.
217. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1970.
218. Мизиев И.М. О создателях майкопской культуры. // Вестник древней истории, 1994, №1.
219. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарнии и Карачая. Нальчик, 1970.
220. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882.
221. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
222. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербанда. М., 1963.
223. Мириманов В.Б. К классификации палеолитических изображений // От мифа к литературе. М., 1993.
224. Мифология древнего мира. М., 1977.
225. Монгайт А. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974.
226. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
227. Мровели А. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
228. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII - XVII вв.). Грозный, 1977.
229. Мунчаев Р. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
230. Мунчаев Р. М. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году. // Археолого-этнографический сборник. Т. II., Грозный, 1968.

231. Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
232. Мусаев Т. А., Мусаева Н.Ф. Семантика культовых изображений в древней и средневековой культуре горного Дагестана. Махачкала, 2012.
233. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957.
234. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947.
235. Оганесян К.А. Архитектура Урарту. Л., 1966.
236. Оганесян К.А. Архитектура Эребуни. 1961.
237. Оганесян К.А. Крепость Эребуни. по материалам раскопок 1950—1959 гг. Ереван. 1980.
238. Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967.
239. Оппенгейм А.А. Древняя Месопотамия. М., 1980.
240. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948.
241. Основы теории художественной культуры. СПб, 2001.
242. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
243. Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века. // Археолого-этнографический сборник. Т. IV., Грозный, 1976.
244. Ошаев Х.Д. В сердце Чечни. Грозный, 1928.
245. Панарина О.А. Символика креста и ее отражение в этнографической науке // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998.
246. Петренко В.А. Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.
247. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
248. Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту. VIII - VI вв. до н.э. Л., 1962.
249. Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
250. Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. СПб, 2011.
251. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.
252. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. М.-Л., 1926.
253. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн.1-2. СПб., 1880.
254. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благости 1253 // Путешествие в восточные страны. Алматы, 1993.
255. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952.
256. Редер А.Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965.
257. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко - географический анализ. М., 1979.
258. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
259. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М, 1981.
260. Саркисян Д.М. Страна Шубри. - Ереван, 1989.
261. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
262. Сванидзе А. Материалы по истории алародийских племен. Тбилиси, 1937.
263. Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
264. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн.1-3. СПб., 1847.
265. Семенов А.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг. Грозный, 1963.
266. Семенов Н. Туземцы Северо - Восточного Кавказа. Чеченцы. СПб., 1895.
267. Сказки и легенды чеченцев и ингушей. М, 1983.
268. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972..
269. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
270. Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия. М., 1962.
271. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763.
272. Страбон. География. М., 1964.
273. Струве В.В. История Древнего Востока. М., 1941.
274. Султанов Н. Теория архитектурных форм. Каменные формы. М., 1914.
275. Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
276. Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.

277. Теодорадзе Г. Пять лет в Пшавии и Хевсуретии. Тбилиси, 1941.
 278. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.
 279. Техов Б.В. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Цхинвали, 1957.
 280. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды., Т.1., СПб., 1884.
 281. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды., Т.2., М. - Л., 1941. – 564 с
 282. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
 283. Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.
 284. Туркаев Х.В. Путь к художественной правде. Грозный, 1987.
 285. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. Ч.1. М., 1887.
 286. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. Ч.3. М., 1887.
 287. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
 288. Федоров А.Я. Историческая этнография Северного Кавказа. М, 1982. – 124 с.
 289. Флитнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л. - М., 1958.
 290. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
 291. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства. М.; Наука, 1966.
 292. Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
 293. Хан - Магомедов С.О. Лезгинское народное творчество. М.: Наука, 1969.
 294. Хачикян М.Л. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985. – 195 с.
 295. Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992.
 296. Ходжап С. Эребуни. Памятники урартского зодчества. М., 1979.
 297. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч.П. Орджоникидзе, 1975.
 298. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок.: пер. с англ. М., 1956.
 299. Чеченов И.М. Древности Кабардино - Балкарии. Нальчик, 1969.
 300. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских горцев. Махачкала, 1929.
 301. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
 302. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено - ингушским народами (С древнейших времен до XV века). Грозный, 1963.
 303. Шер Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
 304. Ширакаци Анания. Армянская география VII века до р. х. СПб., 1877.
 305. Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии.: пер с англ. М., 1995.
 306. Якобсон А.А. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. - Л., 1983.
 307. Якобсон А.А. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX – XV вв. Л., 1987.

СТАТЬИ

307. Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.
 308. Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы.// Проблемы скифской археологии. М., 1971.
 309. Абдушелишвили М.Г. Генезис горнокавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.
 310. Абрамова М.П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
 311. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // Советская археология, 1979, №2.
 312. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени// Советская археология, 1979, №2.
 313. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология, 1978, №1.
 314. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа// Советская археология, 1978, №1.
 315. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н. э. – первые века н.э.) // Археологические исследования на юге Европы. Ч.2. Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 54. М., 1982.
 316. Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и новых веков н.э. // Археологические исследования на Юго - Востоке Европы. М., 1974.
 317. Абрамова М.П. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья// Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
 318. Авторханов А.Р. К некоторым вопросам истории Чечни // Революция и горец, 1929, №9/11/.
 319. ал - Истахри. Книга путей царств. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.29., Тифлис, 1901.
 320. ал - Факих. Из книги о странах.// Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис, 1902.
 321. Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. //Ученые записки Ленинградского университета. 1949, вып. 13.
 322. Алироев И.Ю. Название оружия в нахских языках // Археолого - этнографический сборник. Т.IV. Грозный, 1976.
 323. Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 3, 1, 3; // Вестник древней истории, 1949, №3.
 324. Андреева М.В. К вопросу о знаковой роли посуды из раннебронзовых памятников Кавказа (конец IV – начало III тысячелетия до н. э.) // Вестник древней истории, 1996, №1.
 325. Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // Советская археология, 1977, №1.
 326. Андреева М.В. Об изображениях на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана // Советская археология, 1979, №1.
 327. Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. // Советская археология. 1949, №11.
 328. Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI-XIV вв.// О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
 329. Арриан. Объезд Эвксинского понта. // Вестник древней истории, 1948, №1.
 330. Артамонов М.И. Этногеография Скифии. //Ученые записки Ленинградского университета. 1949, вып.13.
 331. Афанасьев Г.Е. Патронимия у алан (К постановке вопроса) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.

332. Афанасьева Е.Г. Дохристианские религиозные верования алан // Советская этнография, 1976, № 1.
333. Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый при Кавказском горском управлении, Вып.V, Тифлис, 1871.
334. Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено - Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII - XVI вв.) // Археолого - этнографический сборник. Т.2. Грозный. 1966.
335. Багаев М.Х. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии. // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
336. Баладзори. Книга завоевания стран // Материалы по истории Азербайджана. Вып.3. Баку, 1927.
337. Бараниченко И.Н. Заметки о культовом зодчестве вайнахов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
338. Бараниченко Н.Н. Религиозные верования и обряды как показатель социальной дифференциации средневекового вайнаховского общества // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
339. Бархударян С.Г. Урартское происхождение армянского нахарарского рода Арцруни // Исследования по истории культуры народов Востока. М. - Л., 1960.
340. Башкиров А.С. Петрография Аварии // Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Т.V. М., 1930.
341. Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье. (III в. до н.э. - IV в. н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
342. Берштейн Э.Б. Народная архитектура балкарского жилища // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
343. Беслекова К.Х. Краниология осетин и происхождение осетинского народа // Известия Северо - Осетинского научно - исследовательского института. Т. XIX. Ораджоникидзе, 1957.
344. Бессонов С.В. Башни и крепости Южной Осетии // Архитектура СССР, 1934, №3.
345. Бибиков С.Н. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита // Советская археология, 1959, №4.
346. Билто. Из чеченского эпоса. Чеченское сказание // Терские ведомости, 1891, №98.
347. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно - антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.XIV. М. - Л.: 1953.
348. Буркин Н.Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец, 1931, №5 /31/.
349. Вагапов Я.С. Проблемы происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
350. Ванев З.Н. К этногенезу осетинского народа // Известия Юго - Осетинского научно - исследовательского института Академии Наук Грузинской ССР. Вып.13. Цхинвали, 1964.
351. Вартапетов А.С. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев. // Советская этнография, 1932, №4.
352. Виноградов В.Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования (историографический обзор). // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1976, №4.
353. Виноградов В.Б. Центральный и Северо - Восточный Кавказ в скифское время (VII - IV вв. до н.э.) // Вопросы политической истории, эволюции, культуры и этногенеза. Грозный, 1972.
354. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено - Ингушской АССР. // Труды ЧИНИИ. Грозный, 1966.
355. Виноградов В.Б., Чахкиев Д.Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // Советская этнография, 1984, №1.
356. Волкова Н.Г. Арабы на Кавказе // Советская этнография, 1983, №2.
357. Волкова Н.Г. Бацбийцы в Грузии (этнографические заметки) // Советская этнография, 1977, №2.
358. Волкова Н.Г. Из северокавказской народной этногонии // Полевые исследования ин-

- ститута этнографии. М., 1987.
359. Волкова Н.Г. Миграции и этнокультурная адаптация горцев в условиях равнинного Кавказа (XIX - XX вв.) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып.18., М., 1984.
360. Волкова Н.Г. О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века // Чечено - Ингушского научно - исследовательского института истории, языка и литературы. Т. VII. Вып.1. История. Археолого - этнографический сборник. Грозный, 1966.
361. Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе XVIII - XX вв. // Советская этнография, 1971, №2.
362. Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // Российская археология, 1997, №3.
363. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.9. Тифлис, 1890.
364. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис.1909.
365. Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей. Кавказский вестник, 1900, №5 - 6.
366. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Апшарацуйцу» (Армянская география VII века). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук, Ереван, 1988.
367. Гуриев Т.А. К истории алано - монгольских отношений в первой половине XIII века // VI международный конгресс монголоведов (Улан - Батор, авг.1992 г.): доклады российской делегации. Ч.1., М., 1992.
368. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. // Терский сборник. Вып.3. Кн.2., Владикавказ, 1893.
369. Далгат Б.К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса. // Этнографическое обозрение, 1901, №1.
370. Даутова Р.А. Башенные комплексы урочища «Эги - чожа» // Поселения и жилища народов Чечено - Ингушетии. Грозный, 1984.
371. Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // Вестник древней истории, 1939, №4..
372. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // Вестник древней истории, 1939, №4.
373. Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V-III тысячелетия до н.э. Тбилиси, 1970.
374. Джанапшвили М. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII. Тифлис, 1897.
375. Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. 1970, № 4.
376. Дьяконов И.М. Ассирия - вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 1951, № 2.
377. Дьяконов И.М. Заметки по урартской эпиграфике // Эпиграфика Востока. Вып.4., М., 1952.
378. Дьяконов И.М. и Старостин С.А. Хуррито - урартские и восточно - кавказские языки // Древневосточные этнокультурные связи. М., 1988.
379. Дьяконов И.М. К проблеме общины на Древнем Востоке // Вестник древней истории, 1964, №4.
380. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке. // Российская археология, 1994, №1.
381. Дьяконов И.М. Урарту, Фригия, Лидия. // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983.
382. Емельянов В.В. Мифология потопа и шумерская историография // Петербургское востоковедение. Вып.6. СПб., 1994.
383. Емельянов В.В. Три этюда о Гильгамеше // Петербургское востоковедение. Вып.7., СПб., 1995.

384. Златковская Г.Д. Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах. // Вестник древней истории, 1974, №2.
385. Зыцарь Ю.В. О родстве баскского языка с кавказскими // Вопросы языкознания, 1955, №5.
386. Иваненков Н.С. Горные чеченцы. // Терский сборник, Владикавказ, 1910, №7.
387. Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно - экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1910.
388. Иванов А. Из истории чеченского народа // Исторический журнал, 1937, №12.
389. Иванов А.И. История монголов (Юань - ши) об асах - аланах. // Христианский восток. Т.2., Вып.3., СПб., 1914.
390. Иванов И. Чечня // Москвитянин, 1851, № 19-20.
391. Иванов М.А. Верховья р.Гехи // Известия Кавказского отдела Русского географического общества XV, Тбилиси, 1905.
392. Из Ауха (Перевод истории чеченского племени) // Терские ведомости, 1869, №8.
393. Исаева Т.А. Социальный характер чечено - ингушской общины // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
394. Каждап А.П. К истории византийско-кавказских связей на рубеже XI и XII веков. // Историко-филологический журнал, № 11 (36), Ереван, 1967.
395. Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры // Кавказский этнографический сборник (Очерки этнографии горной Чечни). Т. VI. Тбилиси, 1986.
396. Калинин В.Н. К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым в Чечено - Ингушетии // Поселения и жилища народов Чечено - Ингушетии. Грозный, 1984.
397. Кафадарян К.К. Новые данные по архитектуре Урарту // Советская археология. 1967, № 4.
398. Клавдиан Клавдий. На Эвтропия. Книга 1. // Вестник древней истории. М., 1949, № 4.
399. Клавдий Птолемей. География. // Вестник древней истории, 1942, №2.
400. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.
401. Кобычев В.П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края. // Полевые исследования Института этнографии Академии наук СССР. - М., 1977.
402. Кобычев В.П. Язык есть нем. // Советская этнография, 1973, №4.
403. Ковалевская В.Б. Кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен (На материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1985.
404. Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено - Ингушетии. Грозный, 1981.
405. Козенкова В.И. О южной границе восточной группы кобанской культуры. // Советская археология, 1978, №3.
406. Кондухов М. Об извращении горской истории и современности в краеведении // Революционный Восток, 1930, №8.
407. Кореневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // Советская археология, 1990б, №4.
408. Крупнов Е. И. Еще раз о местонахождении города Деякова. // Славяне и Русь., М., 1968.
409. Крупнов Е.И. Галнатский могильник как источник по истории алан - асов // Вестник древней истории, 1938, № 2.
410. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Советская археология, 1964, №1.
411. Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и Кавказская этническая общность // Международный конгресс востоковедов. М., 1963.
412. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы Института археологии, №23. М.- Л., 1961.

413. Крупнов Е.И. О происхождении и датировке кобанской культуры // Совесткая археология, 1957, №.1
414. Кузнецов В.А. Актуальные вопросы средневекового зодчества Северного Кавказа. // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
415. Лавров Л.И. Донсламские верования адыгейцев и кабардинцев. // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
416. Лавров Л.И. Формы жилища у народов Северо - Западного Кавказа // Советская этнография, 1961, №4.
417. Магомадова Т.С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии. // Известия Чеченского института истории, языка и литературы, Т.9, Ч.2., Вып.1. Грозный, 1972.
418. Мадаева З.А. Вайнахская мифология // Этнографическое обозрение. 1992, № 3.
419. Максимов Е. Историко - географический и статистико - экономический очерк. // Терский сборник. Вып.3., Кн.2., Владикавказ, 1893.
420. Максимов П. В арбе по Чечне // Революция и горец, 1929, № 1-2, С.67-72.
421. Мальсагов Д. К постановке изучения чечено-ингушского фольклора // Революция и горец, 1933, №5.
422. Мамакаев М. Как не нужно писать о Чечне // Революция и горец, 1929, №3.
423. Марковин В.И. Склеп эпохи бронзы у сел. Эгикал. // Советская археология, 1970, №4.
424. Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
425. Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
426. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
427. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
428. Марковин В.И. Памятники искусства и культуры древнего Кавказа. // Советская этнография, 1970, №3.
429. Марковин В.И. Петроглифы Чечено-Ингушетии. // Природа, 1978, №1.
430. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1997.
431. Марковин В.И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Российская археология, 1994, №1.
432. Марковин В.И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
433. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
434. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Археология Чечено - Ингушетии в свете новейших исследований // Краткие сообщения института археологии. Вып. 100. Важнейшие археологические открытия 1960-1963 гг. М., 1965.
435. Марр Н.Я. Непочатый источник истории кавказского мира // Известия Академии Наук, 1917, №5.
436. Марцеллин Аммиан. История. // Известия древних греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Т.2. СПб., 1906.
437. Медоев А. Первоначальная культура Чечни // Терские ведомости, 1887, №69.
438. Меликишвили Г.А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге Урартских племен // Вестник древней истории. 1948б № 2.
439. Меликишвили Г.А. Напри - Урарту // Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч.1., Тбилиси, 1954.
440. Миллер В.С. Гипотеза о родстве этрусского языка с кавказскими // Кавказский Вестник, Тифлис, 1900, №11.
441. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии. // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888.
442. Миняева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. //

- Материалы по истории Ставропольского края. Вып. 2., Ставрополь, 1964.
443. Мосулишвили Г.Д. Модульная система в архитектуре и строительстве Грузии и Кабардино-Балкарии в прошлом. // Ученые записки Кабардино-Балкарского университета. Т.19. Нальчик, 1961.
444. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
445. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
446. Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // Советская археология, 1962, №3.
447. Нечаева А.Г. Об этнической принадлежности катакомбных и подбойных погребений Северного Кавказа и Нижнего Поволжья сарматского времени // Исследование по археологии СССР. Л., 1961.
448. Нечаева А.Г. Об этнической принадлежности катакомбных и подбойных погребений Северного Кавказа и Нижнего Поволжья сарматского времени // исследования по археологии СССР. Л., 1972.
449. Нечаева А.Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин. // Этническая история народов Азии. М., 1972.
450. Ошаев Х.Д. Малхиста // Революция и горец. Ростов - на - Дону, 1930, №8.
451. Перфильева А.А. Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе. // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
452. Попов И. Ичкеринцы // Сборник сведений о Терской области, Т. I. Владикавказ, 1878.
453. Птолемей Клавдий. Географическое руководство // Вестник древней истории, 1948, №2.
454. Пфафф В.Б. Материалы для истории осетин. // Сборник сведений о кавказских горцах. Т.V. Тифлис, 1871.
455. Пфафф В.Б. Этнологическое исследование об осетинах. // Сборник сведений о Кавказе. Т.II. Тифлис, 1871.
456. Раенко Я. Против реакционных вылазок в вопросе истории Северного Кавказа // Революция и горец, 1932, №4 /42/.
457. Раенко Я.Н. За ленинское изучение истории горских народов Северного Кавказа // Революция и горец, 1932, №4 /42/.
458. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
459. Семенов А.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. // Материалы и исследования по археологии СССР, 1951, №23.
460. Семенов А.П. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // Известия Северо - Осетинского научно - исследовательского института. Т. XIX, Орджоникидзе, 1957.
461. Семенов Ю.И. О периодизации первобытной истории // Советская этнография, 1965, №5.
462. Семенов Ю.И. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
463. Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.5
464. Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979.
465. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
466. Тогошвили Г.Д. К вопросу о характере грузино - северокавказских отношений в XI - XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988.
467. Тутнов Ф.Х., Тменов В.Х. Антропонимы предания об Ос-Багатаре. // Проблемы исторической этнографии осетин. – Орджоникидзе, 1987.
468. Умаров С.Ц. Архитектура позднесредневековой горной Чечено - Ингушетии // Памятники Отечества. – Кн. 2. М., 1975.

469. Урушадзе И.Е. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья // Советская археология, 1979, №1.
470. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн.12., Тифлис, 1881.
471. Ушаков П.Н. Древнейшее население Малой Азии, Кавказа и Эгеиды // Вестник древней истории, 1939, №4.
472. Фарфорский С. Чеченские этноды (Из дневника этнографа) // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т.VII. Ставрополь, 1912.
473. Х.О. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец, 1929, № 6.
474. Харадзе Н.В. Гекатеевы матиены // Вопросы древней истории. Кавказско - ближневосточный сборник. Вып. IV., Тбилиси, 1973.
475. Харадзе Р.А. Грузинская семейная община. Т.2., Тбилиси, 1961. – 162 с.
476. Харадзе Р.А., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т.2. Тбилиси, 1968.
477. Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып.3. М., 1888. – С.115 - 157.
478. Хизриев Х.А. Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против монголо - татарских завоевателей // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено - Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач.ХХ). Грозный, 1979.
479. Хизриев Х.А. Походы Тимура на Северо - Западный и Центральный Кавказ. // Известия Чечено - Ингушского научно - исследовательского института истории, языка и литературы. Т.9., Ч.3., Вып.1., Грозный, 1974.
480. Худадов В.Н. Халды - урартийцы после падения Ванского царства. // Вестник древней истории, 1938, №2(3).
481. Чаккиев Д.Ю. О территории и этнической основе зарождения боевых башен с пирамидальным венчанием на Кавказе. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
I. Древние археологические культуры на территории Северного Кавказа и этногенез чеченцев.....	8
1. Неолит и энеолит Кавказа.....	10
2. Куро-араксская археологическая культура.....	14
3. Майкопская археологическая культура.....	20
4. Северокавказская археологическая культура.....	30
5. Кобанская археологическая культура.....	37
6. Аланская археологическая культура.....	47
II. Проблема датировки чеченских петроглифов и их аналогии в древних культурах.....	70
1. Проблема датировки чеченских петроглифов.....	72
2. Чеченские петроглифы и их аналогии в древних культурах...	81
III. Древние религиозные культы чеченцев.....	86
IV. Средневековая чеченская архитектура и ареал распространения петроглифов.....	108
1. Средневековая чеченская архитектура.....	110
2. Ареал распространения петроглифов.....	139

V. Семантика и функциональные особенности чеченских петроглифов.....	182
1. Чеченская свастика.....	188
2. Крест.....	208
3. Спираль.....	224
4. Рука, ладонь.....	238
5. Антропоморфные изображения.....	250
6. Зооморфные изображения.....	262
7. Геометрические фигуры.....	270
8. Горы, растения и водная стихия.....	286
9. Солярные и астральные символы.....	292
Заключение.....	300
Библиография.....	301

Л. Ильясов
«Петроглифы Чечни»

Автор, составитель: Леча Ильясов
Литературный редактор: ??????????
Технический редактор: ??????????
Верстка: Денис Кошелев, Юлия Кусминская
Дизайн-макет: Елена Дукельская
Дизайн обложки: Елена Дукельская
Корректор: Милада Матвеева
Автор фотографий: Леча Ильясов

Научный руководитель серии
«Научная библиотека Чеченского Государственного Университета»:
Тамара Мазаева

Данное издание охраняется «Законом об авторских правах РФ».
Любая перепечатка текстов полностью или частично осуществляется только с письменного разрешения автора Лечи Ильясова.

По вопросам оптовой и розничной продажи обращаться
по телефону ????????????

Автор будет признателен любым отзывам, присланным по
электронной почте на адрес: ??????????????????

Подписано в печать ???.?.2014.
Формат издания ???x???/?. Бумага ??????
Гарнитура Garamond. Усл. печ. ???
Тираж ??? экз. Зак. ?????

Книга сверстана и подготовлена к печати:
ООО «Дизайн Хаус», 2014 г.
www.dshouse.ru